

Роберт ПАЛЬ • ЧЕЛОВЕК ПРИДУМАЛ КНИГУ

Роберт ПАЛЬ
ЧЕЛОВЕК
ПРИДУМАЛ
КНИГУ

**РОБЕРТ ПАЛЬ
ЧЕЛОВЕК
ПРИДУМАЛ
КНИГУ**

**МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1983**

Scan AAW

Роберт ПАЛЬ

1	ИЗ ГЛУБИНЫ
ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ	
2	ЧЕЛОВЕЧЕСТВО
В ПОИСКЕ	
3	ТАЙНЫ
ГЛИНЯНЫХ
КНИГ	
4	КАМНИ И
СВИТКИ
«СТРАНЫ
ПИРАМИД»	5
		СОТВОРЕНИЕ
АЛФАВИТА
		6
		КРОМЕ ГЛИНЫ
И ПАПИРУСА
		7
		РУКОПИСНАЯ
КНИГА

ЧЕЛОВЕК ПРИДУМАЛ КНИГУ

- 8** РОЖДЕНИЕ ЧУДА
- 9** ПЕРВЫЕ
СЛАВЯНСКИЕ
ПЕЧАТНИКИ
- 10** КНИГА В РОССИИ
- 11** НА СЛУЖБЕ
МИРА
И ПРОГРЕССА

12

13

И ИСКУССТВО,
И ОТРАСЛЬ
ПРОИЗВОДСТВА

НАУЧНО-
ТЕХНИЧЕСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
И КНИГА

Рецензенты:

доктор филологических наук профессор **А. Я. Черняк**,
кандидат филологических наук **О. Г. Ласунский**

Художник Г. В. Дмитриев

П $\frac{4503000000-070}{M-105(03)83}$ КБ—13—25—1983

© Издательство «Советская Россия», 1983 г.

Книга, быть может, наиболее сложное и великое чудо из всех чудес, сотворенных человечеством на пути его к счастью и могуществу будущего.

М. Горький

От автора

Героем этой книги является сама книга. Источник мудрости, светоч сердца, учитель добродетелей, гонитель пороков, лучший советчик и ближайший друг, духовное заветование поколений, откровенная исповедь народа, огромная сила, альфа и омега всякого знания... Все это — о ней, все это — она.

Книга давно уже стала первейшей, ничем не заменимой потребностью человека. Она сопровождает нас от самого рождения до последнего часа жизни. И не просто сопровождает, а учит, воспитывает, образует, открывает перед нами все сложности и все многоцветье окружающего мира, помогает понять его законы, а вместе с тем и самого себя.

Невозможно представить, что произошло бы, если бы однажды злой волшебник похитил или обратил в пыль все книги земли. По-видимому, это была бы самая страшная катастрофа за всю историю человечества. В первые же дни прекратились бы занятия в школах, вузах и других учебных заведениях, конструкторы и проектировщики вынуждены были бы заново изобретать каждую гайку, так как у них не стало бы их всезнающих друзей-справочников, многие ученые лишились бы возможности продолжить

свои исследования, а космонавты, бороздящие просторы Вселенной, не смогли бы вернуться на землю, неминуемо остановились бы многие производства, читатели остались бы без книг, пассажиры — без расписаний движения поездов...

Прошло бы совсем немного времени, и мощный локомотив человеческого прогресса начал бы пробуксовывать на месте. А потом, глядишь, покатился бы и назад...

Да, книга давно стала нашей чудесной обыденностью. В год великого юбилея русского книгопечатания Константин Паустовский писал: «Прошло всего четыреста лет — и сейчас мы уже любим книги не меньше, а иной раз и больше, чем другие великие ценности нашего существования, — не меньше самой жизни, природы и людей. Без книг мы теперь не можем ни жить, ни бороться, ни страдать, ни радоваться и побеждать, ни уверенно идти к тому разумному и прекрасному будущему, в какое мы непоколебимо верим...»

«Не меньше самой жизни...» Это сказано без всякого преувеличения.

Жизнь и книга встали в один ряд не только под пером писателя. Самая их суть поставила эти понятия рядом, ибо существовать друг без друга они не могут.

Величайшее из чудес, сотворенных человечеством, вошло в каждый дом, стало для всех вполне обычной и обязательной принадлежностью его. Однако некоторые из нас так привыкли к этому, что строят свои отношения с книгой не на доброжелательных основах. Посмотрите, как решительно иной читатель загибает в книге уголки страниц, с треском вырывает приглянувшуюся иллюстрацию или схему, рисует на полях всяких чертиков, перегибает книжный блок так, что не выдерживают, рвутся даже крепкие капроновые нитки шитья...

А как обращается со своим учебником иной школьник! Рассчитанная на четыре года пользования прекрасная книга едва доживает до конца одного учебного года. Право же, такие книги и такие читатели стоят того, чтобы их пожалели: книги — за их незаслуженные обиды и унижения, а читатели — за их духовную обедненность, бесчувственность и, если хотите, невежество. К счастью, подобных читателей у нас не так уж много, в нашей стране умеют ценить и любить книгу.

Книга — учитель, книга — наставник. Но книга еще и величайшая, ничем не измеримая духовная ценность, уникальный плод поисков, находок, потерь и новых обретений сотен и сотен человеческих поколений, апофеоз всей человеческой культуры, всего человеческого опыта. Плохо, если, взяв с полки книгу, мы осознаем только ее утилитарное назначение и остаемся глухи ко всему остальному. Эта досадная «глухота» — не врожденный порок, она — следствие нашей неосведомленности, невоспитанности, нашего незнания того сложного и многотрудного пути, который за тысячи лет прошла книга от первого рисунка древнего человека до массового «чуда» XX века. А знать это каждому образованному человеку необходимо. Тогда и восприятие книги, духовное общение с ней будут значительно богаче, многограннее и осознаннее.

К сожалению, ярких, увлекательных, рассчитанных на самые широкие круги читателей, книг этой тематики пока еще до обидного мало.

Многие книголюбы и сейчас еще помнят прочитанную в тридцатые годы великолепную книгу М. Ильина «Черным по белому», в которой они находили ответы почти на все свои вопросы. Однако за минувшие десятилетия наши знания о книге серьезно пополнились, а кое в чем и существенно изменились. Большую работу проделали ученые-книговеды, опубликовавшие за это время сотни книг и

статей по самым различным вопросам развития книжного дела.

Прекрасным подарком читателям стала выпущенная около двадцати лет назад книга Е. Л. Немировского и Б. С. Горбачевского «С книгой через века и страны». В отличие от М. Ильина авторы в ней не только проследили исторический путь книги, но и, что чрезвычайно ценно, впервые популярно рассказали о современной полиграфии, ее технике и технологии.

Массовому читателю адресована и эта книга. Наряду с фактами, уже получившими освещение в популярной литературе, в ней широко использованы материалы новейших исследований археологов, историков, книговедов, искусствоведов, социологов. В их числе публикации известных советских ученых — А. П. Окладникова, Д. С. Лихачева, Г. И. Вздорнова, А. А. Сидорова, С. П. Луппова, Е. Л. Немировского, П. Н. Беркова, А. И. Назарова, Е. С. Лихтенштейна, В. С. Люблинского, Ю. В. Кнорозова, А. Я. Черняка, Б. С. Горбачевского и многих других. Некоторые из них называются и неоднократно цитируются при освещении тех или иных вопросов.

Большое место отведено истории возникновения и развития письменности (от наскальных рисунков древнего человека до создания фонетического, буквенного письма), упорному совершенствованию формы и внешнего вида книги, характеру рукописной книги и появлению книгопечатания, успехам и проблемам книгоиздания в наше время.

На фоне мирового историко-книжного процесса рассматривается происхождение и развитие отечественной книги: как рукописной, так и печатной. Специальная глава рассказывает о рождении принципиально новой — советской книги, о ее роли в жизни нашего общества, гуманистическом, жизнеутверждающем, революционном характере.

Естественно, работа эта вовсе не претендует на то, чтобы «объять необъятное». Многое, очень многое осталось за ее пределами и еще ждет своей популяризации. Вместе с тем, если она чем-то поможет читателю, расширит кругозор, разбудит интерес, укрепит его сердечный союз с книгой, автор будет считать свою задачу выполненной.

ИЗ ГЛУБИНЫ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

„Самая древняя книга“. Сенсация Альтамиры. Рисованные рассказы на камне. Всегда ли Сахара была пустыней? Глазами художника и ученого.

1

Как-то в хранилище довольно старой и богатой библиотеки мне пришлось быть свидетелем такого разговора. Копаясь в стеллажах, один школьник неожиданно для себя наткнулся на весьма ветхий томик издания прошлого века. Радостно удивленный своей находкой, он кинулся к пожилой библиотекарше:

— Посмотрите, этой книге уже сто лет! Можно, я возьму ее почитать?

Та бережно взяла из рук мальчика книгу.

— Эта книга из фонда редких изданий, молодой человек. И их мы на дом не выдаем, можешь позаниматься в читальном зале.

— А ей и вправду сто лет?

— Сто, даже больше. Впрочем, у нас имеются и более старые издания.

— И самая-самая первая книга есть?

— Самая первая?.. Это ж какая такая самая первая?..

Школьник на миг смутился, но тут же нашелся:

— Ну та, которую сделали самой первой, от которой все и пошло. В нашем краеведческом музее есть такие вещи: первый велосипед, первый радиорепродуктор, макет первого парохода...

Библиотекарша поняла, наконец, любознательного мальчишку, и за стеклами ее очков вспыхнули лукавые огоньки.

— А ты уверен, что такая книга существует? Может, сходишь в какой-нибудь музей, попросишь на денек? Если дадут, не забудь показать и мне.

Огоньки становились все ярче, все лукавее, но мальчик этого не замечал.

— Ты хоть представляешь, как могла выглядеть эта самая первая книга? Или думаешь, что она всегда была такой, как сегодня?

Мальчик озадаченно молчал.

— Не представляешь, значит? Папирусные свитки, глиняные таблички, пальмовые листья, береста — все это, конечно, ничуть не похоже на книгу в сегодняшнем понимании, но это все-таки были книги. А до них существовали надписи на камне, на стенах гробниц и священных храмов, на древних печатях и сосудах... Еще раньше — рисунки в пещерах, на скалах — целые «картинные галереи» под открытым небом... И наконец — сам человек...

Школьник растерянно переминался с ноги на ногу. Он совсем не ожидал, что его «простой» вопрос может оказаться таким сложным.

— Да, да, сам человек! — увлеченно продолжала хранительница фондов. — Задолго до появления письменности человек в себе самом носил опыт своего племени, его историю, представления об окружающем мире, песни, мифы, обряды. Эта «живая книга» появилась вместе с человеком, с его умением думать, излагать свои мысли в словах. Недавно археологи нашли в Африке останки человека, которым, как утверждает наука, более трех миллионов лет. Вот оно где, начало! А может, еще и раньше?..

Самая древняя книга на земле — человек!..

И верно: древнее книги уже быть не может, ибо любая книга — высеченная на камне или вытканная на полотне, написанная на коже или процарапанная на коре березы, созданная в полутемной келье рукой переписчика-монаха или отпечатанная современной печатной машиной — есть плод человеческого гения и труда. Возникнуть до человека, до человека разумного, этот чудесный плод, естественно, не мог,

Пытаюсь представить себе эту «самую древнюю книгу». Вот у входа в пещеру первобытный человек выскабливает шкуру убитого медведя, чтобы затем превратить ее в нечто похожее на одежду. В грубых мускулистых руках крепко зажат примитивный каменный скребок. Крупные желтые зубы стиснуты от напряжения. Маленькие, глубоко посаженные глаза сосредоточенно сощурены, неподвижны и лишь иногда бросают вокруг короткий опасливый взгляд: не затаилась ли где в камнях душа убитого зверя, не готовит ли она своему обидчику какую-нибудь беду?

А вот опять она, наша «самая древняя книга». У нее много лиц и много занятий. Здесь человек собирает плоды и съедобные корни, там охотится на оленя, кабана или мамонта, вон на том озере ловит рыбу, а в этом горном ущелье копается среди кремневых осколков, стучит камнями, из которых должны получиться неплохие топоры, ножи и наконечники стрел...

Вот, выслеживая добычу, входит в лес, полный злых и добрых духов, загадок и опасностей. Тут ухо держи остро! Потому-то так легок и неслышен шаг, напряжено все тело, широко раздуты ноздри, насторожены глаза. Еще больше страхов и ужасов в грохочущем от грозы небе, в извергающемся огнем горе-вулкане, в обезумевшей, рвущейся из берегов воде...

Человек все видит, все запоминает, все пытается по-своему понять и объяснить. Долгие годы живут в его памяти дни больших бедствий и больших удач. До конца жизни будет рассказывать он молодым о своих предках, о героях и вождях своего рода, о том, как задабривать строгих богов и отводить их гнев, как ублажать духов земли, леса, воды и неба, как удачно добывать еду, хранить огонь...

А потом человек умрет. В жестокой схватке со зверем или себе подобным, под летучим небесным огнем или бе-

шеным камнепадом в горах, от голода или болезни. И он очень горюет, что все это умрет вместе с ним. Правда, многое из того, что он знает и умеет, переймут его сыновья. Но кто скажет, так ли хорошо они будут бить зверя, так ли благосклонно отнесутся к ним боги, не отвернется ли от них удача?

Хочется запечатлеть и свои героические дела, и свои подвиги на войне и охоте, чтобы затем о них рассказывали потомки. Но человеческая память короче лесного ручья. Сохранится ли что-нибудь в его темной текущей струе?

Наконец, выход найден. Человек взял ком красной глины и при свете костра нарисовал на стене пещеры могучего кабана. Это его он выследил и затем убил в смертельном поединке. А разве забыть охоту на древорогого красавца лося, долгую и изнурительную погоню за степными духами — лошадьми, злую и кровавую битву с соседним родом, нагло захватившим убитого их стрелой оленя?

Кто-кто, а уж он-то хорошо знает, куда должно попасть тяжелое копье, чтобы свалить или лишить сил медведя, как построить хищную ловушку на мохнатого отца всех зверей — мамонта, в какое время лучше всего подобраться к лосю или оленю. Все это он может нарисовать на каменной стене пещеры. Пусть приходят сюда молодые охотники, учатся у него мужеству и сноровке, быстрым танцем и громкими воинственными криками заклинают свою удачу...

Возможно, все это произошло и не совсем так, но главное для нас в том, что это все-таки произошло. Дикарь создал первый рисунок. Человек отправился в долгий и трудный путь...

Сенсация Альтамыры

Случилось это в 1868 году в испанской провинции Сатандер, близ Сантильяна-дель-Мар. Преследуя быстроногих горных животных, охотник набрел на пещеру, которая впоследствии получила название Альтамырской.

Через несколько лет в этой пещере побывал испанский археолог Марселино де Савтуола. Каменные орудия, обнаруженные им здесь, говорили о том, что когда-то, много тысячелетий назад, пещерой пользовались люди. Интересно? Безусловно. Но это еще не было настоящим открытием. Главное было впереди.

В 1879 году Марселино де Савтуола вновь отправляется в Альтамиру. На этот раз не один, а вместе с маленькой дочерью. Горные тропы быстро утомили пятилетнюю путешественницу, и отцу пришлось посадить ее к себе на плечи. Вот это, говорят, и решило судьбу Альтамыры! Сидя на высоких отцовских плечах, девочка с интересом разглядывала стены и свод пещеры с причудливыми натеками на камне и вдруг воскликнула:

— Папа, а здесь что-то нарисовано! С рогами! Посмотри...

Можно представить, как удивился археолог, привыкший больше смотреть под ноги и копать в земле в поисках древних черепков, чем глазеть по сторонам. Юная исследовательница мигом очутилась на полу, а возбужденный папа принялся, задрав голову, тщательно исследовать пещеру.

И тут пробил час самого главного открытия в жизни Савтуола. На потолке и стенах пещеры он обнаружил множество доисторических рисунков. Большею частью это были зубры. Кроме них — лошади, лани, кабаны, мамонты. Древний художник, имевший в своем распоряжении три краски — черную, красную и коричневую, поразительно

живо и динамично воспроизводил на камне животных, которых, безусловно, отлично знал.

Савтуола поспешил известить ученый мир о своем необычном открытии, но его публикациям... не поверили. Слишком совершенными показались ученым картины пещерных художников! Еще более смущала их палеолитическая древность, и признать ее ученые мужи отказались наотрез.

Поговорили, поговорили о необычных рисунках и забыли. Вспомнили лишь через несколько десятков лет, когда в Испании, Франции и других странах были обнаружены новые древнекаменные «картинные галереи». Пещеры Ламут, Камбарелль, Фон-де-Гом, Тюк д'Одубер, Монтеспан, Ляско и, наконец, пещера Шульган-Таш (Каповая) на Урале, в Башкирии... Сейчас их известно довольно много, и о том, что открытые в них рисунки созданы художниками глубокой древности, ученые уже не спорят. Спорят больше о том, какие мысли и чувства водили рукой безымянного живописца, создававшего свои шедевры.

Чтобы получить какое-то представление о древнейшем человеческом искусстве, нужно перечитать множество различных книг, публикаций. Подолгу задерживают наше восхищенное внимание могучие зубры Альтамыры, стремительно летящие, точно парящие в воздухе лошади и олени Ляско, величественные мамонты Шульган-Таша, пляшущие «колдуны» пещеры «Трех братьев», стадо оленей, переходящих через реку, грота Лортэ...

Сколько жизненности в этих линиях, красках, движениях! Какая меткость и острота наблюдения! Как много должна была уже знать и уметь рука древнекаменного художника, прежде чем прикоснуться к краскам...

Не удивительно, что даже известные европейские ученые не поверили первому сообщению Марселино де Савтуола. Теперь поверили. «А может, напрасно? — точит душу червь сомнения. — Может, действительно не по силам

это высокое искусство древнекаменному охотнику и все мы жестоко ошибаемся?..»

Но как в таком случае относиться к изображениям мамонтов, носорогов, пещерных львов и медведей, вымерших в Европе десятки тысяч лет назад, которых древние художники писали с таким знанием «предмета», словно перед ними во время их вдохновенной работы стояла сама живая натура?

В пользу палеолитической древности пещерных «картинных галерей» говорит и тот факт, что многие рисунки были покрыты коркой известняка, а то и целыми сталактитами, на образование которых потребовались тысячи лет.

Нет, все верно, ученые не ошибаются. Просто плохо еще знаем мы глубинную историю человечества, смутно представляем себе его жизнь, отношения, потребности и возможности. А оно в своем развитии не стояло на месте. Человек вел суровую борьбу за существование, осваивал новые территории и занятия, набирался опыта, задумывался об окружающем его мире, запечатлевал этот мир в линиях и красках, чтобы лучше понять и по-своему воздействовать на него в практических интересах.

И уже тогда в нем жила настоящая потребность рассказать о себе, о своих взаимоотношениях с природой. Непросто точно и правдиво нарисовать зверя, человека, хотя они перед глазами каждый день с рождения до смерти. Но еще сложнее и о б р а з и т ь с о б ы т и е и, тем более, запечатлеть мысль!

Сложно, невероятно сложно. Но, любуясь прекрасными творениями пещерных художников, проникаясь самым искренним уважением к их завидному таланту, невольно чувствуешь и веришь: рука, создавшая трепетную лань Альтамыры, через тысячелетия создаст и алфавит!

Рисованные рассказы на камне

«Не дошед острогу, на край реки Томи, лежит камень велик и высок, а на нем написано: звери и скоты, и птицы и всякие подобия...»

Эта запись принадлежит одному из первых русских землепроходцев, осваивавших «полунощную страну» Сибирь еще в допетровские времена. Перевалил безымянный путешественник Каменный пояс — Урал, достиг со товарищи живописных холмистых мест с рекой, бегущей среди голых скалистых обнажений, взглянул поутру на камень «велик и высок» и изумленно всплеснул руками:

— Глядит-ко, что за чудо! Камень-то писанный: тут тебе и звери, и скоты всякие, и птицы... Зело занятно и чудно...

Любознательный мужик, к счастью, владел грамотой. Кинулся к возку, разгреб узлы, достал бережно хранимые листы бумаги и принялся писать, продолжая бросать на загадочный камень завороченные взгляды.

Первооткрыватель Томской писаницы не назвал своего имени и остался для истории безымянным. Но имена других ее исследователей нам хорошо известны. В 1719 году для изучения бескрайних просторов Сибири по указанию Петра Первого направляется экспедиция доктора Д. Г. Мессершмидта. В составе ее оказался некий Филипп Иоганн Табберт, бывший шведский офицер, взятый в плен в Полтавской битве и сосланный в Тобольск.

Табберт осмотрел скалу с неолитическими рисунками и кое-что зарисовал. По возвращении на родину он выпустил книгу под названием «Описание северной и восточной части Европы и Азии». Впрочем, тогда он уже не был Таббертом: ему были пожалованы дворянский титул и другая фамилия — Страленберг. Под этой фамилией он и вошел в историю.

В книге Табберта-Страленберга впервые подробно рассказывалось о писаном камне на реке Томи и приводились некоторые рисунки. Не будучи специалистом, Страленберг истолковал их по-своему, ошибочно приняв за письменность какой-то неизвестной цивилизации. Ему даже показалось, что она родственна рунической письменности его родной древней Скандинавии.

Желанием увидеть в рисунках Томской писаницы письмена древних народов был охвачен не только Страленберг. Как рассказывал известный советский археолог академик А. П. Окладников, попытки доказать это делались и позже — в XIX и даже в начале XX века. «Например, — писал он, — И. Клапрот представил в Парижском Азиатском обществе интересный доклад, в котором доказывал сходство сибирских начертаний с европейскими алфавитами. Он даже пытался найти греческие и славянские буквы в сибирских петроглифах. Интересно, что уже в начале нашего века от этой мысли не мог отказаться даже такой серьезный исследователь, как И. Т. Савенков».

Публикации Страленберга и других авторов, гипотезы и споры вокруг них привлекли к Томским писаницам (таких «камней» на реке Томи оказалось несколько!) всеобщее внимание. Ими интересовался выдающийся русский историк В. Татищев, в XVIII—XIX веках их описывали геодезист В. Шишков, историк Г. Миллер, натуралист И. Гмелин, участники различных сибирских экспедиций — Я. Линдендау, С. Крашенинников, И. Фальк, Г. Спасский, И. Савенков, автор «Жизни животных» А. Брем и многие другие.

Наскальные рисунки — петроглифы, подобные томским, — сегодня широко известны в науке. Великое множество их обнаружено почти везде, где в далеком прошлом обитал человек. В Советском Союзе относительно хорошо изучены петроглифы в Карелии, на берегах Белого моря и Онежского озера, на Урале, Кавказе, в Средней

Азии, в горах Памира и Тянь-Шаня, в Сибири, на Дальнем Востоке.

Немало найдено их и в соседней Монголии. Вот что рассказала в 1978 году корреспонденту «Правды» участница многих экспедиций, автор книги «Петроглифы Монголии» Э. Новгородова:

«Уже завершены были все маршруты, упакованы материалы, документы, мы сидели возле переправы через Селенгу, дожидаясь машины. Одним из наших собеседников оказался начальник советско-монгольской геологической партии Н. Зайцев. Он сообщил:

— Есть на реке Чулуут такие рисунки на скалах, что сам академик Окладников удивился бы.

А позже иркутский геолог П. Коваль вручил нам рисунок лося с огненными рогами. Действительно, было чему удивляться. И естественно возникал вопрос: «С какой скалы срисовано это изображение, относящееся к эпохе неолита?» Ответ был такой: «Лося и сегодня можно увидеть на базальтовой скале над рекой Чулуут, в Северной Монголии, на высоте около двух тысяч метров».

Конечно же, возвращение в Москву было отложено.

Самая древняя терраса над Чулуутом насчитывала около десяти тысяч лет — это приблизительно период неолита. И лоси, и северные олени, выбитые на древних скалах, — одни из самых ранних изображений, которые когда-либо доводилось видеть ученым. Обследовали все камни. Спеша запечатлеть рисунки, трудились без малейшей передышки — приближались суровые морозы. Зима грозила спрятать от глаз бесценные творения. Мы точно определили время создания рисунка «оленя — золотые рога», ибо знали, что северные олени ушли из Монголии после оледенения. Значит, петроглифам как минимум шесть тысяч лет.

Но и петроглифы эпохи бронзы тоже можно считать редкими. Казалось бы, что может сказать рисунок быка,

который мы увидели на одной из скал? Бык как бык. Но историкам это изображение говорило о многом: оказывается, это было уже домашнее животное, побывавшее в ярме, оно уже покорилося человеку.

Неповторимый памятник древней культуры тянется над рекой на расстояние 40 километров. Невозможно прокомментировать каждое наскальное изображение. Поэтому остановимся на одном: колесницей правит человек, одетый в широкополую шляпу. Небольшая деталь — головной убор. Вспоминаем петроглифы, запечатлевшие подобные шляпы на некоторых территориях расселения индоевропейских народов. Индоевропейских! А здесь — Северная Монголия. Тайна?..

На сорокакิโลметровом скальном памятнике мы могли «познакомиться» с людьми эпохи бронзы, которые создавали эти творения. Теперь, через несколько тысячелетий, словно обращаясь к нам, они рассказали о себе: «Да, мы были почти все воины, умели сражаться как в пешем строю, так и на колесницах. На рисунках вы не встретите изображения седла или стремени, потому что мы не знали об их существовании...»

Находками заинтересовались археологи многих стран...

Да, наука придает огромное значение изучению подобных памятников. Уникальные писаницы — не только образцы изобразительного искусства далекого прошлого, но и важнейший исторический документ. Именно они позволяют нам лучше разглядеть те стороны хозяйства, быта, представлений людей древности, которые не могут с такой полнотой дать нам ни археология, ни фольклористика, ни другие науки о прошлом.

Вновь и вновь перелистываю книги с публикациями древних петроглифов. Томские писаницы поражают массой прекрасно выполненных лосей, скалы Верхнего Енисея и Амура — обилием рогатых личин-масок, которые

Рисованный рассказ о жизни древних племен Среднего Енисея.
Большая Боярская писаница.

можно рассматривать часами, писанные камни Среднего Енисея (Боярская писаница) — целыми полотнами из жизни древних обитателей этой земли с поселками, домашним скотом, людьми. Исследователь рисунков Боярской писаницы М. А. Дэвлет пишет:

«Время сгладило изображения, местами они густо поросли лишайником. Кроме того, Большая Боярская писаница невыгодно освещена. Обращенная на юг, она четко просматривается лишь вечером и особенно ясно ранним утром. Когда косые лучи восходящего солнца скользят по шероховатой выветренной поверхности скалы, изображения проясняются. Постепенно становясь все отчетливее, рисунки как бы оживают в сознании зачарованного зрителя, перед которым возникает поселок древних жителей Среднего Енисея, их жилища, скот, домашняя утварь, оружие, а также и сами творцы наскальных изображений. Вот внизу три всадника на лошадях и один на олене гонят оленье стадо к бревенчатым домам, обращенным к

зрителю фронтонной частью со входом. В центре среднего яруса изображений — главная группа жилищ: большие рубленые избы с покатыми крышами и конические постройки, напоминающие юрты. Около жилищ — котлы и животные: бараны с мощными круто закрученными рогами, козлы с бородками и длинными рогами, загнутыми назад. Слева на значительном расстоянии человек в своеобразном головном уборе гонит к домам длиннорогий крупный рогатый скот. Наверху опять-таки дома, а между ними котлы, крупный рогатый скот, бараны, лошади, одна из которых оседлана. Всадник в одной руке держит повод, а в другой, видимо, нагайку. Поблизости человек в остроконечном головном уборе с натянутым сложным луком в одной руке и посохом (?) в другой, у его ног — собака. Около построек — люди в молитвенной позе, с воздетыми к небу руками...»

Не правда ли: целый рисованный рассказ о жизни какого-то рода? Только вот как «прочесть» его!

И еще одна короткая остановка у писаного камня. Он был обнаружен сравнительно недавно — в 1957 году — научными сотрудниками Академии наук СССР в Центральной Туве.

Этот «камень» — гора Сын-Чурек, одиноко стоящая среди ровной степи. Стометровые скалы горы густо усеяны рисунками. Сцены охоты, танцующие шаманы в рогатых головных уборах, двухколесная повозка, запряженная парой коней, «летающие» фигуры диких животных, «небесный» олень с солнцем на рогах...

Многое из этого мне уже знакомо по другим писаницам. А вот рисунок, которого нет, пожалуй, больше нигде! Я буквально влюблен в него. Кому бы ни показывал его, все в один голос, точно сговорившись, восклицали: «Похищение невесты!» А узнав, что этому «похищению» что-то около пятнадцати или шестнадцати столетий, восхищен-

но качали головами: «Смотри-ка! Умели же рисовать эти древние!..»

Ученый, скопировавший и описавший рисунки Сыын-Чурека, тоже не обошел вниманием эту сцену. Между прочим, и назвал он ее так же, как и мои знакомые, — «Похищение невесты». Теперь это название почти «официальное».

Гляжу на выбитый в камне рисунок, и разыгравшаяся фантазия уносит меня за тысячи верст от моего рабочего стола. По степи на неоседланных конях несутся всадники. Один впереди, другой чуть сзади. На головах всадников и лошадей — высокие уборы в виде султанов. Возможно, так одевались и так украшали лошадей в особо торжественных случаях, например, на свадьбах?

Первый всадник скачет налегке и держит в поводу коня своего товарища, у которого сегодня счастливый день: он везет в свою юрту молодую красавицу-невесту. Вот она сидит впереди него на коне — в длинном девичьем платье, покорная своей судьбе, с печально поникшей головой. «Жених» крепко держит ее за плечи.

Летят, торопятся кони, хлещут по ногам высокие степные травы, встречный ветер свистит в ушах. Так уходят от погони. А голоса преследователей — уже за недалёким холмом...

Всегда ли Сахара была пустыней?

Пески, пески, пески... Бескрайнее знойное безмолвие... Раскаленный до звона воздух, мертвая на тысячу километров вокруг земля...

Такой мы с детства представляем себе пустыню Сахару. Это представление покоится на школьных учебниках и прочитанных книжках, и во многом оно верно.

Песчаная, безводная, прокаленная безжалостным солн-

цем... В памяти людей немало случаев, когда здесь бесследно исчезали целые караваны и экспедиции. До сих пор любознательные ученые разыскивают в пустыне следы пропавшей 50-тысячной армии персидского царя Камбиза, завоевавшего Древний Египет и двинувшегося на покорение богатого оазиса Сива. Ищут, но находят одни черепки от глиняных сосудов, из которых воины Камбиза выпили последний глоток теплой мутной воды...

Да, суров и неприветлив облик Великой пустыни. Но всегда ли он был таким? И всегда ли на этих необозримых просторах была пустыня?

Странный вопрос?

Ну, это еще как сказать!

...Шел 1933 год. Французский патруль во главе с лейтенантом Бренаном находился в разведывательном рейде по уэдам (руслам древних высохших рек) Джерат и Тасили. Когда изможденный зноем и жаждой отряд остановился на отдых в тени скалистого ущелья, лейтенант отправился осмотреть ближайшие окрестности. И каково же было его удивление, когда на дышащих зноем скалах он увидел странную, едва ли не фантастическую картину, созданную руками древнего художника. Она изображала процессию животных, совершенно необычных для Сахары, — мамонтов, бегемотов, носорогов, жирафов.

Это было невероятно. Сенсация из Великой пустыни взволновала многие умы Европы. Через четыре года ее подтвердили новые находки на западе Сахары у Фум-эль-Хассана. Археологи обнаружили здесь множество наскальных «картин», среди которых опять-таки носороги, жирафы, слоны...

Вспомнились сообщения о «камнях с надписями», поступавшие из Сахары еще в XIX веке. Тогда наука отнеслась к ним недоверчиво, но теперь положение существенно изменилось. Появились первые теории и гипотезы о далеком прошлом этого района земли. В Сахару потянулись

научные экспедиции. Одни из них изучали древние наскальные рисунки, другие — геологию, третьи — животный и растительный мир, культуру обитающих здесь народов.

В 1956 году в Сахару отправилась французская экспедиция во главе с Анри Лотом. Прежде всего она разыскала и изучила рисунки, обнаруженные лейтенантом Бренаном еще в 1933 году. Затем последовал ряд замечательных открытий в нагорье Тассили. В общей сложности здесь было найдено 1934 фрески, изображающие животных и охотников.

«Часто по вечерам, — писал Анри Лот, — выходя по окончании работы из пещер, каждый день открывавших перед нами все новые фрески, мы собирались у лагерного костра. Нам рисовались цветущие долины, леса, болота и звери, жившие когда-то в этом раю. Мы заселяли в нашем воображении эти места разнообразными животными. Добродушные слоны толпились возле воды, шевеля большими ушами. Пугливые носороги спешили к логовищам по узким тропинкам. Жирафы прятали головы в кустах мимозы. По долинам, пощипывая траву, бродили стада антилоп и газелей, находивших отдых под зелеными кронами деревьев. Наконец, мы пытались представить себе людей, живущих в скальных пещерах...»

Невольно вспоминаются картинные галереи Альтамыры, каменные писаницы Скандинавии, нашего Севера, Сибири. Изображая окружавших их животных, сцены из жизни родного племени, древние живописцы многое рассказали нам о своей эпохе и о себе.

«Бык, воспроизведенный на стенах десятки тысяч раз, был излюбленным сюжетом периода скотоводства, — пишет Анри Лот. — Чаще всего изображены целые стада, которые пасут пастухи. Рисунки быков выполнены с натуры с большим мастерством. Особенно тщательно выписаны детали: рога, уши, копыта и хвосты. Великолепно переданы гармоничные формы туловища. Пятна нанесены

красками различных тонов, в основном — белой... Многочисленные рисунки воспроизводят домашние работы. Они дают живое представление о быте тех времен. Люди жили в конусообразных хижинах. Женщины растирали зерна на каменных зернотерках. Быки использовались для верховой езды, причем женщины занимали место позади мужчины».

И еще из Анри Лота: «Нас поразило разнообразие типов их лиц: среди них есть негроидные и европеоидные. Очевидно, здесь бок о бок жили люди различных рас, разных физических типов... Разнообразие одежды — от длинных туник до коротких передников, сплетенных из травы, — подтверждает это предположение».

Трудно с достоверной точностью сказать, что побудило древних обитателей этой земли взяться за столь непрактичное для их времени занятие, как создание наскальных рисунков. Но нужно отдать им должное: если они хотели оставить о себе память своим потомкам, то справились с этой задачей блестяще. Их наскальное искусство довольно подробно говорит нам, как жили они еще 8—10 тысяч лет назад.

В 30-х годах итальянские археологи начали раскопки вблизи Джермы в южноливийской области Феццан. Предполагалось, что здесь когда-то был большой город могучего полулегендарного племени гарамантов. Ожидания археологов превращались в реальность. Первыми из-под песка появились древние захоронения. Кладбище из пятидесяти тысяч могил само по себе говорило о том, что здесь на протяжении многих веков существовал большой город.

Это блестяще подтвердили арабские археологи, раскопавшие неподалеку от Джермы «царский могильник» с останками 25 царей и цариц. Не менее ценные находки — развалины древнего храма, каменных домов, глиняные сосуды, изделия из золота, украшения...

Недавно в центре Феццана обнаружены и пирамиды. По мнению ученых, они гораздо древнее египетских!

И еще одна сенсация. Ее авторами стали ученые, исследовавшие цветочную пыльцу в различных слоях почвы на Ахагарском нагорье. Цветочная пыльца, как известно, может храниться в земле многие тысячелетия, и по ней легко определить существовавшую здесь растительность. Так вот, в самом нижнем слое почвы, возраст которого исчисляюТ в 8—15 тысяч лет, была обнаружена пыльца лип и дубов. Самому верхнему слою около 5 тысяч лет. Он порадовал ученых цветочной пылью кипарисов и масличных культур.

В сердце Центральной Сахары — липы, дубы, кипарисы! Это ли не открытие?!

Нет, не случайно древние художники рисовали на своих «фресках» тропических животных. Рука изображала то, что видели глаза. А глаза видели бескрайние зеленые просторы, пересекавшиеся широкими многоводными реками. Реки изобиловали рыбой, кишели крокодилами и бегемотами, плавно несли свои теплые воды среди непроходимых тропических лесов. В необозримых саваннах паслись стада газелей, антилоп, буйволов, слонов...

Об этом свидетельствуют рисунки древних обитателей Сахары. Как и все другие народы земли того далекого времени, они еще не знали письменности, чтобы сообщить о себе и своей земле более подробно. Но мы благодарны им и за это. Их наскальные «фрески» (местные жители арабы называют их «хаджерат мектубат» — «камни с надписями») и сегодня продолжают свой неторопливый рассказ.

Глазами художника и ученого

Тысячеликий, во многом все еще таинственный, до конца не разгаданный мир «каменных книг»! Он увлекает, берет в плен, не отпускает порой на многие годы. Как,

например, великого русского художника Николая Константиновича Рериха.

Известно, что значительную часть своей жизни Николай Константинович провел в Индии, история, искусство, философия которой волновали его давно. Впрочем, не в меньшей мере Рериха интересовали также другие районы Востока — Тибет, Гималаи, Китай, Монголия, Забайкалье... И не только как художника, но и как оригинального ученого, мыслителя.

Живя в Индии, Рерих организует одну за другой ряд труднейших экспедиций в сопредельные страны. Однако самой грандиозной, безусловно, была его известная Центрально-Азиатская экспедиция, занявшая несколько лет (1924—1928 гг).

Отправившись из Индии, Рерих и его спутники прошли Сиким, Кашмир, Китай, с разрешения Советского правительства познакомились с районами Южной Сибири и Алтая. Через Барнаул, Новосибирск и Иркутск экспедиция прибыла в Советскую Бурятию. Здесь группа Рериха пересекла советско-монгольскую границу и через Монголию и Тибет двинулась в обратный путь.

Тысячи километров изнурительной дороги, множество тяжелых испытаний, но Рерих твердо шел вперед. Лишь между Ладаком и Хатаном пришлось преодолеть семь перевалов, каждый из которых имел высоту более пяти километров. Крутые горные тропы, ледники, пропасти. А сколько других лишений испытали путешественники в местах, где одно появление европейца вызывало подозрение, а порой и открытую, фанатичную вражду.

Несмотря на все трудности, Рерих не отчаивался. Ненасытная жажда художника и ученого помогала преодолевать самые горькие лишения, дарила радость открытия, общения с новым, впервые так широко распахнувшимся перед ним миром.

«Чем-то зовущим, неукротимо влекущим наполняется

дух человеческий, — писал Николай Константинович, — когда он, преодолевая все трудности, восходит к этим вершинам. И сами трудности, порою очень опасные, становятся лишь нужнейшими и желаннейшими ступенями, делаются только преодолением земных условностей. Все опасные бамбуковые переходы через гремящие горные потоки, все скользкие ступени вековых ледников над гибельными пропастями, все неизбежные спуски перед следующими подъемами, и вихрь, и голод, и холод, и жар преодолеваются там, *где полна чаша находжений*».

Я специально выделяю эти последние слова в тексте Рериха. Он много искал и много находил. Чаша его *находжений* всегда была полна. Достаточно прочесть его восторженные впечатления от общения с суровой и торжественной, неповторимой и во многом созвучной его мыслям и чувствам природой Центральной Азии.

Но в этой экспедиции Николай Константинович был не только и даже не столько художником, сколько ученым. Сам он о цели своего путешествия писал: «Мы имеем в виду ознакомиться с положением памятников древней Центральной Азии, наблюдать современное состояние религии, обычаев и отметить следы великого переселения народов. Эта последняя задача издавна была близка мне».

Следы великого переселения народов... Они окружали Рериха со всех сторон. Он видел их в причудливом переплетении полузабытых преданий и легенд, в древних курганах и «камнях с лицами», в загадочных менгирах, испещренных непонятными знаками, и в многочисленных наскальных рисунках — петроглифах.

Он жадно рассматривал и изучал искусство разных эпох и племен, мирно соседствовавших часто на одной и той же скале, находя для всего свое, подчас интуитивное, спорное, рериховское объяснение.

«...Уже на полпути от Кашмира на скалах начинают попадаться древние изображения, — отмечает Рерих в сво-

ей книге о Центрально-Азиатской экспедиции. — Их считают дардскими изображениями, приписывая основу их старым жителям Дардистана. Присматриваясь к этим типичным рисункам на поверхности скал, вы замечаете их два различных типа. Одни более новые, более сухие по технике... Но рядом с ними иногда на тех же самых скалах вы видите сочную технику, относящую вас к неолиту. На этих древних изображениях вы различаете горных козлов с огромными крутыми рогами, яков, охотников-стрелков из лука, какие-то хороводы и ритуальные обряды. Характер этих рисунков потому заслуживает особого внимания, что те же древние изображения мы видим на скалах около оазиса Санджу в Синьцзяне, в Сибири, в Трансгималаях, и можно было узнать их же, вспоминая Халрестинн—горы Скандинавии». Так размышлял Николай Константинович и тут же одергивал себя: «Не будем делать выводов, но будем изучать и складывать».

Рерих «изучал», «складывал», строил смелые гипотезы и терялся в смутных догадках. Художник помогал ученому, а ученый — художнику. Но непросто было «прочесть» то, что многие тысячи лет назад, вероятно, было понятно всем. «Странные, непонятные народы не только прошли, но и жили в пределах Алтая и Забайкалья, — не спеша «делать выводы», тем не менее верно подчеркивает Рерих. — Общепринятые деления на гуннов, аланов, готов разбиваются на множество необъясненных подразделений... Оленьи камни, керексуры (насыпные курганы из камней), каменные «бабы», стены безмолвных городов хотя и описаны и сосчитаны, но пути народов еще не явили...»

Три года длилось путешествие по Центральной Азии. Многое из открытого, передуманного, прочувствованного нашло отражение в интереснейших книгах и картинах, ко многому Рерих постоянно возвращался и позже — до последнего своего часа.

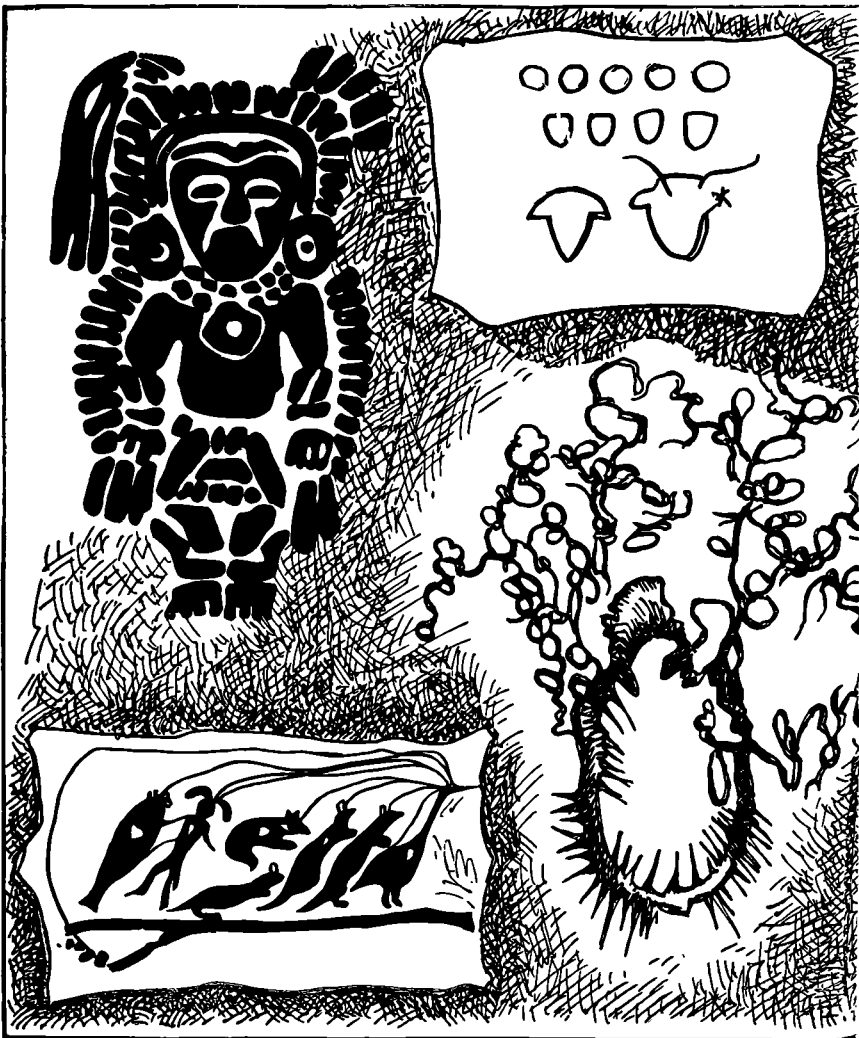
...Рассказывать о заре человеческого искусства можно бесконечно. Значение его трудно переоценить. Историк оно помогает найти и проследить пути великих переселений народов, этнографу — узнать и понять их занятия, обычаи, обряды, искусствоведу — прикоснуться к внутреннему миру, эстетическим воззрениям и представлениям древних, биологу — увидеть эту землю населенной живыми существами, такой, какой она была много тысяч лет назад...

Найденные рисунки — что письма из детства человечества. Нерадивая «почта» задержала их на многие тысячи лет, и они пришли к нам, уже повзрослевшим, умудренным многовековым опытом и различными науками, успешным забыть свои детские заботы, увлечения и пристрастия.

Однако как хорошо, что они все-таки дошли до нас! Долго, очень долго были в пути, и тем дороже их скупые «строки» сегодня!

Читая их, мы часто не можем побороть в себе несправедливой досады: не могли «написать» поподробнее и пояснее, не удосужились сначала придумать самые обыкновенные буквы!.. И тут же останавливаем себя: то-то и хорошо, что не стали дожидаться изобретения алфавита. Больше того — без этих рисунков не было бы и письменности. Ведь первым шагом к ней были, как известно, именно они. Сначала простые, неказистые, затем все более сложные и утонченные. Сначала изображения отдельных окружающих человека животных, затем — целых сцен из жизни первобытных охотников и пастухов. И лишь потом — отдельных, особо значительных событий. А от изображения событий — прямой путь к графической передаче мысли.

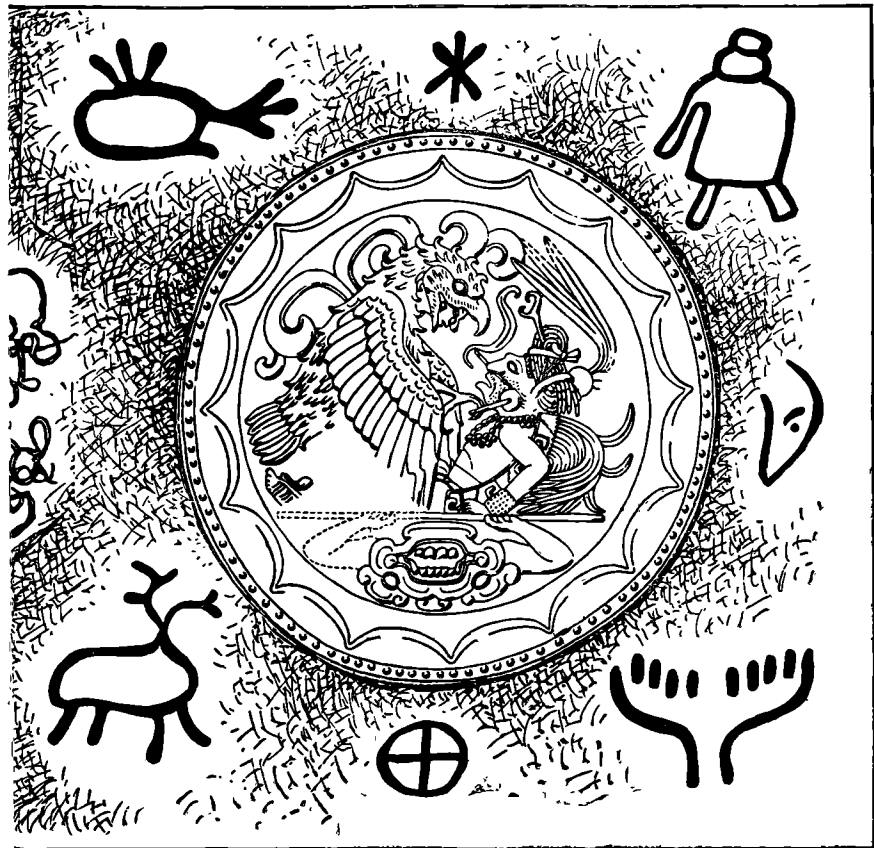
Впрочем, я не совсем уверен, таким ли уж прямым был этот путь, если на преодоление его человечество затратило целые исторические эпохи.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО В ПОИСКЕ

*Остановить, увековечить мысль! Признание „Северной
Татьяны“. Книги из узелков. Загадки далеких веков.
„Говорящие пояса“ и раковины.*

2

Остановить, увековечить мысль!

Это, наверное, и в самом деле так: человек стал по-настоящему человеком только тогда, когда научился обращаться к себе подобным с помощью речи. Членораздельная речь, возникшая на основе трудовой деятельности и коллективного образа жизни, совершенствуясь на протяжении тысячелетий, превратилась в мощное орудие развития человеческого общества.

Попробуем представить себе хотя бы небольшую группу людей, выполняющих одну какую-то работу и не умеющих разговаривать. Например, копающих траншею под фундамент небольшого сооружения.

Вот они получили лопаты, рулетки, техническую документацию. Прежде чем вонзить лопаты в грунт, нужно, очевидно, разобраться в задании, прочесть чертежи, произвести необходимые измерения, распланировать строительную площадку, обсудить расстановку людей на объекте, оплату труда и т. д.

Но ведь наши рабочие «немы»! Как обо всем этом договорятся, как поймут друг друга? Без этого даже такую несложную работу выполнить невозможно.

— А жесты? — призовем на помощь свою память. — А понимание с полуслова?

Конечно, когда-то жесты играли большую роль в общении людей, но ими можно выразить лишь самые простые мысли. Понимание же с «полуслова» тут совсем ни при чем, ведь прежде чем достичь такого уровня взаимопонимания, люди не один день, а порой и не один год работают рядом, обсуждают все тонкости своего дела, не раз делят-

ся своими мыслями и соображениями. И опять-таки это понимание с полуслова!

Рытье траншей в нашем сегодняшнем представлении — очень простая работа. Но как быть, если, предположим, бригаде землекопов потребуется координировать свою деятельность с прибывшей на стройку техникой, с другими коллективами — с теми, кто делает кирпич, железобетонные конструкции, заготавливает лес, трубы и многое другое, что необходимо для возведения объекта?

Да, речь — величайшее изобретение человеческого разума. Но и она при всей своей мощи имеет серьезные ограничения. Например, во времени и пространстве. То, что я сейчас говорю своему товарищу, нельзя воспроизвести (конечно, без соответствующей аппаратуры) через час, через день, через год. Товарищ мой может слышать меня лишь на относительно небольшом расстоянии.

Стало быть, все, что имели и что создавали древние люди вновь, могло распространяться только, как говорится, из уст в уста, из рук в руки. Среди этих навыков — секреты пользования огнем, изобретение гончарного круга, колеса, лука, лодки, паруса и т. д. Но ведь все эти и многие другие открытия стали широко известны людям почти всей планеты, возразим мы сами себе. Да, они получили большое распространение, но на это ушли многие тысячи лет. Человеческая цивилизация на этом этапе развивалась крайне медленно, а до некоторых уголков земного шара в силу ряда объективных причин не доходила совсем.

Преодолеть досадную ограниченность устной речи со временем становилось все необходимее: усложнялась человеческая деятельность, отношения в обществе, все труднее становилось держать в памяти медленно, но неуклонно растущий объем знаний, закреплять и передавать их последующим поколениям.

Единственное, что могло разрешить назревший исторический конфликт, — это создание письма.

...«Письменность — это величайшее изобретение руки и ума человека», — писал Джон Бернал. Вот именно — руки и ума! И готовился человек к этому самому великому своему изобретению многие и многие тысячелетия, что нетрудно проследить по тем же наскальным рисункам.

Но и научившись рисовать, человек еще далеко не сразу научился писать. Рука, пожалуй, была уже вполне подготовлена к этому, но ум... Ум все еще искал решение задачи.

Как заставить слово жить дольше того краткого мгновения, пока оно сходит с уст? Каким образом запечатлеть его на дереве или камне точно так, как запечатлены на них животные или сцены заклинаний?

Но запечатлеть слово — это значит поймать, остановить, увековечить мысль. А мысль — она такая неуловимая...

Представляю, какую головоломку поставила жизнь перед древними Ломоносовыми и Эйнштейнами слова. А впрочем, их, пожалуй, и не было. Первые элементы письменности — графической фиксации мысли — рождались, умирали, возрождались в новом, более совершенном облике так же медленно, как и многое другое в жизни наших неторопливых предков.

Во всяком случае, абсолютно исключено, чтобы какой-нибудь гениальный малый вдруг решил осчастливить свой народ, засел в свою хижину на день, на неделю (на целую жизнь!), напрягся и в один прекрасный момент «вынес» на люди готовую азбуку, а впридачу к ней еще и орфографию с синтаксисом и пунктуацией.

Жаль, могла бы получиться красивая легенда. Хотя объективности ради надо сказать, что легенды такие существуют у многих народов. Правда, героями их являются не простые смертные, а боги. Сами боги — это тоже о чем-то говорит!

Легенды легендами, а в жизни все было иначе. Как?

Этого достоверно и точно нам, вероятно, никогда не узнать. Вернее — не вспомнить, как не вспомнит человечество многое из своего туманного детства.

Вспомнить нельзя, но представить, как это могло быть, можно. И здесь мы опять возвращаемся к слову.

Да, все начиналось со слова. Для древнего человека оно как бы еще не отпочковалось от того, что в нем заключено. То, что оно обозначало, можно было осмотреть своими глазами, потрогать руками, взвесить на ладони, понюхать, наконец! При слове «олень» и раньше рисовали оленя. При слове «топор» — топор, при слове «солнце» — ясное небесное светило.

Однако окружающие человека предметы и животные не существовали сами по себе, а так или иначе были связаны друг с другом, зависели друг от друга. Связующим звеном между ними чаще всего был сам человек. Например, из крепкого камня и доброй палки получался надежный топор. С ним человек мог охотиться на оленя. Убитый олень давал вкусное мясо и теплую шкуру.

Эта взаимосвязь человека, вещей, окружающей природы отражалась в его речи, а раз в речи, то, стало быть, и в мысли. Улавливая эту связь, люди, очевидно, и начали пробовать свои силы в передаче мыслей, прибегая к уже испытанному языку рисунков. Ведь если их расположить в определенной логической последовательности, то может получиться короткий рисованный рассказ, в какой-то степени понятный и другим.

Представим себе такую ситуацию. Охотнику нужно отправиться на промысел, а на стоянке, кроме детворы, — никого из взрослых. Конечно, можно наказать, чтобы перешли, куда он ушел, но эти непоседы такой ненадежный народ! Чего доброго, еще поплетутся следом и испортят всю охоту!

Подумав, охотник решает оставить «записку». В ней должно быть всего несколько слов: «Я пошел добывать еду

в сторону Большой Горы». Чего, казалось бы, проще! Но то, что просто для нас, для того охотника было очень сложным делом. Когда он кончил рисовать свою «записку», у него аж испарина на лбу выступила. Зато и «записка» получилась что надо!

Прежде всего он нарисовал самого себя, готового в дорожку, — с копьём и луком. Потом — только ноги: разве не ясно, что это он идет из лагеря? Куда? А вон к той большой дуге, возле которой пасется рослый жирный олень. Большая дуга — это Большая Гора, хорошо известная его соплеменникам. Там он и будет добывать еду.

Сегодня такое своеобразное «письмо» мы называем пиктографическим, то есть картинным, рисуночным.

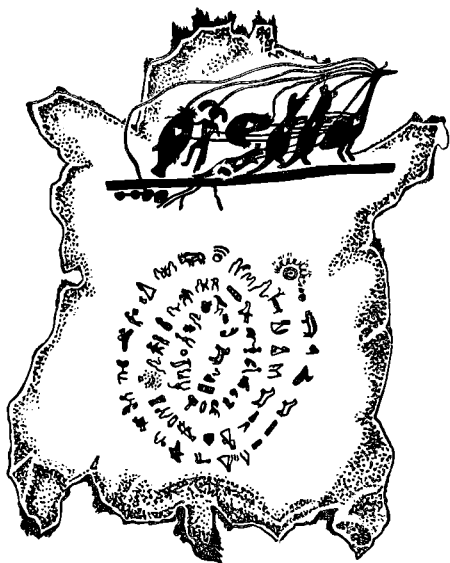
Признание «Северной Татьяны»

Несколько сохранившихся образцов пиктографического письма приводит в своей замечательной «Книге о языке» Франклин Фолсом. Вот, например, выполненный на шкуре бизона рисуночный рассказ индейцев дакота «о каком-то важном событии». Рисунки расположены в центре шкуры, спиральными кругами. Среди них — фигурки людей, животных, птиц, какие-то знаки. Все выписано очень тщательно, прямо-таки «каллиграфическим почерком». Одна беда — невозможно прочесть!

А вот и знаменитое «Прощение семи племен североамериканских индейцев конгрессу США». Ученые, говоря о зарождении письменности, часто приводят его в качестве примера. Причем делают это не без гордости: ведь они смогли прочесть его!

Попробуем вслед за ними прочесть его и мы.

На рисунке изображена процессия из шести животных и одного человека. Первым идет, очевидно, вожак группы — журавль. Следом — три животных, похожих на боб-

Прощение семи племен
североамериканских индейцев
к конгрессу США — типичный пример
пиктографического письма.

ров, затем лиса, человек. Заключает процессию рыба, напоминающая то ли карпа, то ли озерного окуня.

Не правда ли — забавная компания!

Однако нетрудно догадаться, что художник рисовал вовсе не животных. Не таким он был глупцом, чтобы не видеть всей нелепости своего произведения, если воспринимать его буквально.

Постарайтесь не быть «буквоедами». Что же все-таки могли представлять эти семь дружных существ? Зная при-

страстие многих индейских племен вести свое происхождение от тех или иных животных — тотемов, нетрудно догадаться: эти семь существ представляют не что иное, как семь племен. Так и только так!

А что это за белое пятнышко на груди у каждой фигурки? Беру лупу и теперь отчетливо вижу, что это стилизованный рисунок сердца. Сердца всех семи «представителей» соединены линиями с сердцем своего предводителя — журавля. Не означает ли это, что все семь племен объединены едиными чувствами и что общее их чувство выражает старшее племя?

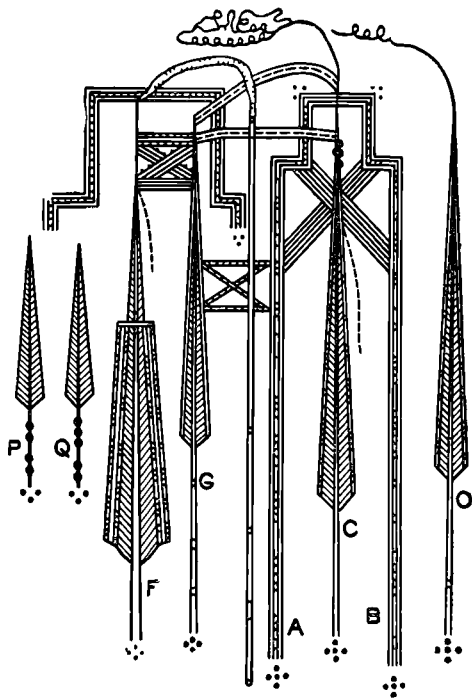
Таковыми же линиями соединены и головы животных. Значит, и думают они одинаково. О чем же?

Одна из линий, отходящих от головы журавля, огибает всю процессию, пересекает дорогу и кончается у черных пятен. Их четыре. Наверное, это озера. А раз так, то и смысл прошения нам уже ясен: семь индейских племен просят у конгресса США разрешить им рыболовство в этих озерах.

Быстро справились мы со своей задачей? Быстро. Это потому, что просто схематично воспроизвели ход рассуждений ученых. Между прочим, кое в чем расходятся и они. Одни, например, считают, что линии соединяют не головы животных, а глаза. Другие насчитывают только три озера и просьбу племен видят не в желании рыбачить там, а в том, чтобы переселиться в район этих водоемов.

Небольшие вроде бы расхождения, но тем не менее они существенны. И все оттого, что таков уж сам характер пиктографического письма: прочесть его можно по-разному.

Еще сложнее создается положение, когда требуется понять письмо, написанное не обычными рисунками, а геометрическими элементами орнамента. Переводчица «Книги о языке» Ф. Фолсома А. А. Раскина приводит любопытное письмо юкагирки, созданное, очевидно, еще в прошлом веке. Вот оно:

Я долго пытался самостоятельно разобраться в этом хитросплетении изящных линий, строил одну версию за другой, но в конце концов «сдался» и приоткрыл часть помещенного под рисунком текста. А. А. Раскина «переводит» письмо молодой юкагирки следующим образом:

«Ты уходишь. Ты любишь русскую, которая преграждает тебе путь ко мне. Пойдут дети, и ты будешь радоваться, глядя на них. Я же вечно буду грустить и думать только о тебе, хотя и есть другой, кто любит меня».

Кто бы мог подумать, что в этих «сухих» абстрактных линиях и черточках скрывается столько неподдельной печали и такой понятной нам человеческой боли от неразделенного чувства!

На какое-то время я весь нахожусь во власти этого необыкновенного документа. Кто она, эта славная девушка-северянка, умевшая любить так трепетно и верно? В какое время она жила, как сложилась ее судьба потом? Ну а судьба ее возлюбленного, отдавшего сердце другой? А та? Как попала в далекий снежный край, чем покорила ее сердце молодой охотник-юкагир?

— Роман! Настоящий роман! — кричу я, врываясь в тихую квартиру моего давнего знакомого — профессора филологии. — Вы только посмотрите, вы только послушайте. Это же изумительно, честное слово!..

Торопливо, почти на память читаю ему текст поразившего меня письма. Кладу перед невозмутимо спокойным ученым раскрытую книгу. Молча отступаю от стола и с победным видом наблюдаю за его движениями.

— Так, так, молодой человек, сейчас мы поглядим ваш роман... Сейчас поглядим...

Он с интересом подвигает к себе мою книгу, еле заметно шевелит губами и поднимает на меня недоуменные глаза.

— Занятную книгу приобрели, поздравляю... А где же обещанный роман?

— Вот он — в одну восьмую странички! — гордо показываю ученому рисунок. — Что, вам тоже еще не приходилось читать таких романов? Нет? Думаю, нашим писателям — тоже. А жаль. У этой бедной юкагирки им можно было бы кое-чему поучиться. Хотя бы краткости...

Через минуту мы уже вместе рассматриваем необычное письмо, внимательно перечитываем его «перевод», пытаемся проследить логику рассуждений. Но, даже зная его

содержание, сделать это непросто. Приходится призывать на помощь пояснительный текст, который гласит:

«Рамка А — В означает дом; в нем живет С, опечаленная девушка, которая изображена в виде контура узкой верообразной юбки, соответствующей юкагирской одежде, и с косой (пунктирная линия). В доме скрещиваются два пучка линий, что означает печаль. Слева от дома девушки расположен второй дом; рамка не доведена до низу — это значит, что его жители F и G отсутствуют. F — русская женщина, как показывает юбка с более широкой каймой, О — влюбленный в девушку юкагир, P и Q — это будущие дети F и G».

— Действительно, целый роман, — закрывая глаза, вздыхает профессор и, похоже, на мгновение переносится в дни своей молодости. — Что же с ними стало дальше? Получил ли юкагир признание этой «Северной Татьяны»? Неужто не дрогнуло его сердце? Такое чувство, такие слова...

Как и я, он в первое время совсем не думает о том, к а к написано это письмо. Нас целиком захватила судьба далекой незнакомой девушки, такой беспомощной в своем одиночестве и такой красивой своим светлым неразделенным чувством. Но, наконец, мы возвращаемся к пиктографии. Ученый улыбается:

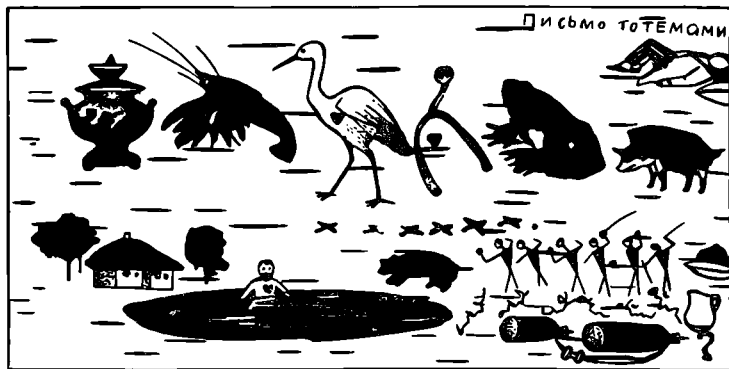
— Когда-то с помощью вот таких рисунков люди шли к тайнам письменности, а сейчас это детская игра, забава. Поди, и вы школьником играли в нее?

Он медленно встает из-за стола, куда-то уходит и возвращается с книжкой в руках. Вижу — книга о детских годах Владимира Ильича Ленина. Какое она имеет отношение к нашему разговору? Однако профессор предупреждает мои расспросы:

— Вот, взгляните. Великие люди тоже увлекались этой игрой, ведь в детстве нам так нравится все таинственное и необычное...

В книге действительно было воспроизведено пиктографическое письмо маленького Володи Ульянова, так любившего игры в индейцев и казаков-разбойников.

Профессор оставляет меня одного, а я углубляюсь в изучение «письма тотемами», процарапанного или нарисованного на куске березовой коры. Когда-то гимназист Во-

«Письмо тотемами» гимназиста Володи Ульянова.

лодя Ульянов послал его своему однокласснику Боре Формановскому. Из всех подобных «писем» сохранилось только это.

Небольшой кусок бересты плотно заполнен различными рисунками. В верхнем ряду их шесть. Среди них белый аист, лягушка, еж (?), другие животные и самовар. В нижнем ряду — пруд или озеро, в котором купается чернобородый человек. Слева от водоема — домик среди деревьев, справа — сцена из охоты на дикого зверя. Причем охотников столько же, сколько и рисунков в верхнем ряду, — шесть. Ниже охотников отчетливо изображены куски кол-

басы, над которыми склонились голодные мордочки. Мордочек этих тоже шесть.

Вот, пожалуй, и все «письмо».

Хотя нет, в верхнем правом углу еще изображен лежащий на спине человек в полосатых брюках и светлом сюртуке. Над ним текст — «Письмо тотемами».

Интересно, как расшифровали его авторы книги Юлия Яковлевна Махина и Григорий Ефимович Хаит? Оказывается, вовсе не расшифровали. Вот что они пишут: «Самим нам записочку не удалось разгадать, и мы попросили принять участие в этом деле читателей «Пионерской правды». Со всех концов страны в редакцию приходили письма. Много разных догадок и предположений строили наши помощники, но письмо так и осталось неп прочитанным. Заинтересовался письмом кандидат технических наук В. Истрин, и он, нам кажется, наиболее удачно прочитал Володино письмо-рисунок. Как это удалось ему сделать?»

Известно, что Володя любил играть в индейцев и даже сам делал из перьев очень похожий на настоящий шлем вождя индейского племени. А не воспользовался ли он и письменами индейцев? Ведь Володя много читал книг о жизни индейцев.

Догадка оказалась верной. В. Истрин сравнил письмо со старинными индейскими рисунками, с теми самыми, которые печатались в то время, когда Володя еще учился в гимназии. Такие рисунки, а вернее письма, написанные при помощи картинок, в далекие времена посылали друг другу индейцы, и назывались такие письма тотемами... Ну, а зная все это, можно прочесть записку? Можно!

Рисунки самовара, рака, аиста и другие рисунки, по-видимому, передают шутливые клички самого Володи и его товарищей по играм в индейцев. А линии, которые ведут от этих предметов к чернобородому человеку, купающемуся в пруду, означают, что просьбы всех шестерых направлены к нему. О чем же ребята просят этого человека?

Проголодавшись после охотничьих игр, дети как бы говорят взрослому человеку: «Видишь, мы есть хотим, заканчивай купаться, поскорее возвращайся домой и покорми нас». А что случится, если ребят не накормят? Об этом говорит фигурка в правом верхнем углу: «Если нас не покормят, мы умрем!»

...Рисуночное письмо было значительным шагом вперед. Однако назвать его письменностью в буквальном смысле слова еще нельзя.

Самый главный недостаток его заключался в том, что рисунки пиктографического письма не имели раз и навсегда установленного значения. Многих понятий они вообще выразить не в состоянии.

Попробуем, например, «записать» рисунками такое простое предложение: «В моей душе весь день теснились тревоги и сомнения». Нарисовать «день» еще, пожалуй, можно, а вот как быть с абсолютно бесплотной душой? А с тревогами и сомнениями, которые можно остро чувствовать, но нельзя видеть и трогать? Нет, ничего не получится, сколько ни мудри!..

Вот и выходило, что пользоваться таким письмом было очень неудобно. Написал его — сам же отнеси и прочти, иначе другой может понять совсем не так. Люди продолжали искать новые пути. Некоторые из этих путей настолько необычны, что о них стоит рассказать подробнее.

Книги из узелков

Как-то в одном научно-популярном журнале мое внимание привлекла маленькая заметка. Привожу ее дословно: «Империя инков, погибшая под ударами конкистадоров в начале XVI века, унесла с собой тайну узелкового «письма». Испанцы Писарро, а вслед за ними слуги господни — иезуиты постарались уничтожить всякие следы «туземной»

культуры в Южной Америке. Известно только, что индейцы столетия назад передавали вести с помощью узелков на веревочной связке, так называемой кипу. Гонцы с посланиями Великого Инки направлялись во все концы древней империи, простиравшейся на территории нынешних Эквадора, Перу, Боливии и Чили. Итак, тайна «письма» утеряна, по-видимому, безвозвратно...»

Узелки на веревочной связке!.. Удивительное «письмо», не правда ли? Ничего подобного нигде на земном шаре, кажется, больше не встречалось...

Что представляло собой это письмо, которое не нуждалось ни в карандаше, ни в чернилах, ни в бумаге? Впрочем, роль бумаги здесь играла, по-видимому, сама веревка, на которой завязывались эти загадочные узелки.

Узелок — буква? Узелок — цифра?

Странно, невероятно, непостижимо!

Удивлению моему не было границ. И чем больше я удивлялся, тем острее и непреодолимее становилось желание проникнуть в эту тайну или хотя бы прикоснуться к ней.

Это желание привело меня в библиотеки. Я жадно читал и перечитывал все, что попадалось об испанском завоевании Америки, о жизни этого континента до прихода туда «просвещенных» европейцев, о могучем государстве инков и других народов.

Об узелковой «письменности», бытовавшей в империи инков, упоминали многие. Где-то я даже прочел, что и по сей день в горах Перу и Боливии неграмотные крестьяне ведут счет на веревочных связках кипу. Съездить в Перу или Боливию? Написать пастухам письмо? «Несерьезно, молодой человек, — усмехнулся мой знакомый профессор. — Это вам не в Вологду прокатиться, а за океан. Письмо написать, конечно, можно, только вот беда: неграмотны они, крестьяне эти. Сами говорите: оттого и на узелках считают...»

«Неграмотны, оттого и на узелках считают...» Эта

мысль ошеломила и озадачила меня. Неужели все жители древней страны инков тоже были неграмотны, раз пользовались узелковым «письмом»? Не может быть! Согласиться с этим я никак не мог, потому что к этому времени уже кое-что знал об империи инков, о ее городах, роскошных дворцах, мощных крепостях, государственном устройстве. Достичь всего этого будучи совершенно неграмотными невозможно.

Я уже совсем отчаялся, когда однажды утром ко мне постучался мой друг-профессор. В руках у него была большая, страниц на 700 — не меньше — книга в темно-зеленом переплете, который он то и дело ласково поглаживал красными от холода пальцами.

— Ну, молодой человек, можете отменить свое путешествие в Южную Америку. Кажется, в этом уже нет необходимости.

Я недоверчиво взял книгу и прочел ее название: «Инка Гарсиласо де ла Вега. История государства инков».

— Еще одна книга об инках? — сказал я несколько разочарованно. — Вы полагаете, она поможет нам раскрыть тайну узелкового «письма»?

— Прочтем — узнаем... — нахмурился профессор. — Вы видите, что написал ее не европеец, а инка. И в данном случае это не имя, а указание на принадлежность к королевской фамилии правителей империи Тауантинсуйу. Уж кто-кто, а он должен был знать, как писали и читали на его родине.

— Автор — современник узелкового «письма»? Как же он написал свою книгу — узелками на веревке?

— К счастью, нет, на испанском языке.

Когда весь том оказался «проглоченным», я вспомнил, наконец, о том, что искал в нем. Автор не обошел вопросов науки, культуры, искусства своей родины, а стало быть, и способов «письма».

Открываю первую закладку, вторую, третью...

«Об арифметике они знали много и восхитительным образом, ибо узелками, завязанными на нитях различных цветов, вели счет всему тому, что имелось в королевстве инков по обложению и освобождению от налогов и контрибуций. Они суммировали, вычитали и умножали теми узелками, а чтобы знать, что приходится на каждое селение, они осуществляли деление зернами маиса и камушками, и таким образом у них получался точный счет».

Оставим в стороне деление зернами и камушками, последуем дальше за нашими узелками.

«...Поскольку по каждому делу в мире и на войне, по вассалам, налогам, скоту, законам, церемониям и всему остальному, что требовало счета, у них имелись самостоятельные счетчики и они занимались в своих министерствах и со своими счетами, они с легкостью вели счет, потому что счет каждого из тех предметов находился в самостоятельных нитях и связках нитей, словно в отдельных тетрадах, и, если даже один индеец отвечал бы (как старший счетчик) за два, или три, или более предметов, счет по каждому предмету велся бы отдельно».

Нити — страницы. Связка — тетрадь. Остроумно!

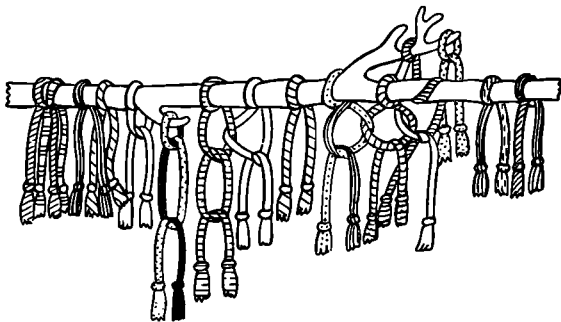
Однако это все случаи, когда «требовался счет». А как быть с необходимостью передать информацию другого рода — отправить, к примеру, письмо?

Империю инки создали огромную, провинции ее находились одна от другой и от столицы государства на тысячи километров, не пошлешь же по каждому поводу специального гонца!

Это нам так сегодня кажется — не пошлешь, а инки все-таки посылали, несмотря на то, что не имели лошадей. У них были специальные почтовые станции, курьеры-бегуны и почтовые отправления — повеления. Почтовых курьеров называли часки.

При необходимости часки передавали друг другу не только заученные повеления короля, но и вполне матери-

альные «письма». «Другие поручения доставлялись не устно, а письменно, — свидетельствует Гарсиласо, — назовем это так, хотя мы сказали, что у них не было письма. Такими являлись узелки, завязанные на различных нитях различного цвета, которые завязывались в своем специальном порядке, однако не всегда одинаковым образом, поскольку иногда один цвет предшествовал другому, а в других случаях наоборот, и эта форма поручений была заключена в цифры, с помощью которых понимали друг друга

На этих нитях и узелках вели счет в королевстве инков.

инка и его губернаторы, зная, что им следует делать; и узлы, и цвета нитей обозначали число людей, оружия или одежды, или провианта, или любой другой вещи, которую следовало сделать, направить или ускорить».

Восьмую главу шестой книги своих «подлинных комментариев» истории инков Гарсиласо назвал так: «Они вели счет на нитях и узелках; счетчики отличались высокой точностью». Это, пожалуй, самая богатая для нас глава во всей работе автора-инки.

«Кипу означает завязывать узел или просто узел... — объясняет он европейцам. — Индейцы изготавливали нити разного цвета: одни были только одного цвета, другие — двух цветов и большего числа, потому что каждый цвет — простой и смешанный — имел свое особое значение; нить плотно скручивалась из трех или четырех тонких ниток... каждая из них прикреплялась в особом порядке к другой нити-основе, образуя как бы бахрому. По цвету определяли, что именно содержит такая-то нить, как-то: желтая означала золото, белая — серебро, а красная — воинов».

Да, интересное сообщение! Значит, дело не только в узелках, но и в цвете нитей. А комбинация этих цветов была весьма широкой, поскольку нить могла быть «простой», одноцветной, и свитой из нескольких цветных. У каждого цвета был свой смысл. Это и помогало «читать» кипу тем, кому они были поручены или адресованы.

Последуем за автором дальше: «Предметы, не обладающие специфическим цветом, располагались по своему порядку, начиная от предметов наивысшего качества и значения, постепенно переходя к менее ценным, каждая вещь в пределах своего вида или рода, как бывает у злаковых и овощей. Возьмем для примера культуры Испании: вначале идет пшеница, затем ячмень, затем горох, бобы, просо и т. д. И точно так они вели счет оружию, ставя вначале то, которое считалось самым благородным, как-то: пики, а затем дротики, лук и стрелы, дубинки и топоры, пращи и все остальное оружие, что они имели. А когда речь шла о вассалах, они давали отчет по жителям каждого селения, а затем вместе каждой провинции: в первой нити они фиксировали стариков от шестидесяти лет и больше; во второй — зрелых людей от пятидесяти и выше, а третья фиксировала сорокалетних, и так по десять лет вплоть до грудных младенцев. Таким же образом они считали и женщин по возрасту...»

Империя инков создавалась в бесконечных войнах, путем присоединения все новых и новых народов. Управлять таким государством было непросто: содержание пышного королевского двора, немалой по тому времени армии для новых завоевательных походов и подавления восстаний, огромного государственного аппарата требовало больших средств. Чтобы регулярно выколачивать их, нужно было наладить строжайший учет всего, что имелось в государстве: количества земель, населения, боеспособных воинов, посевов, урожая каждой культуры, скота, поступления податей и т. д. И такой учет инкские чиновники вели с величайшей скрупулезностью. Наверное, именно поэтому столь высокого уровня развития достиг у них счет. Счет всего и вся. И знаменитая узелковая «письменность» инков — это прежде всего цифры, а их кипу — своеобразные бухгалтерские книги, «пестрящие» бесконечными «колонками» этих цифр.

Поистине великим изобретением инков являлись эти «узелки»! Но они были почти бессильны, когда требовалось не подсчитать что-то, а передать содержание какого-либо исторического события, беседы или суждения, «ибо узел называл число, а не слово».

«Чтобы исправить этот недостаток, — пишет Инка Гарсиласо де ла Вега, — у них имелись знаки, которые указывали, что кипу касается фактов, исторических подвигов или имевшего места посольства, высказанного суждения или беседы, совершенных в мире или на войне».

Указывать-то указывали, но все факты, практически всю историю государства приходилось держать в памяти. Хранителями этой истории были кипу-камайу — люди, в чьем ведении находились связки. В меру своих сил им помогали народные сказители и поэты (амаута), запечатлевавшие в рассказах, легендах и песнях все наиболее значительное из дел своего народа.

Со смертью кипу-камайу могла умереть и история

страны, потому что без их памяти и слова узелки были немые. Чтобы этого не произошло, каждый из них заранее готовил себе преемника — из наиболее смысленных сыновей или других потомков.

Таким образом, многие инкские счетчики — кипу-камайу — были не только хорошими математиками, но и, можно сказать, штатными историками. К их услугам прибегали короли, министры, губернаторы, знатные люди. Чтобы исправно нести свою службу (и не потерять ее), кипукамайу постоянно штудировали знаки и цифры, заключенные в узлах. Они должны были сохранить в памяти легенды о тех знаменитых делах, ибо как историки обязаны были изложить их по первой просьбе. За эту службу они были освобождены от податей и от какой-либо иной работы, и «поэтому никогда, ни разу не выпускали узлы из рук».

Загадки далеких веков

С чувством непонятной горечи возвращаю книгу профессору. Тот занят и на мое «спасибо» лишь рассеянно кивает седой головой.

— Выходит, инки действительно не знали письменности, — вздыхаю я. — Узелки их письменностью назвать нельзя. Так себе, бухгалтерия одна. От неграмотности...

Я уныло ворчу на этих странных и непонятных инков, а он все молчит и, знай себе, возится с бельевыми веревками. И чего он с ними делает? Стирку надумал, что ли?

Но вдруг я начинаю замечать, что бельевая веревка в руках профессора не совсем обычная. Во-первых, она не длинная, всего метра два. Один конец ее привязан к ножке стола, другой — к спинке стула, на котором я сижу. По всей длине к ней напривязано множество других более тонких и коротких веревочек. На некоторых из них бугрятся грубые узлы...

И тут меня осеняет:

— Да это же настоящая кипу! Откуда вы знаете, как она делается?

Профессор нехотя отрывается от своей работы и виновато улыбается:

— Не утерпел. Вот учусь по книге этого Гарсиласо «писать» узелками. Интересно, знаете ли...

— Интересно? — удивляюсь я. — Это сегодня-то, когда мы располагаем едва ли не десятым поколением электронно-вычислительных машин!

— А что? — по-мальчишески подмигивает мне профессор. — Старое и забытое всегда любопытно. Вот «напишу» узелками «книгу» о нашем городе и пошлю куда-нибудь... допустим, на международную книжную выставку. Пусть поломают над ней головы ученые мужи со своими электронно-вычислительными машинами десятого поколения!

Старик доволен. Голос его прерывается негромким смешком.

— Ну идите, почитайте еще что-нибудь об этих инках, а я поупражняюсь.

И я продолжал искать и штудировать статьи и книги о злополучной империи инков. Прежде всего я нашел некоторые подробности об авторе так увлекших меня «подлинных комментариев».

Родился Инка Гарсиласо де ла Вега 12 апреля 1539 года в городе Куско бывшей империи инков, которую они сами называли Тауантинсуйу, что значит четыре соединенные между собой страны света. Отец его был капитаном испанских конкистадоров, а одно время даже губернатором и верховным судьей Куско. Мать Гарсиласо была инкской принцессой, п а л ь е й.

Донья Исабель (до крещения ее звали Чимпу Окльо) принадлежала к роду чистокровных инков, хотя и не к самым верхам этого замкнутого аристократического клана правителей. Быть бы ей, красавице палье, законной налож-

ницей Единственного Инки, да помешали обстоятельства. О них Гарсиласо рассказывает с ее слов и со слов немногих других инков, чудом оставшихся в живых после смерти последнего инкского короля Вайна Капака.

Трагедия разыгралась оттого, что один из незаконных сыновей короля — жестокосердный Ата-вальпа, не имевший права наследовать престол по закону, решил захватить его силой.

Страшная, ничем не заслуженная кара обрушивается на головы инков королевской крови. Их истребляют всех — от мала до велика. Гнев кровожадного тирана распространяется даже на самых дальних родственников, а когда убивают и их, палачи принимаются за слуг, работавших на королевский двор, садовников, дровосеков, индейцев-крестьян... Кровь, грабежи, насилия захлестывают страну.

А вскоре на нее обрушились новые бедствия, принесенные не менее жестокими испанскими завоевателями.

Так красавица принцесса королевской крови стала женой завоевателя-капитана.

Ну а сам Гарсиласо? Он рос и воспитывался в богатой семье, получил, по-видимому, хорошее образование. Отец и его окружение связывали его с Европой, с ее знаниями, обычаями, культурой. Окружение матери, состоявшее большей частью из уцелевших родственников-инков, — с недавним прошлым его родины. Он жадно слушает рассказы матери, воспоминания стариков индейцев, легенды и предания последних кипу-камайя, изучает быт, нравы, а также узелковую «письменность» своих предков.

В двадцать лет, почти сразу же после смерти отца-испанца, Гарсиласо почему-то (возможно, не по своей воле) покидает родину и навсегда уезжает в Испанию. Здесь прошла его долгая и с виду тихая жизнь. Но эта жизнь была полна неустанных трудов. «История государства инков» — один из них.

Гарсиласо, создававший «официальную» историю ин-

ков, неоднократно говорит, что жители Тауантинсуйу не знали письменности. Ученые оспаривают этот факт, правда, единого мнения у них нет до сих пор.

До государства инков в Перу сменилось несколько высокоразвитых цивилизаций. Последним было могущественное государство народа аймара, закончившее свое существование при царе Чучи-капаке. Чучи-капак вел тяжелую войну с соседним царством Чинча-чанка. В это-то «смутное» время на исторической арене и появляется первый инка, прозванный впоследствии Пача-кутеком (реформатором). Сын губернатора Куско (кстати, бежавшего к противнику) Пача-кутек сыграл, по-видимому, решающую роль в разгроме врага, а затем неожиданно напал на стан своего царя Чучи-капака, захватил его в плен и казнил. Придя к власти, он провозгласил себя сыном Солнца и Единственным Инкой, то есть верховным правителем государства, границы которого при нем значительно расширились. Чтобы ни у кого не возникло сомнения в его праве на этот высокий трон, чтобы стереть в памяти народов все, что было на этой земле до него, он приказал уничтожить все исторические хроники, а вместе с ними амаута (ученых) и, по-видимому, всех знающих грамоту людей. Книги, библиотеки, сама письменность народа аймара были преданы огню. Отныне инкам и покоренным ими народам позволялось пользоваться только нитями и узелками.

Другие источники рассказывают историю утраты инками письменности иначе. Например, хронист Фернандо де Монтесинос в своих широкоизвестных «Древних, Исторических и Политических Мемуарах о Перу» относит этот печальный факт ко времени правления инкского правителя Тупака Каури Пачакути. Он говорит, будто бы верховный жрец внушил ему, что все зло и все беды происходят-де от письма, и тот запретил кому бы то ни было «пользоваться и возрождать его, потому что пользование им принесло бы еще большее несчастье. Этот Тупак Каури запретил зако-

ном под страхом смертной казни, чтобы кто-либо пользовался кильками, которые были пергаментом, и некоторыми листьями деревьев, на которых они писали, и никоим образом не применялось бы письмо. Это пророчице они выполняли с такой пунктуальностью, что после этой потери письма перуанцы никогда больше не применяли его. А когда некоторое время спустя один ученый, или амаута, изобрел буквы, его заживо сожгли...»

Вряд ли можно сомневаться, что инки именно так и поступили со своим ученым-грамотеем, но все остальное скорее всего легенда. И, думается, создали ее для прикрытия того страшного преступления Пача-кутека, о котором уже говорилось и которое, по-видимому, больше похоже на правду.

В увлекательной книге Ю. П. Гаврикова «Перу: от инков до наших дней» меня привлекли вот эти строки: «Видное место в жизни «сына Солнца» и государства в целом занимали амаута (на кечва — «осмотрительный», «философ», «историк», «мыслитель», «учитель», «ученый») — подлинные ходячие энциклопедии. Как правило, ими становились инки «по крови». К ним Инка обращался и за советом, и за разъяснением особенностей древнего законодательства, истории, традиций и обычаев покоренных народов. Амаута слагали гимны, в которых воспевали деяния Сапа Инки (Единственного Инки.— *Р. П.*), обучали грамоте и различным наукам членов его семьи. Они входили в ограниченный круг лиц, имевших доступ к кильке — иероглифической письменности, которой почти как тайнописью пользовались правители Тауантинсуйу.

Документы инков представляли собой небольшие холсты, вставленные в золотые рамки. Последнее обстоятельство сыграло свою роковую роль: жадные до золота испанские завоеватели переплавляли рамки в слитки, а холсты с непонятными для них знаками сжигали...»

Да, есть и такая версия...

И еще один любопытный момент. Ученые располагают сведениями, что индейцы кечва (инки принадлежали к этому народу) и аймара Южной Америки до сих пор пользуются каким-то местным иероглифическим письмом, которыми они «записывают католические молитвы».

Уж не то ли это самое письмо, которое много веков назад сжигали на своих коварных кострах слуги Пача-кутека, а затем и «святые отцы» — иезуиты?

Так это или не так, покажут будущие исследования...

«Говорящие пояса» и раковины

Индейцы государства инков пользовались узелковой «письменностью». У других индейских племен Америки, например у ирокезов, узелковое «письмо» заменяли бусы из разноцветных морских ракушек. Чтобы они не были громоздкими, ракушки распиливали на мелкие пластинки, просверливали в них отверстия и нанизывали на нити. Получались бусы, ожерелья и целые пояса — в а м п у м ы.

Прочсть такой пояс было непросто, а без устных пояснений вообще невозможно. Главными знатоками были племенные вожди и жрецы. Дважды в год в укромном уединенном месте собирали они юношей племени и посвящали их в тайну раковин.

Большое значение для правильного прочтения вампума имели порядок и цвет ракушек. Тем более что каждый цвет традиционно имел какое-то определенное значение: черный означал всякого рода неприятности — смерть, угрозу, несчастье, желтый — золото или вообще дань, белый — мир, красный — войну, опасность, кровь и т. д.

Соседние племена общались между собой, обменивались послами. Когда племя направляло посла, тому вручались цветные пояса, указывая на которые посол держал речь...

Раковины были в ходу не только у индейских племен Америки. Не меньшей известностью пользовались знаменитые раковины каури с острова Науру.

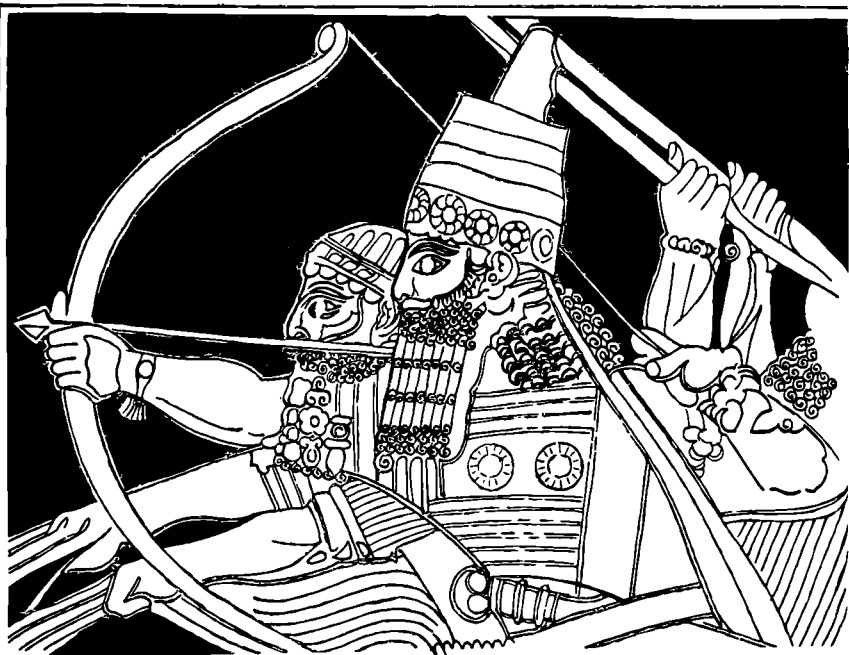
Ученые рассказывают о необычных путешествиях этих симпатичных раковин. Их обнаруживают в захоронениях Центрального Китая эпохи неолита, в могилах древнего Египта времени XII династии (500 лет до н. э.), в Аравии, Месопотамии, на Кавказе, в Африке, Западной Европе. В качестве украшений они были широко известны и на территории нашей страны — в Прибалтике, Белоруссии, у киргизов, башкир, мордвы, чувашей...

Но каури служили не только украшением. Они употреблялись в качестве денег. Еще в начале XVII века в Камеруне за две-три горсти этих раковин можно было купить раба-негра. В другой африканской стране — Уганде — даже в конце XIX века раб стоил 200—300 ракушек.

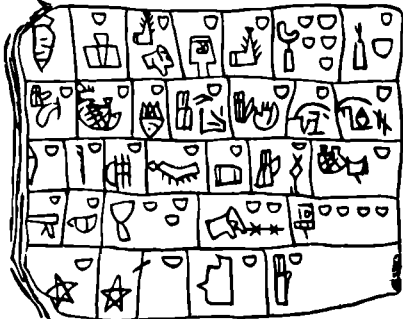
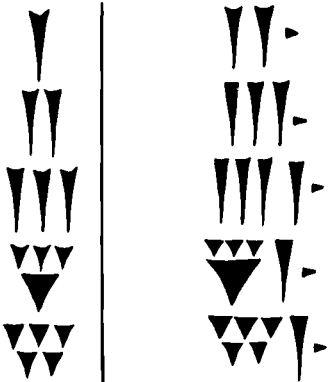
Только за один минувший век в Западную Африку торговцы раковинами завезли 75 миллиардов каури-монет. Если бы кому-нибудь пришло в голову сделать из них бусы, то эта глянцевая нить четырежды протянулась бы от Земли до Луны.

Раковина — украшение, раковина — монета, раковина — талисман... Все это, безусловно, очень интересно. Но известно и еще одно назначение каури. «На Невольничьем Берегу, — пишет Д. В. Наумов, — выработалась даже особая письменность: группам раковин в орнаменте придавалось символическое значение. Две каури, обращенные острыми концами друг к другу, означали понятие «дружба», острыми концами врозь — «вражда», две каури и перышко — «свидание» и т. д.»

В древней китайской письменности существовал знак, которым обозначались каури. Несмотря на прошедшие тысячелетия, он сохранился и поныне: в основе почти двухсот иероглифических сочетаний, обозначающих понятия «деньги», «продажа», «торговля», «банковский оборот» и тому подобное.

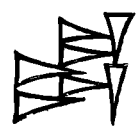
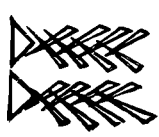
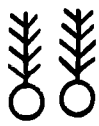
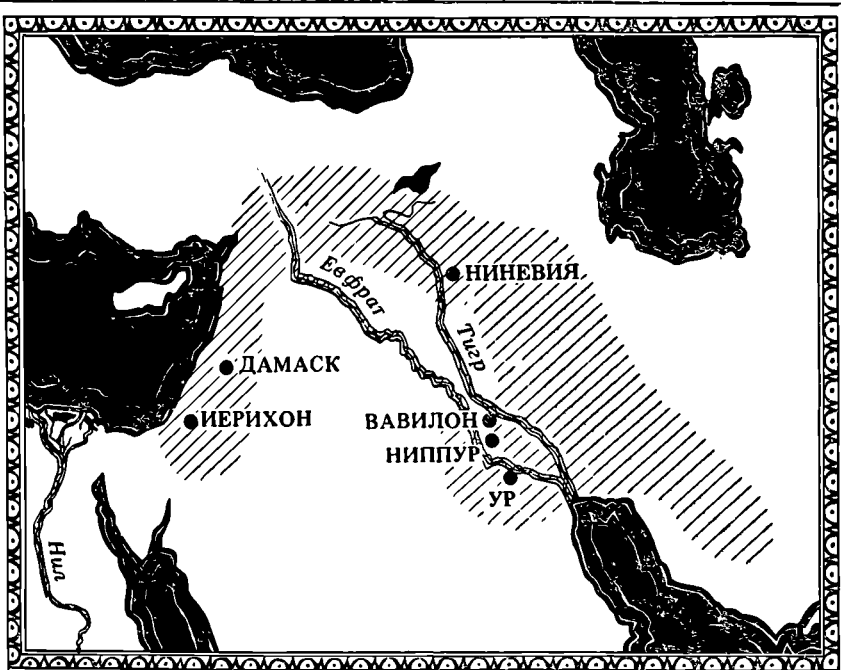
ЗАПИСИ ДРЕВНИХ
ШУМЕРСКИХ СЧЕТОВОДОВ

ТАЙНЫ ГЛИНЯНЫХ КНИГ

*Век великих археологических открытий. Как возникла
клинопись. А письменность ли это?
Они рассказали о себе сами.*

3

XIX век — век великих археологических открытий. Не географических — те к этому времени в основном уже завершились, а именно археологические к и х! Если великие путешественники и мореплаватели минувших веков открывали для европейцев новые острова, моря, страны и даже целые материки Земного шара, то археология XIX века открыла человечеству материки его прошлого. Причем такие, о которых люди даже не подозревали, хотя и попирали ногами их седую от древности пыль...

В начале XIX века резидентом английской Ост-Индской компании в Багдаде служил Клавдий Джемс Рич, человек еще молодой, энергичный и весьма любознательный. Сейчас трудно сказать, где именно и при каких обстоятельствах услышал он предания о царе Нимроде, легендарном основателе некогда великого города Ниневии, но то, что они не оставили его равнодушным, известно доподлинно.

Рич не только собирал легенды и предания, но даже предпринял попытку отыскать древнюю ассирийскую столицу. К сожалению, он не был археологом. Покопавшись в холмах, на которые ему указали местные арабы, и найдя несколько глиняных плиток с непонятными знаками, он прекратил раскопки, решив, что ему не повезло. Прекратил и, как мы сегодня знаем, напрасно! Ведь как раз под этими холмами и ждали своего часа руины древней, некогда могущественной и прекрасной Ниневии. А те таблички, что подобрал Рич? Это были первые книги из библиотеки зна-

менитого ассирийского царя-библиофила Ашшурбанипала! Первые, самые-самые первые! Но Рич этого не знал...

Шли годы. В 1842 году французский консул в Мосуле Эмиль Ботта раскопал дворец ассирийского царя Саргона (722—705 гг. до н. э.). Из глубины тысячелетий глазам археологов предстали дворцовые залы, статуи, святилища, башни, винные погреба, царские конюшни. Стены дворцовых зал были покрыты барельефами и надписями. К сожалению, прочесть их никто не мог.

Открытие следовало за открытием. Древняя земля Востока щедро демонстрировала людям свое прошлое, но тайн его раскрывать не спешила. В это время к холмам, в которых Клавдий Джемс Рич пытался обнаружить Ниневию, вновь пришли люди с лопатами. Возглавлял их англичанин Генри Лэйярд. На этот раз им повезло: они нашли и раскопали то, что не далось в руки нетерпеливому Ричу,— древнюю ассирийскую столицу Ниневию.

Холмы скрывали под собой целый город с прекрасными дворцами. Но не они были признаны самой драгоценной находкой. Не они, а богатейшая библиотека царя Ашшурбанипала (VII в. до н. э.).

Библиотека Ашшурбанипала — это более 20 тысяч глиняных клинописных табличек самого разнообразного содержания. Здесь были книги по истории, математике, астрономии, медицине, грамматике, государственные и частные документы — законы, письма, хозяйственные счета и отчеты, просьбы, жалобы, решения судов, купчие на рабов, зэм-ли, дома и т. д.

Разгадавшему тайны забытого клинописного письма таблички сулили открыть широкую картину жизни многих стран и народов древней Месопотамии и всей Передней Азии. И работа по расшифровке текстов закипела с новой силой.

Здесь необходимо заметить, что первые копии клино-

писных текстов были известны в Европе задолго до того, как нашли библиотеку Ашшурбанипала,— еще в XVII веке. В следующем столетии их уже нельзя было назвать редкостью. Причем почти все глиняные таблички были найдены в развалинах древнего города Персиполя. Уже тогда они волновали умы и привлекали к себе внимание многих ученых.

Одним из таких ученых был немецкий филолог Г. Ф. Гротефенд. Он первый прочел некоторые древнеперсидские тексты, однако основную работу проделал англичанин Г. К. Роулинсон. В 1835 году двадцатипятилетний ученый независимо от Гротефенда разгадал тайну персидской клинописи и приступил к дешифровке еще более ранних текстов — ассиро-вавилонской клинописи, восходящей к самой древней письменности на земле — к шумерской.

Впрочем, некоторые ученые считают, что самой древней была письменность Древнего Египта. Не будем, однако, вмешиваться в этот сугубо ученый спор, лучше вернемся в «Дом наставлений и советов» (так назвал свою библиотеку сам Ашшурбанипал), где нас ждет столько интересного.

Шумеро-вавилонская и ассирийская книга насчитывала не один десяток глиняных табличек. «Переплетом» для них служил деревянный ящик. Множество таких ящиков в строгом порядке располагались на специальных стеллажах библиотеки. На каждой полке вешали табличку-бирку, на которой указывался раздел классификации. Незаменимыми помощниками читателей являлись также глиняные каталоги и картотеки, без которых немислима ни одна современная библиотека.

В 609 году до нашей эры Ниневия была разрушена мидянами. Подверглась разгрому и библиотека. Вот они — тысячи табличек, сотни тысяч осколков с характерными знаками — «клинья». Сколько труда потребовалось, что-

бы разобраться в этом огромном «запущенном хозяйстве», собрать разрозненные глиняные «страницы» в «книги», сложить и склеить осколки, до того просто валявшиеся под ногами!..

Как это удалось ученым? Что помогло им в этой кропотливой работе?

Представим себе, что в современную библиотеку ворвалась шайка хулиганов. Ярые книгоненавистники изломали стеллажи, пошвыряли на пол книги и изорвали их так, что от некогда красивых изящных томов остались одни листочки. Да и те перемешали — образовался настоящий бумажный хаос.

Что можно понять в этом хаосе? И можно ли из этих разрозненных, перепутанных листков вновь составить книги? Трудно, но все же можно. Руководствуясь содержанием, нумерацией страниц, форматом, шрифтом, сортом бумаги и т. д.

Ну а глиняные книги древних ассирийцев? Должны же были и они иметь какие-то приметные знаки, которые подсказали бы читателю, какую табличку читать раньше, какую вслед за ней?

Да, писцы древней Месопотамии изобрели такой знак. Им являлись повторяемые внизу каждой таблички название книги и первая строка следующей «страницы». Например, каждая табличка из поэмы о Гильгамеше заканчивалась словами: «О все видавшем — серия табличек о Гильгамеше. Согласно древнему подлиннику списано и сверено».

Некоторые писцы название книги с указанием номера таблички ставили не внизу, а сверху.

Что и говорить, очень оригинальное и полезное изобретение! Сегодня оно известно нам как колонтитул. Откройте наугад почти любую научную или справочную книгу, и вы встретитесь с ним. «Колонтитул, — разъясняет «Справочник книголюб», — текст справочного типа вверх

ху страницы, ориентирующий читателя в ее содержании или определяющий ее автора (в сборниках)... В учебниках, справочниках, руководствах колонтитул — это чаще всего название глав и параграфов. На левой (четной) странице размещают название главы, на правой (нечетной) — название параграфа... В сборниках чаще всего слева печатают фамилию автора произведения, справа — название произведения...»

На табличках Ашшурбанипала был и «штемпель» библиотеки царя. Как и ныне, он говорил о принадлежности книги, но этим его роль не ограничивалась. Достаточно прочесть его текст, чтобы убедиться в этом: «Дворец Ашшурбанипала, царя воинств, царя народов, царя страны Ассур, которому бог Небо и богиня Гасмита даровали чуткие уши и зоркие очи, чтобы разыскивать творения писателей моего царства, служивших царям, моим предшественникам. В уважении, питаемом мною к Небу, богу разума, я собрал эти плитки, велел сделать с них копии, пометить моим именем и разместить в моем дворце».

О своем имени царь побеспокоился, а вот об именах писавших не подумал. Поэтому все сочинения древних писателей Двуречья дошли до нас безымянными. А жаль, очень жаль!..

Как возникла клинопись

Говорят, что в древнем Вавилоне нашли табличку с таким текстом: «Настали тяжелые времена, прогневались боги, дети больше не слушаются родителей и всякий стремится написать книгу».

Выходит, уже в древние времена книга, пусть и глиняная, стала едва ли не массовым явлением. Но ведь прежде чем этому случиться, нужно было создать письмен-

ность. Достаточно простую, удобную для фиксации мысли, понятную многим.

Как это произошло, когда, где? Кто из великих гениев человечества нашел выход из тупика пиктографии и смело пошел дальше?

Ответить на эти вопросы помогают книги. Их десятки и сотни — от тонких в простых потертых обложках до «солидных», «академических» томов в «вечных» переплетах. Книги заняли весь мой письменный стол. Впрочем, стола давно не хватает, они заполнили подоконники, стулья, самодельные стеллажи — кажется, все в моей квартире. В каждой — десятки закладок. За каждой — интересный факт, цифра, дата, имя. Их столько, что у меня начинает рябить в глазах. Как объять и осмыслить все это богатство? Осмыслить и прочувствовать самому...

Мы уже упоминали, что некоторые ученые утверждают: первыми, еще в IV тысячелетии до нашей эры, изобрели письменность шумеры — древнейшие жители Южного Двуречья. Вначале они тоже «рисовали» то, что хотели сказать. В Государственном Эрмитаже в Ленинграде хранится каменная табличка из Двуречья с шумерским пиктографическим текстом. Ей, по меньшей мере, 43 века. И какую мысль вложил в свое творение безымянный автор, можно только догадываться.

О пиктографических истоках древнего шумерского письма говорят многочисленные находки каменных и глиняных табличек. Так, были обнаружены деловые документы многих храмов, архивы целых городов — Лагаша, Уммы, Ниппура, Ура, Адаба. По ним нетрудно проследить, как постепенно рисуночное письмо шумеров перерастало в характерную для Двуречья клинопись.

Первые знаки-рисунки шумеров изображали человека и части его тела, животных, птиц, рыб, звезды, орудия труда, предметы обихода и т. д. Поэтому каждый рисунок означал целое слово, как, например, в этой табличке:

птица

лук

бык

солнце

осел

зерно

Фрунтовый сад

плуг

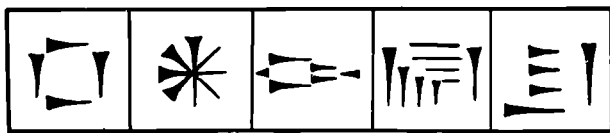
Вместе с совершенствованием письма знаки эти все более разнообразились и видоизменялись.

Всякий, кто внимательно взглянется в копии древнешумерских текстов, непременно заметит одну их особенность. На многих из них знаки-рисунки словно положены на бок. Франклин Фолсом так объясняет это: «Четкие плавные линии требовали много труда, да и все равно они плохо сохраняли свою форму. Потом все знаки стали чертить на глине так, что они оказались повернутыми набок... Почему так получилось? Дело в том, что сначала писали на глине столбцами сверху вниз и каждый следующий столбец начинали левее предыдущего. Но при этом рукой смазывали то, что было написано на гладкой глине перед этим. Поэтому глиняную плитку стали поворачивать на четверть оборота и стали писать те же самые знаки строчками, слева направо (и каждую следующую строчку начинали ниже предыдущей). При чтении еще долго поворачивали плитку опять так, что знаки шли вертикальными столбцами — сверху вниз, но потом перестали».

Хорошо обожженные глиняные таблички с нанесенными на них знаками приобретали крепость камня и становились практически вечными. Но писать на мягкой сырой

глине было нелегко — линии получались неровные, нечеткие. Поэтому со временем знаки-рисунки упрощались, все больше отходя от «натуры» предмета и превращаясь в комбинацию прямых линий. А оттого, что писцы нажимали на глину углом прямоугольной палочки, линии эти приобретали вид клинообразных углублений. Так появилось письмо, широко известное у многих народов Передней Азии и называемое клинописным.

Вот как выглядели некоторые знаки-рисунки, выполненные уже клиньями:

солнце

звезда

рыба

дом

рука

Заметили, что эти знаки еще напоминают прежние рисунки? Но в дальнейшем находить их «живой прообраз» станет все труднее.

Необходимость в письме стремительно росла, писать приходилось все больше и быстрее. Это также способствовало его упрощению и совершенствованию. Трудно сказать, сколько времени занял этот процесс, но он привел к тому, что первоначальные пиктограммы, то есть знаки-рисунки, превратились в идеограммы — «такие письменные знаки, содержание которых уже не совпадало с их рисуночным образом»: нога — не просто часть тела, но и понятия «ходить», «стоять», «приносить», «отправляться в поход»; плуг — не только орудие труда, но и понятия «пахать», «земледелец»; звезда — не только небесное тело, но и понятия «небо», «бог» и т. д. Так знаки для предметов превратились в знаки для слов!

Но и это еще не все! В. В. Струве, говоря о письменности народов Двуречья в III тысячелетии до нашей эры, пишет: «Шумерское письмо стало развиваться и в другом направлении. Наряду с идеограммами из пиктограмм стали развиваться и фонограммы. Так, пиктограмма горшка для молока получила звуковое значение «га», ибо слог «га» соответствовал шумерскому слову, обозначающему молоко. Обилие в шумерском языке односложных слов дало в письменности несколько сотен знаков, обозначающих слоги, и несколько алфавитных знаков, соответствующих гласным звукам...»

У вавилонян клинопись переняли персы. Они еще более усовершенствовали письмо и пользовались уже не сотнями, а лишь сорока знаками, означавшими слоги и звуки.

Одной из главных забот писцов был точный учет всего, что имелось или производилось в хозяйстве царя, храма или богатого торговца. Но для того, чтобы вести такой учет, нужно было, как минимум, изобрести и цифры. И изобретательные шумеры изобрели их!

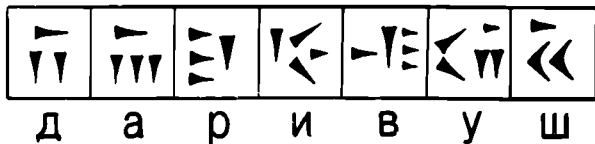
Письменность, созданная шумерами, распространилась по всему Двуречью. Первыми ее восприняли и приспособили к своему языку аккадские семиты, затем эламиты, ассирийцы, хетты, жители страны Урарту, персы и другие народы. Поэтому, например, вавилонские писцы должны были хорошо знать не только свой аккадский язык, но и язык шумеров. А ассирийские писцы — и свой, и аккадский, и все тот же язык шумеров.

Как ни сложна была эта письменность, обилие обнаруженных глиняных табличек говорит о широком ее распространении в государствах древней Месопотамии. Раскапываемый Вавилон, археологи наткнулись на остатки лавок, в которых продавались глиняные книги. В Ассирии клинописными книгами торговали вместе с рабами, специально обученными чтению и письму. Так вместе с появлением книги зарождалась и книжная торговля.

А письменность ли это?

Тысячи лет десятки народов писали и читали написанное клинописью, но еще в XVIII веке глиняные таблички и наскальные надписи Передней Азии и Двуречья воспринимались как неожиданная и абсолютная тайна. Разгадать ее брались многие, но удалось это, как уже говорилось, прежде всего Гротефенду и Роулинсону.

Георг Фридрих Гротефенд (1775—1853) был скромным школьным учителем. Заинтересовавшись копиями древнеперсидских текстов, он обратил внимание на то, что некоторые слова в них часто повторяются. «Возможно, это имена царей и их титулы?» — подумал он. Догадка оказалась верной. Но Гротефенд был филологом, а персидские цари — это такая глубокая древность! Пришлось основательно заняться историей. И вот, через много лет, — первый успех. Под одним из клинописных слов уверенно легли семь букв:

Да-ри-вуш! Царь Дарий! Древние персы произносили это имя не так, как мы сейчас, а именно так — Даривуш. Другой царь был Ксеркс. Хотя нет, это мы его так почему-то зовем. Соплеменники называли его иначе — Кшиарша.

«Даривуш, Кшиарша, — подумал Гротефенд, — почти одни и те же буквы. Если мой метод верен, то, похоже, сейчас я прочту еще одно слово...» Наконец, была расшифрована целая фраза: «Даривуш, царь великий, царь царей, Гистаспа сын, Ахеменид».

Вторая фраза далась легче: «Кшиарша, царь великий, царь царей, Дария царя сын, Ахеменид».

Большую работу по дешифровке древнеперсидской и особенно вавилоно-ассирийской (аккадской) клинописи проделал Генри Кресвик Роулинсон (1810—1895). В молодости он служил офицером в Индии и Иране, был дипломатическим агентом в Кандагаре, консулом в Багдаде, послом в Тегеране, что и определило его страстный интерес к Востоку.

Один из основоположников ассиурологии, Роулинсон открыл и скопировал ряд древних надписей (в том числе знаменитую Бехистунскую надпись), произвел раскопки древних городов Двуречья. В последние годы своей жизни, уже известный ученый, он возглавлял деятельность Азиатского и Географического королевских обществ Англии.

Многие авторы, пишущие об истории письменности и книги, чаще всего ограничиваются только этими двумя именами. Справедливости ради нужно сказать, что первым, кто задолго до открытий Гротефенда и Роулинсона увидел в клинописи не декоративный узор, а систему письма, был итальянский купец Пьетро делла Валле. Во второй половине XVIII века в руинах древнего Персеполя была обнаружена надпись, выполненная тремя видами клинописи, а датский ученый К. Нибур высказал предположение, что она сделана на трех языках. Первый вид ее, персидский, как раз и разобрал Г. Ф. Гротефенд, но его открытие, к сожалению, оставалось неизвестным вплоть до 1893 года. Персидским вариантом текста занимались также французские ученые Э. Бюрнуф и К. Лассен, дешифровавшие все 32 буквы этого вида надписи.

Бехистунская надпись, копию которой сделал Г. К. Роулинсон, помогла английскому исследователю Э. Норрису дешифровать слоговые знаки второго — эламского вида надписи. Не сразу, но в конце концов прочли и третий вид

надписи. Она оказалась вавилонской, то есть на аккадском языке.

Древние камни и плитки оживали, начинали говорить, но многие скептики этому не поверили. В 1857 году в Лондоне была устроена специальная «проверка». Она заключалась в том, что четверем исследователям дали прочесть одну и ту же ассирийскую надпись. Среди ученых были англичане Г. К. Роулинсон, Х. Толбот, ирландец Э. Хинкс и француз Ж. Опперт.

Скептики готовили посрамление новоявленным ассириологам, но оно обернулось триумфом. Все ученые независимо друг от друга прочли надпись одинаково. И в самом деле — разве это не победа!

После такой проверки места для сомнений, казалось бы, уже не осталось. Однако в 1874 году один из ученых мужей вновь попытался опровергнуть достижения своих коллег. Он вообще усомнился в существовании каких-то древних шумеров, а их язык и изобретенную ими клинопись назвал искусственно созданной тайнописью жрецов Вавилона.

И снова в научном мире разгорелись жаркие споры. Пришлось кое-кому отправиться в Двуречье и призвать на помощь археологические лопаты. Особенно повезло на этот раз французу Э. Сарзеку. Он раскопал древний шумерский город Лагаш и обнаружил такую массу шумерских надписей, что спор сразу и бесповоротно решился в пользу подлинной науки.

Между прочим, в числе находок Сарзека была и знаменитая ныне «Стела коршунов» — камень, на котором четыре с половиной тысячи лет назад правитель Лагаша Эаннотум увековечил свою победу над другим претендентом на гегемонию в Шумере. Надписи на камне рассказывают о жизни Эаннотума, о количестве убитых, о содержании мирного договора. А называется он «Стелой коршунов» из-за украсивших его рисунков. Собственно, это целый рас-

сказ: поле битвы, покрытое трупами, сам Эаннотум во главе своего войска, бог — покровитель Эаннотума, поверженный враг и хищные птицы над свежими трупами... Чем не «стела коршунов»?

Дешифровкой шумерской клинописи успешно занимались многие ученые. Среди них — французы, англичане, немцы, американцы. Чехословацкий исследователь Б. Грозный первый в 1915 году открыл секреты хеттской клинописи тоже аккадского происхождения. Большой вклад в изучение клинописи внесли русские и советские ученые. Сложная и кропотливая эта работа продолжается и сегодня.

Они рассказали о себе сами

Некоторые сведения о жизни древних народов Месопотамии и Передней Азии сохранились в исторических трудах древних египтян, греков, римлян. Но в основном свою историю эти народы рассказали сами, когда мы научились читать их каменные и глиняные книги. Теперь мы знаем законы, которые устанавливали для них цари и правители, знаем их верования и обычаи, мифы и сказания, легенды и исторические хроники. С непреходящим интересом читаем мы произведения художественного творчества древних авторов, вникаем в руководства по сооружению оросительных каналов и крепостей, в справочники по медицине и грамматике, изучаем их переписку, финансовые отчеты, сообщения о хозяйственной деятельности и т. д.

Вавилонские математики заложили основы алгебры. Уже в те далекие времена они решали уравнения с тремя неизвестными, извлекали квадратные и кубические корни. Астрономы-жрецы умели предсказывать затмения Солнца и Луны, создали основу древней звездной карты неба, разделили год на месяцы и недели, а сутки — на часы и минуты...

Высокоразвитая культура народов Двуречья оказала влияние на многие соседние страны, в том числе Египет и Грецию.

О многом рассказали нам глиняные таблички, испещренные бесхитростными «клинышками». Многое нас радует и восхищает, многое омрачает наши сердца и заставляет содрогаться даже через тысячелетия. Да и как тут не леденеть сердцу, когда читаешь такую похвальбу одного из ассирийских царей: «Я отсекал головы воинов и сложил из них пирамиду перед городом, я сжигал в огне мальчиков и девочек... Оставшихся в живых (пленных) я сажал на колья вокруг города, а остальным выкалывал глаза». Или такую надпись другого царя, ходившего походом в Закавказье: «По пропастям и ущельям кровь их я заставил течь, как реки; степи, равнины, высоты я окрасил, как алую шерсть; окрестные селения я запалил, как костры; свежую воду канала превратил я в болото. В прекрасные сады ворвались мои воины и дали греметь железному топору... Ни колоса я не оставил».

Бесконечные захватнические войны, кровожадная жестокость и садизм нашли отражение в анналах ассирийских царей-тиранов. Огнем и мечом, кровью и устрашающими казнями пытались они утвердить свое господство над окрестными народами, но те продолжали свою неравную героическую борьбу. Не случайно разгром ассирийского царства персами был встречен ими как избавление от вековой тирании. Рассказывая о гибели ассирийской столицы Ниневии, один из современников радостно восклицал: «Горе тебе, город кровавый, исполненный обмана, непрекращающихся грабежей! Всадники мчатся, меч сверкает, секира блеснит! Убитых множество и горы трупов... Ниневия разрушена! Кто станет жалеть о ней? Все, кто услышит о тебе, радуются судьбе твоей: ибо кто же не испытывал на себе злости твоей?»

Чужая радость, дошедшая до нас через тысячелетия,

согревает наши сердца, становится нашей радостью.

Сколько вопиющих несправедливостей, сколько горя и слез сохранили и донесли до нас древние глиняные и каменные книги! В Лувре, во Франции, хранится диоритовая стела высотой в рост человека, вся испещренная клинописными знаками. Этот камень был найден французским археологом де Морганом при раскопках столицы древнего Элама — города Сузы. Сейчас он известен всему миру и каждому школьнику, ибо именно на нем повелел высечь свои законы вавилонский царь Хаммурапи, живший в XVIII веке до нашей эры.

Вот некоторые из статей этого древнейшего свода законов:

«Если человек украдет имущество храма или царя, его должно убить; и того, кто примет украденное, должно убить».

«Если человек украдет беглого раба, его должно убить».

«Если кто срежет рабу клеймо, тому должно отрезать пальцы».

«Если человек имеет долг, его жена, сын или дочь должны быть в рабстве три года...»

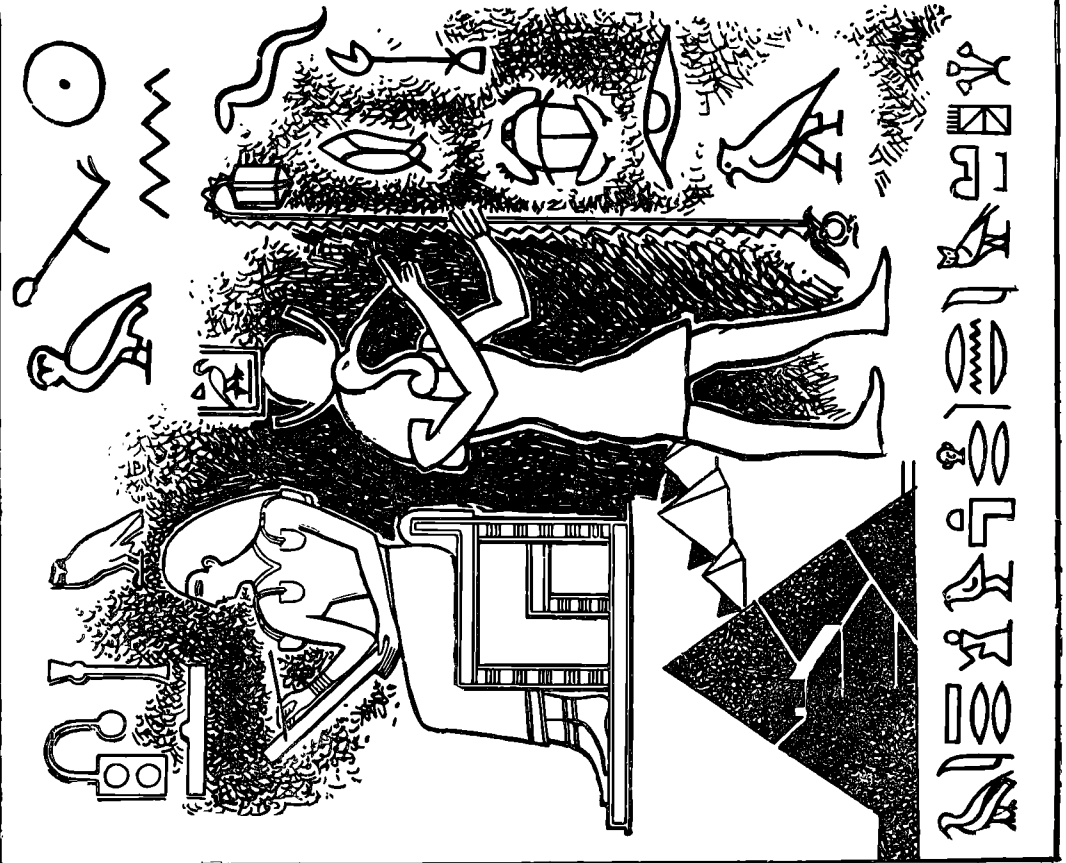
Смерть тому, кто, отчаявшись в нищете, покусится на созданное его же трудом. Смерть и кровь тому, кто осмелится пожалеть обездоленного. Горе тому, кто нанесет хотя бы малейший ущерб богачу!..

Мало того — это еще называлось справедливостью! Ведь сам царь писал о себе: «Я, Хаммурапи, вождь, поставленный богами, первейший из царей, покоривший евфратские селения, я вложил правду и справедливость в уста страны и дал благоденствие народу... Я, Хаммурапи, царь справедливый, которому бог солнца даровал законы. Мои слова превосходны, мои дела бесподобны...»

Истинную цену царскому «благоденствию» знали те, кто складывал свои головы в затеваемых им захватнических войнах, кто возводил для него дворцы и храмы, возде-

лывал поля и содержал целую армию вельмож и царских чиновников, погибал в сырых шахтах и высекал на камне те самые законы, которые превращали его в раба.

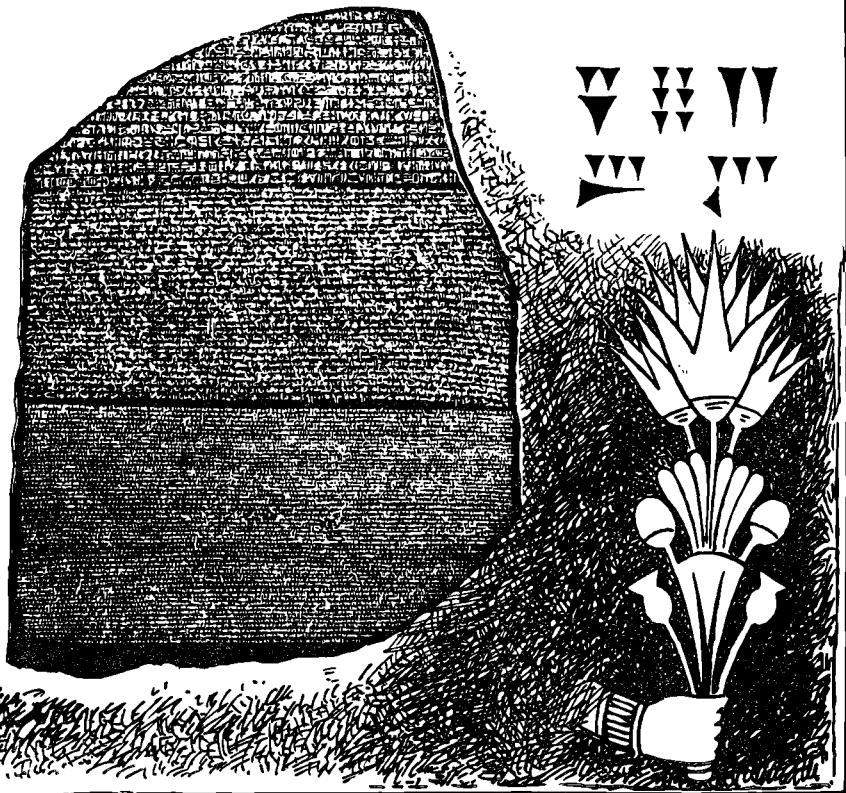
Горько, горько сознавать все это! Но разве книга виновата в том, что так несправедливо была устроена сама жизнь, которую она отражала? Она донесла до нас жестокую правду своего времени. Спасибо ей и на том.

КАМНИ И СВИТКИ «СТРАНЫ ПИРАМИД»

*Новое открытие Египта. „Книга прочней стены
и лучше памятника в храме“. От рисунка к символу,
Великая цивилизация древности. Зазвучавшие письмена.*

4

Клинопись шумеров возникла из рисунков. Так же, из рисунков, развилась и письменность древних египтян. Причем, как утверждают многие ученые, даже раньше, чем в Двуречье, и вполне самостоятельно. По крайней мере, в период Раннего царства (третье тысячелетие до нашей эры) сложившаяся письменность в Египте уже существовала и, по всему, получила широкое распространение.

Зародившись так же, как и в Двуречье, письменность египтян, однако, стала развиваться по совершенно другому пути. Но в одной судьба их схожа: прослужив людям не одно тысячелетие, она, как и сам язык, на котором говорили древние жители долины Нила, была прочно и надолго забыта. Заново ее открыли и расшифровали сравнительно недавно.

Еще каких-то триста лет назад о великой цивилизации «Страны пирамид» существовали лишь самые смутные представления. Они основывались на отрывочных сведениях античных авторов, на полуреальных-полуфантастических свидетельствах священной книги христиан — Библии, на нескольких испещренных загадочными знаками статуях и обелисках, еще в древние времена вывезенных в Рим.

О многом могли бы рассказать эти странные знаки, но прочесть их никто не мог. С годами они все больше привлекали внимание ученых, будоражили воображение, фантазию, но от фантазии до реальных знаний, как известно, очень и очень далеко.

Одним из первых в Европе обратил внимание на эти

гаинственные письма католический священник Афанасий Кирхер. Еще в 1643 году он высказал предположение, что каждый знак обозначает какое-то слово. Но — какое?

Кирхер принялся тут же на свой лад истолковывать и «переводить» эти знаки. «Напереводил» целых четыре тома, однако к истине так и не приблизился, ибо «переводы» его были, мягко говоря, абсолютным вымыслом. И все-таки имя этого любознательного священника мы вспоминаем не только с иронией. Большую помощь последующим поколениям ученых оказала другая его догадка. Она касалась языка древних египтян, исчезнувшего, казалось, бесследно. Но след все же остался, и Афанасий Кирхер обнаружил его у коптов. Язык древних египтян был «предком» коптского! Это было важное открытие. Более того, Кирхер основательно изучил все, что было известно о коптах и их языке, первым составил его грамматику и словарь.

После талантливых догадок Кирхера ученый мир почти два столетия не мог сказать о Египте ничего существенно нового. Не имея сколько-нибудь ясного представления о его истории и культуре, ученые пускались в долгие бесплодные споры, пытались найти истоки древнеегипетского письма где-то в Китае, а иные даже вообще отрицали письменное назначение загадочных знаков.

Чтобы сделать следующий шаг вперед, науке требовались новые факты, материалы и источники, более близкое знакомство со страной великих фараонов, детальное изучение памятников, доступ к которым был весьма затруднен.

Сделать этот шаг стало возможно только в XIX веке — веке великих археологических открытий. А началось все еще раньше.

...1 июля 1798 года в Египте, входившем тогда в состав Османской империи, близ Александрии, неожиданно высадилась 38-тысячная французская экспедиционная армия

во главе с восходящей звездой Наполеоном Бонапартом. Не прошло и месяца, как мамлюкское войско было разбито, и французы вступили в Каир.

Не будем вдаваться во все перипетии этой в общем-то неудачной для Франции авантюры, заметим лишь, что вместе с французскими солдатами на древнюю землю Египта ступили и те, кто давно жаждал увидеть ее своими глазами,— ученые и художники, прибывшие сюда вместе с армией.

Нужно отдать должное и Бонапарту. Несмотря на начавшуюся войну с Турцией (а также с Англией и Россией), на постоянные восстания не покорившегося завоевателям народа, он основал специальный институт для изучения Египта. Прибывшие вместе с ним 175 ученых и художников разъехались по стране в поисках различных памятников древности. А их тут было великое множество. В знойном полупустынном Египте не было леса и все постройки издревле возводились из камня. Сооруженные тысячелетия назад, некоторые из них дошли до наших дней.

Обилие памятников древности буквально потрясло европейцев. С изумлением и восторгом первооткрывателей рассматривали они загадочные пирамиды и руины некогда великолепных царских дворцов, гробницы знатных особ, статуи, обелиски. Изучить и тут же, на месте, систематизировать всю эту массу неожиданных и грандиозных открытий не было никакой возможности. Поэтому они спешили полнее описать увиденное, срисовать архитектурные сооружения, статуи и фрески, приобрести как можно больше древних вещей.

Особую заботу составляли надписи. Они в изобилии встречались на стенах дворцов и храмов, на обелисках и царских усыпальницах, на подножиях статуй и предметах домашнего обихода. Буквально чуть ли не отовсюду на пораженных европейцев смотрели загадочные знаки, таящие в себе историю исчезнувшей великой державы. Среди этих

знаков были рисунки людей (торговцев, стеклодувов, фараонов, воинов, ремесленников, ювелиров, писцов), частей человеческого тела (голов, рук, ног), изображения зверей, птиц, насекомых (львов, ястребов, сов, змей, гусей, жуков), цветов, растений и т. д.

С первого взгляда все это легко могло бы сойти за обычные рисунки, каких на земле немало, но настораживали четкий порядок строк, чередование одних и тех же знаков, какая-то строгая внутренняя система. Особенно ясно это стало после находки так называемого Розеттского камня.

Нет, никакие это не магические знаки языческих жрецов, а самые настоящие тексты! Однако как прочесть их? Пригласить египтян? Но в Египте, как это ни парадоксально, египтян нет. Их вообще давно нет на свете. Тогда, может быть, помогут копты? Но дальние «потомки» египтян напрочь забыли письмо своих великих предков. Что же тогда делать?

Этим вопросом не раз задавались и ученые. Но на долгие размышления не было времени, надо было спешить, ибо война продолжалась и положение французской армии с каждым днем становилось все сложнее. В конце концов, несмотря на ряд блестящих побед, война была проиграна. Остатки французского экспедиционного корпуса эвакуировались в свою страну, собранную коллекцию египетских памятников пришлось передать Англии...

Да, в Египте Франция проиграла, но зато наука выиграла. Получив огромный материал, ученые Европы принялись энергично изучать и систематизировать его. Уже к 1813 году было издано 12 томов таблиц и 24 тома текста. Это была работа, потребовавшая небывалого трудолюбия и энтузиазма. Однако древние тексты по-прежнему молчали.

«Книга прочней стены и лучше памятника в храме»

Древние египтяне очень рано научились «записывать» свои мысли с помощью рисунков. Чаще всего каждый из них означал какое-то слово: рисунок совы — слово «сова», рисунок быка — слово «бык» и так далее. Очевидно, гораздо позже они научились делить слова на части и даже придумали несколько букв, чтобы передавать ими звуки.

Необходимость в звуках появилась прежде всего при написании имен правителей и царей. Каким, например, знаком можно было запечатлеть на камне или на другом материале имя фараона Тутмоса? Одним рисунком сделать это оказалось невозможно. Потребовалось изобрести целую группу рисунков, означающих уже не слова, а звуки. И египтяне изобрели их. Однако до алфавита и алфавитного письма они так-таки и не додумались.

Рисунки-знаки египетского письма (и не только египетского!) мы издавна называем иероглифами. Такое название им дали древнегреческие писатели, и дословно это значит «священное письмо, высекаемое на камне».

Действительно, многие тексты египтян высечены на камне. Но «писали» они не только на этом неподатливом материале. Кроме того, что он был довольно тверд и требовал больших физических усилий «писцов», он был еще и очень неудобен. Каменную стелу или обелиск не положишь в карман, не запрячешь в шкатулку, не захватишь с собой в дорогу. Поэтому египтяне очень давно научились изготавливать другой писчий материал. Сырьем для него служил знаменитый нильский тростник папирус.

Как это делалось? Сначала стебель разделяли на тонкие и по возможности широкие полосы. Затем их склеивали. Однако одного ряда полос было мало, и поверх образовавшегося листа наклеивали еще один ряд — поперек. Потом края листа обрезали, сам лист помещали под пресс, сушили и полировали.

Выпуском папируса занимались специальные «фабрики», на которых работали десятки рабов. Самые крупные из них сосредоточились в Александрии. Отсюда он вывозился почти во все страны Средиземноморья.

Сгибать папирус, как изобретенную позже бумагу, было нельзя: он ломался. Но как быть, если текст не умещается на одном листе? Писцы и тут нашли выход. Они стали к исписанному листу приклеивать новый, чистый, а затем еще следующий. Так получались длинные ленты, которые скручивали (свивали) в трубки. Самым длинным (более 40 метров) из дошедших до наших дней свитков является так называемый «Папирус Гарриса», хранящийся в Британском музее. Но были свитки и подлиннее. Так, полагают, что тот, на котором древние греки записали «Илиаду» Гомера, имел в длину полтора метра.

Читать подобные книги было бы крайне неудобно, если бы опять-таки не изобретательность писцов. К началу и концу свитков они прикрепляли специальные деревянные валики, и по мере прочтения книги свиток перематывался с одного валика на другой.

Хранились свитки в специально изготовленных для этого футлярах в виде небольших бочонков. Для каждой книги на полках библиотек имелось строго определенное место. В Александрийской библиотеке, например, находилось около миллиона папирусных свитков. Это была крупнейшая библиотека всего античного мира.

Письменность широко применялась в государственном делопроизводстве, в больших хозяйствах и храмах. Видной фигурой чиновничьего аппарата становится писец. Вот как восхваляли его дело древние авторы:

Мудрые писцы
Времен преемников самих богов,
Предрекавшие будущее,
Их имена сохраняются навеки.
Они ушли, завершив свое время,
Позабыты все их близкие.

Они не строили себе пирамид из меди
И надгробий из бронзы.
Не оставили после себя наследников,
Детей, сохранивших их имена.
Но они оставили свое наследство в писаниях,
В поучениях, сделанных ими.

Писания становились их жрецами,
А палетка для письма — их сыном.
Их пирамиды — книги поучений,
Их дитя — тростниковое перо,
Их супруга — поверхность камня.
И большие и малые —
Все их дети,
Потому что писец — их голова.

Построены были двери и дома, но они разрушились,
Жрецы заупокойных служб исчезли,
Их памятники покрылись грязью,
Гробницы их забыты.

Но имена их произносят, читая эти книги,
Написанные, пока они жили,
И память о том, кто написал их,
Вечна.

Захотевшего стать писцом наставляли:

Стань писцом, заключи это в своем сердце,
Чтобы имя твое стало таким же.
Книга лучше расписного надгробья
И прочней стены.
Написанное в книге возводит дома и пирамиды
в сердцах тех,

Кто повторяет имена писцов,
Чтобы на устах была истина...
Книга нужнее построенного дома.
Лучше гробниц на Западе,
Лучше роскошного дворца,
Лучше памятника в храме.

От эпохи Среднего царства дошел до наших дней любопытный документ — поучение, «составленное корабельным лучником сыном Дуауфа Ахтоем по имени, для сына его Пиопи по имени, в то время как он (то есть отец) плыл на юг в Столицу, чтобы отдать его (то есть сына) в

школу писаний, в среду детей вельмож, первых в столице».

Рядовой человек, воин-лучник, одержим мечтой видеть своего сына грамотным. Чем вызвано это желание? Отвечает на этот вопрос сам Ахтой: «Смотри, неграмотность — ничто, она равносильна зависимости... И потому я желаю, чтобы ты возлюбил письмо более, чем мать твою, и поэтому я желаю, чтобы привлекла польза его внимание твое...»

В другом литературном памятнике говорится: «Человек умирает, и тело его становится прахом: и всё жившее в одно время с ним становится пылью. Но книги доставляют ему вечную жизнь в устах читающего».

Писцов и вообще образованных людей требовалось все больше и больше. Их готовили в специальных школах. Учились там только мальчики, да и то далеко не все, а лишь выходцы из семей вельмож, чиновников, жрецов. Учиться даже в то далекое время было нелегко. Одних иероглифов насчитывалось около 750. Попробуй запомни их все и тем более научись красиво и правильно писать!

Однако в египетских школах обучали не только чтению и письму. Большое место занимали упражнения в решении разнообразных задач, многие из которых по сей день доставляют школьникам немало хлопот. Это и понятно, ведь будущие государственные «мужи» должны были не только уметь вести учет, деловую и дипломатическую переписку, но и руководить строительством дворцов, пирамид, храмов, сложных ирригационных сооружений, кораблей, водить войска, выигрывать сражения с армиями неприятелей.

Порядки в школах были весьма строгие. Об этом свидетельствуют многие дошедшие до наших дней поучения школьникам. Вроде этого, уже общеизвестного: «Пиши рукой своей, читай ртом своим, советуйся с теми, кто знает больше тебя... иначе будут бить тебя. Уши мальчика на спине его, он слушает, когда его бьют». И били, несмотря на знатное происхождение! Розги являлись обязательным предметом в каждой школе.

Древние египтяне изобрели и письменные принадлежности, которыми в измененном виде мы пользуемся и сейчас. Ручкой служили тростниковые палочки (каламы), заостренные с одного конца. Хранились они в особом пенале, где были еще и углубления для красок (черной и красной). Резинку заменяла губка, промокашку — мелкий песок.

Со временем краску заменили чернила. Из-за этого конец тростниковой палочки стали расщеплять, чтобы чернила лучше стекали на ее кончик. Этот принцип мы увидим, когда в обиход войдут гусиные перья, а затем и стальные.

Воистину — хорошее живет вечно!

От рисунка к символу

Возникнув из пиктограмм, древнейшие египетские иероглифы представляли собой небольшие, поразительно реалистические рисунки. Вот некоторые из них, скопированные из различных текстов:

сова

ястреб

голубь

лев

заяц

змея

кувшин

жук-скарабей

глаз (плачет)

бык

лодка

Подолгу разглядывая эти удивительные письма, отдавая должное таланту древнего писца-художника, замечаем и знаки другого (скорее всего более позднего) типа. Если первые можно назвать изобразительными, эти — схематические. В них еще чувствуется рисуночная основа, но от рисунков они уже ушли, и ушли довольно далеко. Писца мало интересует буквальная похожесть знака на тот предмет, который он называет. Главное, чтобы его поняли. И его понимали. Вот некоторые из таких схематических иероглифов:

руна

дом

гора

вода

лист пальмы

мувшин

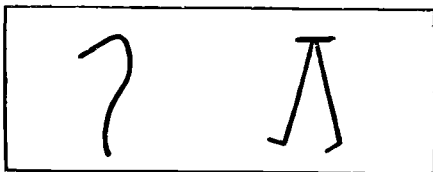
цепь

Зачем рисовать всего человека, чтобы сказать слово «рука»?

Зачем рисовать целую пальму, разве не достаточно одного листа?

Зачем рисовать целый дом, если проще и быстрее набросать одной линией его общий план...

Но встречаются знаки еще более лаконичные. Это уже не схемы, а символы. Как, например, вот эти:

Царский жезл, безусловно, это символ власти, а стало быть, и понятие «власть». Ну а что еще, кроме понятий «идти», «ходить», «носить», могут означать эти схематически набросанные ноги?

От рисунка конкретного предмета к символу — таков, по сути дела, путь развития любой письменности.

За долгие века и тысячелетия египетская письменность прошла сложный путь развития и совершенствования. Особенно ускорился этот процесс в связи с созданием крупного рабовладельческого государства и широким распространением письма. Очень сложное и утомительное вначале, оно постепенно упрощалось, облегчалось. Такое упрощенное письмо стали называть иератическим, что означает просто «священное письмо». Им пользовались жрецы при переписке на папирусе религиозных текстов.

Еще более упрощали письмо простые люди, чьи записи не имели ничего общего с книгами «священного», религиозного характера. Торговцам, ремесленникам, строителям, врачам, путешественникам некогда да и незачем было тщательно выписывать каждый знак. Их деловое беглое письмо ученые назвали демотическим, то есть письмом «для простого народа». Оно обходилось уже всего лишь тремястами знаками.

Великая цивилизация древности

Письменность, книга сыграли исключительную роль в развитии всех сторон экономической, общественно-политической и культурной жизни Древнего Египта. Общеизвестны замечательные достижения египетских строителей — безмянных творцов величественных храмов, роскошных царских дворцов, загородных усадеб вельмож, таинственных и строгих пирамид. Не перестают восхищать и волновать нас изумительные росписи храмов и усыпальниц,

изделия древних ювелиров, скульпторов, резчиков, Гончаров.

Высокого уровня развития достигли египетская математика, счетная и землемерная науки. В Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина хранится папирус периода Среднего царства, в котором, среди прочих, имеется решение задачи на вычисление объема усеченной пирамиды.

Египетские счетчики смело оперировали огромными цифрами — тысячами и миллионами, умели решать задачи с дробями, пользовались понятием неизвестного, числом π (они считали его равным 3,16), широко применяли свои знания в жизни.

О большом значении, которое придавалось арифметике и геометрии, свидетельствует название одного из школьных учебников по этим наукам: «Способы, при помощи которых можно дойти до понимания всех темных вещей, всех тайн, заключающихся в вещах». «Всех тайн» — вот как!

Теснейшим образом с достижениями в математике были связаны успехи в астрономии и технике. Известны составленная египтянами оригинальная карта звездного неба, календарь. Египтяне первыми изобрели водяные часы. Между прочим, солнечные часы — тоже их изобретение. Они были распространены довольно широко: об этом говорит сохранившееся наставление — своеобразная инструкция о пользовании солнечными часами времен XIX династии.

Поразительна и древнеегипетская медицина. Уже тогда пользовались секретами бальзамирования тела. Благодаря этому мумии фараонов и знатных царских вельмож хранились тысячелетиями. Египетские врачи знали действие многих трав, лечили различные заболевания, раны, производили сложнейшие хирургические вмешательства, хорошо представляли себе систему кровообраще-

ния, гениально догадывались о функции головного мозга.

Конечно, в рецептах и приемах древних лекарей было еще много наивного, идущего от заклинаний и самого примитивного «колдовства», но это служило, так сказать, необходимым атрибутом того времени.

Превосходно знали анатомию человеческого тела, а также тела животных, птиц и древние художники. Произведения их до сих пор изумляют нас своей красочностью и реалистичностью. Вначале в основном расписывались стены помещений, но с появлением папируса рисунки с камня и дерева шагнули на «страницы» свитков. С этого времени художник становится одним из постоянных и самых деятельных участников создания книги.

Опыт, знания росли от поколения к поколению, передавались «из рук в руки», из «уст в уста», как это было в дописьменный период. Но решающее значение в их накоплении и распространении теперь приобрели письмо, книга.

Благодаря им мы знаем сегодня не только то, чем занимались, что умели, как жили создатели древней цивилизации на Ниле, но и что и как они чувствовали, как видели и объясняли окружающий мир, как воспринимали себя в нем.

В Древнем царстве уже была развитая литература, но она навсегда утрачена для человечества. До нас дошли в основном письмена, начертанные на стенах внутренних коридоров и камер в пирамидах фараонов V и VI династий — так называемые «Тексты пирамид». Если собрать все их вместе, то получится целая коллекция религиозных текстов и заупокойных заклинаний. Со временем, в период Среднего царства, так и поступили: получилась солидная книга — «Книга мертвых». По представлениям египтян, эта книга, переписанная на папирусный свиток и положенная в гробницу, гарантировала покойнику успех и счастье «на

том свете». А угодить «на тот свет» без такой гарантии они, прямо сказать, побаивались, потому что верили, будто там их ждет загробный суд Осириса. Суд строгий, бескомпромиссный, и легко ли оправдаться в 42-х грехах перед 42-мя судьями! А у кого их нет, этих грехов?

Разумеется, заказать для себя «Книгу мертвых» могли только люди богатые. Бедняки уходили в мир иной без всякой надежды на загробное бессмертие. (Невольно на память приходят «священные» индульгенции римских пап, приобретение которых — за большие деньги, конечно! — тоже освобождало их владельцев от всех земных грехов. Но если древние египтяне искренне верили в великую силу священных заклинаний, то средневековые индульгенции — уже откровенное шарлатанство.)

Да, «тот» мир для египтянина был такой же реальностью, как и этот, в котором он рождался, совершал свои дела, любил и тревожился, поклонялся богам и фараонам, оставлял потомство и умирал. Считалось, что обычная земная жизнь — это лишь краткое мгновение перед жизнью другой, возможно, вечной, поистине счастливой.

Однако распрощаться с земной жизнью у людей большого желания не было. И дело тут не только в суровом суде Осириса. Уже в те далекие времена появлялись скептики и вольнодумцы, которых мысль о загробной жизни совсем не воодушевляла. И как по-человечески понятна нам их привязанность ко всему живому и земному, их горькие сомнения в радостях того мира, куда люди уходят в их «день оплакивания».

Никто еще не приходил оттуда,
Чтоб рассказать, что там,
Чтоб поведать, чего им нужно,
И наши сердца успокоить,
Пока мы сами не достигнем места,
Куда они удалились.

А потому утешь свое сердце,
Пусть твое сердце забудет
О приготовленьях к твоему просветленью.

Следуй желаниям сердца,
Пока ты существуешь.
Надуши свою голову миррой,
Облачись в лучшие ткани.
Умасти себя чудеснейшими благовоньями
Из жертв богов.
Умножай свое богатство,
Не давай обессилеть сердцу.
Следуй своим желаньям и себе на благо.
Совершай дела свои на земле
По веленью своего сердца,
Пока к тебе не придет тот день оплакиванья...

Это — знаменитая «Песнь из дома усопшего царя Антефа, начертанная перед певцом с арфой», вернее — отрывок из нее.

Кто начертал эти строки в «доме» царя? Кто был автором этого удивительного произведения? Кто он, этот древний вольнодумец, призывавший жить, следуя своим желаниям, здесь, на земле, и не очень-то надеяться на радости загробного мира, откуда еще никто не возвращался. Тьму тысячелетий пробил этот страстный призыв и поныне тревожит и волнует наши сердца.

Хорошо, что во времена этого поэта не существовало «святой инквизиции» с ее пыточными камерами и слепой невежественной яростью. В средневековой Европе за такое кощунство он мог бы угодить на костер!..

Папирусные книги-свитки донесли до нас не только свидетельства сложной развивающейся общественной мысли Древнего Египта, но и изумительные образцы лирической поэзии, эпические сказания, разнообразные «поучения», исторические хроники, басни, сказки... Войдя в сокровищницу мировой культуры, они и сегодня не оставляют нас равнодушными. Как, например, вот эти строки:

Искусство не знает предела.
Разве может художник достигнуть вершин мастерства?
Как изумруд, скрыто под спудом разумное слово.
Находишь его между тем у рабыни, что мелет зерно.

Однако не только восторги и радостное изумление рождают в нас древние свитки. Бесконечные захватнические походы, расправы над побежденными, хищническое выкачивание дани и рабов из покоренных земель, мятежи, нашествия, восстания — все это тоже стало известно нам благодаря стараниям египетских писцов. Впрочем, не только их, но и тех, кто через тысячелетия прочел нам эти книги заново.

Зазвучавшие письма

...Шли годы, а древние тексты, вывезенные из Египта, по-прежнему упорно молчали. Интерес к ним стремительно рос, на полки научных библиотек ложились все новые и новые тома исследований, огромный материал требовал детальной систематизации и обработки, но ключа к нему подобрать все никак не удавалось. Таким ключом могло бы стать только прочтение многочисленных текстов. Казалось бы, чего проще — расшифруй, оживи забытую письменность, проникни в смысл всех этих знаков, и история страны раскроется перед тобой сама.

Однако легко сказать — оживи! Многие пытались сделать это, но успеха так и не добились: тайны тысячелетий, как и прежде, оставались тайнами.

Настоящей приманкой для ученых стал привезенный в Европу Розеттский камень. Притягательная особенность его заключалась в том, что текст был выбит сразу на трех языках. Причем, один из них был древнегреческий, ученым хорошо известный. Он занимал нижнюю часть камня.

Верх заполняли знакомые, но тем не менее все еще досадно не понятные древнеегипетские иероглифы. В средней части памятника располагались совершенно незнакомые знаки (позже ученые догадаются, что это тоже египетское, но скорописное демотическое письмо!).

Прочтя греческую надпись, исследователи узнали о том, что в 196 году до нашей эры египетские жрецы объявили своего царя Птолемея богом и извещали об этом «весь свет».

Но «свет» был велик, и населяли его разные народы. В таком случае можно было допустить, что на трех языках начертан один и тот же текст-«объявление». Служители египетских храмов прочтут его по «священным письменам на камне» — иероглифам, греки и знающие их язык — по своим знакам... А ведь это, если вдуматься, может стать настоящим ключом к разгадке!

Над камнем из Розетты «колдовали» ученые из разных стран. Среди них были известный французский арабист Сильвестр де Саси, шведский ориенталист И. Д. Окерблат и даже английский физик Т. Юнг. Казалось, каждый из них стоит на пороге великого открытия, но... Розеттский камень хранил молчание.

И все-таки наука упорно, шаг за шагом, приближалась к расшифровке египетской письменности. 27 сентября 1822 года на заседании Парижской Академии наук с докладом о результатах своей работы в этой области выступил молодой французский ученый Жан-Франсуа Шампольон. Сообщения его были настолько важны и значительны, что этот день впоследствии стал считаться днем рождения специальной науки египтологии.

...Жизнь великих людей всегда по-своему интересна и поучительна. Жан-Франсуа Шампольон родился в 1790 году в семье книготорговца и решительного, убежденного республиканца. Книги, увлекательные разговоры и споры взрослых о науках, искусстве, литературе действовали на

мальчика благотворно. В пять лет он уже свободно читал. В двенадцать, узнав, что загадочные надписи «Страны пирамид» все еще не расшифрованы, Жан горячо воскликнул: «Когда-нибудь я их непременно прочту!» Когда он действительно прочел некоторые из них, ему было 32 года.

Можно считать, что к своему открытию Шампольон шел ровно двадцать лет!

Двадцать лет!.. Чем же были заполнены эти годы? Упорной учебой, огромной, всепоглощающей любовью к науке, неустанной самоотверженной работой, медленно, очень медленно приближавшей его к поставленной цели.

Невольно поражаешься удивительной настойчивости и целеустремленности молодого ученого. Он с увлечением читает труды по истории стран Востока, штудирует пухлые тома археологов, изучает языки, в том числе древние. Но чтобы заставить заговорить египетские письмена, древнегреческого и латыни было явно недостаточно. Пришлось взяться и за коптский. На этом языке египетские христианские священники когда-то вели церковную службу. Исчезли сами египтяне, забылся их язык, онемели их надписи и свитки, а церковные богослужения продолжали звучать. Хорошим подспорьем для изучения языка коптов была грамматика, разработанная еще в XVII веке Афанасием Кирхером. Так через многие годы подвиг одного ученого получил продолжение в подвиге другого.

С 1807 года, в семнадцать лет, Жан-Франсуа начинает всерьез изучать Розеттский камень. Древнегреческий текст он прочел легко, так как владел им в совершенстве. Сравнивая начертания иероглифов и демотических знаков, он обнаружил определенное, с трудом улавливаемое сходство между ними. А раз так, то возникает вопрос: не родственны ли друг другу эти два вида письма?

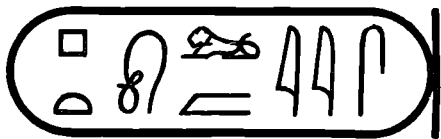
После многих месяцев напряженнейшего и скрупулез-

нейшего труда молодой ученый ответил положительно — да, родственны.

Сколько дней и бессонных ночей, составивших целые годы, было потрачено на сравнительный анализ и классификацию всех этих мертвых, ничего пока не говорящих знаков! Плодом этих неутомимых поисков стали так называемые списки соответствий, в которых он предположительно записал, какой иероглиф соответствует тому или иному демотическому знаку.

Работая над этими списками, Шампольон заметил также, что иероглифов в несколько раз больше, чем слов. Отсюда следовал тоже весьма важный вывод: значит, не каждый иероглиф обозначает целое слово, некоторые из них могут обозначать слоги или даже отдельные звуки. Это было ново и неожиданно.

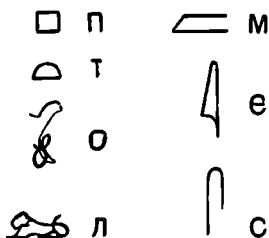
Наконец, пришло время попытаться проверить все свои догадки и предположения на практике — при расшифровке какого-то слова. Поскольку в греческом тексте фигурировал царь Птолемей (Птолмеес), Шампольон остановил свое внимание именно на этом слове. Вначале он написал это имя демотическими знаками, затем, руководствуясь своими списками соответствий, подставил на их место иероглифы. Получилось вот что:

Какова была радость ученого, когда точно такую же группу знаков-иероглифов он обнаружил и на камне! При чем повторялась она неоднократно и всегда бралась в

рамку. В рамки обычно заключались имена царей, цариц, полководцев, знатных жрецов и вельмож. Птолемей Эпифан был царем.

С этого слова и начались настоящие успехи Шампольона. Ведь только одно слово раскрыло ему тайну сразу семи иероглифов:

Пользуясь этими знаками и своими списками соответствий, Шампольон составил еще одно слово — имя Клеопатра.

Получилась вот такая «цепочка»:

Среди уже известных появились и неизвестные знаки: треугольник, птица (ястреб), овал и другие. Если бы все оказалось верным, то это принесло бы открытие ряда новых букв.

Но правильность написания этого слова еще требовалось доказать.

Как, каким образом? Ведь как писали имя своей царицы древние египтяне, никто, конечно, из современников

Шампольона не знал. С чем же сравнить свой вариант, на который он так надеется?

К счастью, именно в этом году Шампольон впервые увидел надпись, скопированную несколько лет назад с другого египетского камня-обелиска. Она была выполнена на двух языках, двумя видами письма — греческими буквами и древнеегипетскими иероглифами. В греческом тексте встречалось имя египетской царицы Клеопатры; в египетском — рамка и... точно те знаки, которые у Шампольона ждали своей проверки. Правда, несколько иначе выглядела буква «т», а два последних знака представляли собой окончание женского рода и детерминатив, стоящий после женских имен.

Так впервые было доказано, что древнеегипетские иероглифы можно читать. Но заслуга Шампольона не только в этом: он заложил основы египетской филологии. Открытие Жана-Франсуа Шампольона быстро облетело весь ученый мир, и всюду у него появлялись последователи. Его труд «Очерк иероглифической системы» был с интересом встречен и в России. Уже в 1824 году декабрист Г. С. Батеньков предпринял попытку перевести его на русский язык. А 10 января 1827 года Санкт-Петербургская Академия наук избрала Шампольона своим почетным членом.

Ученики и последователи Шампольона в относительно непродолжительное время проделали огромную работу. Они опубликовали и прочли целые тома новых подлинных египетских текстов, составили первые демотические грамматики и многотомные иероглифико-демотические словари, написали подробную историю древнего Египта и сопредельных с ним стран. Их подвижническим трудом египтология превратилась в обширную и увлекательную науку. Благодаря ей нам открылись, казалось бы, навсегда утерянные тайны величайшей цивилизации периода раннего детства человечества.

Обычно память о своем детстве мы храним и бережно проносим через всю жизнь. Человечеству эта пора его истории тоже весьма и весьма дорога. Правда, однажды оно позволило себе забыть о нем (забыть даже его язык!) и заплатило за это многими веками мук совести и титанического труда. Грустное время беспамятства, наконец, кончилось, человечество вновь обрело свое неповторимое детство. И, будем надеяться, теперь уже навсегда.

СОТВОРЕНИЕ АЛФАВИТА

Кочевники „упрощают“ египетское письмо. Гениальное изобретение финикийских писцов. Новая письменность древних греков. Через века и страны.

Великие славянские просветители.

Путь олной в три с половиной тысячи лет.

5

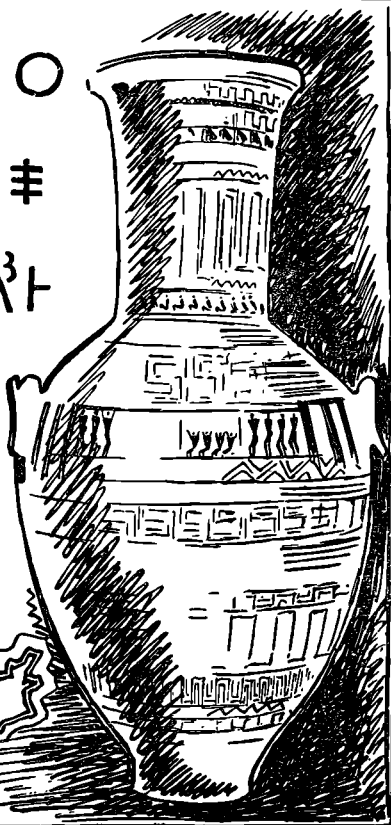
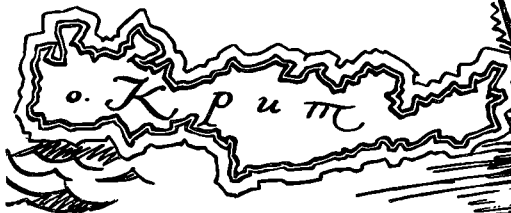
Α Δ Ι Λ Ε Υ Ζ Η Θ

Α Α Ζ Κ Γ Ι Γ Λ Ε Φ

Υ Ψ Ω Σ Φ Α Λ Ξ

Α > Σ Ε Χ Ξ Θ Ι Κ

Α > Β Β Λ >

Странно, но, осуществив много гениальных изобретений и открытий, египтяне так и не додумались до более совершенного и простого алфавитного письма. Свое, иероглифическое, они лелеяли и пестовали, из тысячелетия в тысячелетие развивали и улучшали, создали практически целых три вида письма, но дальше не продвинулись.

Изобретение буквенного письма некоторые исследователи связывают с нашествием на Египет союза кочевых племен гиксосов, хлынувших в 1700 году до нашей эры из Передней Азии в долину Нила.

Ослабленный внутренними потрясениями, распавшийся на отдельные соперничающие между собой города-государства — номы, Египет не смог устоять против воинственных завоевателей. Владычество их продолжалось здесь более ста лет и оставило после себя разгромленные храмы, опустевшие города, заброшенные оазисы и рассказы об ужасном погроме, передающиеся из поколения в поколение.

В истории Египта гиксосы, пожалуй, так бы и остались дикими завоевателями-погромщиками, если бы не три момента. Первый: они принесли с собой в долину Нила коневодство. Второй: именно через них египтяне и некоторые другие окрестные народы познакомились с колесным транспортом и колесницами. И третий: гиксосы сделали первую попытку создать алфавитное письмо.

Наивно было бы думать, что гиксосы изобрели его сами благодаря лишь собственной гениальности. Тем более что

до завоевания Египта они совсем не знали письменности. Как же в таком случае они пришли к своему изобретению? Путем усвоения и творческой переработки достижений египтян?

Здесь нужно оговориться, что, находясь на более низком уровне развития, кочевники-гиксосы вообще очень многое заимствовали из культуры Египта. Не составила исключения и письменность. Но она показалась гиксосам слишком громоздкой, сложной и трудной, и они гениально упростили ее.

В чем же заключалось это их «упрощение»? В том, что они придумали другие — более простые знаки? Нет. В том, что уменьшили их количество? Тоже нет. В чем же тогда? А в том, что они вообще отказались от иероглифов! Так-таки и отказались, ото всех 750 иероглифов? Да, за исключением всего лишь двух десятков. Но и те уже не были иероглифами, какими мы видим их в древнеегипетских надписях. Они стали буквами.

Впрочем, буква, как мы уже знаем, это тоже изобретение египтян. В их письменности насчитывалось 24—25 знаков для согласных, которые обозначали не целое слово и даже не часть его — слог, а отдельный звук. Эти знаки-фонограммы были необходимы им прежде всего для написания имен царей и вельмож. Гиксосы, вычленив именно это в египетском письме, отбросили все остальное и пошли дальше, сделав фонетический, буквенный принцип основой всей письменности.

Поступали они весьма и весьма просто. Начинаются, скажем, названия предметов со звука А, значит, изображение одного из таких предметов и будет буквой А. Даже не подробное изображение, как в пиктографии, а всего лишь часть его, правда, самая существенная часть, по которой легко узнается весь предмет.

Например, было в языке у гиксосов слово «алеф» — бык. Значит, рисунок этого алефа-быка и будет буквой А,

решили гиксосы! Даже не всего быка, а только его головы. Тем более, что и рисунок уже был готов: он часто встречался им среди многочисленных египетских иероглифов.

Сначала он был вот такой:

Затем его еще больше упростили:

Слово «бет» означало «дом». Так буквой Б стало нечто, изображающее дом. «Реш» — по-гиксосски «голова». Изображение головы превратилось в букву Р...

Так набралось 26 букв.

Гениальное изобретение финикийских писцов

Удивительно сложна, ярка и до невероятности насыщена история Древнего Востока. Сколько великих и малых народов родилось на этой земле! Сколько блистательных цивилизаций, возникших здесь, до сих пор изумляют мир! Сколько имен вспыхивало и гасло на его небосводе!..

Об одних народах и государствах мы знаем очень много, о других гораздо меньше, о третьих, кроме их названия, не знаем почти ничего. Пришли, мелькнули под пером летописца (и то хорошо!) — и канули в безвестность.

Подобную судьбу суждено было разделить и гиксосам. Впрочем, они никогда не были большим, даже единым народом. И когда восставшие египтяне изгнали их из своей страны и оттеснили в Палестину, те вообще перестали существовать.

Гиксосы ушли и унесли с собой свой алфавит. Гиксосы исчезли, канули в беспокойную бездну истории. Вместе с ними могло погибнуть и их изобретение, но, к счастью, оно оказалось более жизнеспособным, чем они сами. Его восприняли и еще более усовершенствовали финикийцы.

Если о гиксосах нам известно очень мало, то история Финикии, располагавшейся на восточном побережье Средиземного моря, довольно подробно прослежена на протяжении нескольких тысячелетий.

Представить себе Ближний Восток без финикийских городов-государств (Тир, Сидон, Библ и другие) поистине невозможно. Стены их не однажды орошались кровью и принимали на себя сокрушительные удары могущественных соседей. Здесь утверждали свое господство армии египетских фараонов. Сюда жадно тянулись руки воинственных ассирийцев. На этой земле побывали армии персов, греки Александра Македонского, войска римских полководцев.

Культура, созданная финикийцами, испытывала на себе самые разнообразные влияния. Египетская, хеттская, ассиро-вавилонская, эгейская, греческая и другие цивилизации оставили в ней неизгладимый след. Искусство финикийцев, особенно в первом тысячелетии до нашей эры, также было мало самостоятельным.

Однако города-государства Финикии не только воспринимали, но и сами, в свою очередь, заметно влияли на другие народы. В истории Востока финикийцы известны прежде всего как предприимчивые торговцы и отважные мореплаватели. Мало того, что они имели многочисленные колонии по всему Средиземноморью, их торговые корабли отправлялись в дальние плавания: на Британские острова — на западе и в Индию — на востоке. Их услугами пользовались многие соседние государства.

Зная о предприимчивости и заинтересованности фини-

кийских купцов в новых рынках, египетский царь Нехао еще в конце VII века до нашей эры сумел привлечь их к одному весьма смелому предприятию. Для времени, отстоящего от нас на 26 с лишним веков, это было на грани фантастики, ведь вокруг Африки до этого еще никто не плывал. А именно это и предложил им царь Египта.

Финикийские купцы приняли предложение Нехао. Снаряженная ими экспедиция вошла в Красное море, оставила позади знойные берега Аравии и, достигнув Индийского океана, взяла курс на юг. Ровно через три года она вернулась по Средиземному морю с запада, впервые обогнув весь африканский материк.

Несколько позже этот подвиг повторит экспедиция во главе с флотоводцем Ганноном, снаряженная бывшей финикийской колонией Карфагеном.

Через две тысячи лет путь из Европы в Индию вокруг Африки пройдут корабли португальца Васко да Гамы. Страшно подумать: лишь через две тысячи лет!

Надо ли говорить, как необходимо было финикийским правителям, купцам и ремесленникам иметь для своих дел простое и надежное письмо. Соседствуя с Египтом и долгое время находясь под его властью, финикийцы, безусловно, хорошо знали египетскую иероглифическую письменность. Известна была им также ассиро-вавилонская и хеттская клинопись. Однако финикийские торговцы меньше всего нуждались в «священных письменах, высекаемых на камне». Им нужно было что-то попроще, подступнее, попрактичнее. И это «что-то» они, по мнению многих исследователей, нашли в письменах гиксосов, заложивших основу алфавитного письма, но не успевших довести свое дело до конца.

В первом томе «Всемирной истории» об этом читаем: «Самым крупным достижением финикийской культуры было изобретение алфавитного письма. Финикийским писцам

принадлежит слава доведения до конца великого открытия египтян. Последние уже в глубокой древности создали 24 алфавитных согласных знака, но вместе с тем они сохранили и сотни слоговых знаков и знаков для понятий. Дальнейший шаг к созданию алфавитного письма был сделан, как полагают некоторые исследователи, писцами гиксосских завоевателей Египта... Алфавит гиксосских писцов не успел получить своего окончательного оформления вследствие кратковременности существования гиксосского государства, но тем не менее он оказал воздействие на создание алфавитного письма Южной Финикии. На севере же, в Угарите, создано на той же основе алфавитное письмо из 29 букв, приспособленное для написания клинообразными знаками на глине... В конце концов северный алфавит был вытеснен южным, состоявшим из 22 знаков, который и распространился по всей стране...»

Финикийское письмо считалось современниками легким. Этим и объясняется его успешное, быстрое распространение.

Легким оно было в отличие от иероглифического и клинописного. И в самом деле, теперь уже не было необходимости заучивать сотни знаков для обозначения слогов и слов, ведь при новой буквенно-звуковой системе все решали 22 знака, которые мы теперь называем буквами. Знаков-букв стало мало, но ими можно было записать все, что угодно,—хоть тысячу, хоть миллион слов!

Отдавая должное и египтянам, и гиксосам, и финикийцам, нужно, однако, сказать, что созданный ими алфавит имел один существенный недостаток: в нем по египетской традиции не было гласных. Не было и тех дополнительных поясняющих знаков, применение которых облегчало чтение египтянам. Стало быть, «легким» это письмо было, по нашим нынешним представлениям, лишь весьма и весьма условно.

Финикийское письмо стало основой большинства последующих буквенно-звуковых систем письма. Вместе с тем и само оно требовало дальнейшего совершенствования.

Новая письменность древних греков

«Легкое» финикийское письмо очень скоро прочно утвердилось не только в самой Финикии, но и во многих других странах Азии, Северной Африки и Европы. Прежде всего оно было занесено в финикийские колонии. Колонии, подобно метрополии, вели оживленную торговлю, в конце концов добивались независимости и, как, например, Карфаген, сами обзаводились многочисленными колониями. Алфавитное финикийское письмо, таким образом, победно шествовало из страны в страну.

На западе одними из первых, кто воспринял финикийское письмо, были греки. Ученые считают, что это произошло где-то в начале VIII века до нашей эры. Причем греки не просто восприняли, а довели создание алфавитного письма до конца.

Мы уже знаем, что создание и совершенствование такого тонкого и сложного дела, как письменность, — плод не одного дня и, конечно же, не одного человека. Древние народы вообще не склонны были считать письмо произведением человеческого ума и опыта, и каждый по-своему объяснял его происхождение вмешательством мудрых богов. Так, например, египтяне утверждали, что их священные знаки создал бог письма Тот. Жители Месопотамии — вавилоняне «забыли», что получили письмо от шумеров и приписали его изобретение одному из своих богов — Набу.

Не отличались оригинальностью в этом плане и древние греки. Не доверяя столь мудреное дело простым смертным, они создали миф, в котором рассказывалось о появлении бога Кадма, прихватившего по пути с Востока для греков целых шестнадцать букв.

Мифы мифами, а как было на самом деле? Прежде всего: что представляли собой греки начала VIII века до нашей эры?

Но, простите, почему все-таки восьмого? Разве долго до этого греки не знали письма? А как же тогда объяснить появление Фестского диска, которому ученые дают не менее 3500 лет? На тысячу лет больше! Или нерадивые греки в одно прекрасное время перестали утруждать себя занятиями и разучились писать? Или письменность предков им чем-то пришлась не по душе и они ее забросили, а создать новое без помощи бога Кадма не смогли? Или все тут гораздо сложнее?

Вопросы, вопросы, вопросы...

Чтобы ответить на них, обращаюсь к работам археологов и историков. И тут мне опять придется сделать довольно большое отступление.

...Вплоть до семидесятых годов XIX века об истории догомеровской Греции люди почти ничего не знали. Правда, некоторые сведения о жизни в те далекие времена сохранились в «Илиаде» и «Одиссее», а также в ряде древних легенд и мифов, но ученые им не доверяли.

Да и как можно было поверить сказке, согласно которой на острове Крите когда-то существовало мощное и богатое государство царя Миноса — владельца знаменитого Лабиринта. И не менее знаменитого чудовища Минотавра, с которым будто бы сражался афинский герой Тесей?

А смутные предания о богатых золотом Микенах? А забавные истории, рассказанные Гомером о десятилетней войне ахейцев с троянцами? Кто подтвердит подлинность этих историй слепого поэта? Кто они, эти герои-ахейцы? Где она, эта заманчивая и никем никогда не виданная Троя?

Никем? Никогда? Ученые не верили сказкам...

Первым, кто поверил им, поверил по-детски безоговорочно и до конца, был сын бедного немецкого священни-

ка Генрих Шлиман (1822—1890), еще восьмилетним мальчиком давший себе клятву отыскать легендарную Трою.

Судьба этого человека была полна всевозможных приключений, мужества, крутых падений и головокружительных взлетов. Начав жизнь нищим, он неожиданно становится баснословно богатым, проходит в Париже спешный курс археологии и отправляется на поиски мечты своего детства. И тут Шлиману повезло еще раз. Он действительно нашел и раскопал древнюю Трою. Мало того, он нашел также и Микены — столицу легендарного царя ахейцев Агамемнона. Даже гробницу его раскопал! Вот и не верь после этого сказкам!..

В результате раскопок, произведенных Шлиманом на побережье Малой Азии и на территории материковой Греции, ученым впервые открылся неведомый до того мир высокоразвитой культуры догомеровской Греции. Такой великолепной культуры во времена Гомера греки уже не знали.

Стало быть, какие-то серьезные обстоятельства затормозили развитие греческого общества и даже отбросили его далеко назад? Что это за обстоятельства? И не они ли повинны в том, что греки вдруг забыли свое письмо?

Опять вопросы, вопросы, вопросы...

Однако отвечать на них еще не время...

24 марта 1900 года стало особенным днем в жизни бывшего хранителя музея в Оксфорде Артура Эванса. Отец Артура был известным в Англии археологом и геологом. Археологом стал и Артур. И вот исполнилось его давнее желание: он прибыл на греческий остров Крит, приобрел нужный ему участок земли и начал раскопки.

Чего он искал тут? Следы древних легенд о сказочном царстве Миноса? А почему бы и нет, ведь Генрих Шлиман на своем опыте доказал, что сказки не всегда лгут...

Чутье не обмануло Эванса. Развалины, привлечшие его внимание, оказались роскошным дворцом, который он на-

звал в честь легендарного критского царя дворцом Миноса. некогда это было огромное и величественное строение в несколько этажей со множеством помещений, в которых и вправду немудрено заблудиться.

Современники восторгались великолепными парадными и тронными залами дворца, комнатами культового назначения, сокровищницами, ваннами. Восхищали их богатое убранство, высокохудожественные настенные росписи, обилие золотых художественных изделий.

Здесь же были обнаружены продолговатые глиняные таблички с неизвестными письменами.

Дальнейшее изучение показало, что именно этот дворец в столице минойского государства — Кноссе и был тем самым лабиринтом, который так поразил воображение «провинциалов» ахейцев. На протяжении многих веков здесь жили цари Кносса и всего острова.

Высокоразвитую культуру, открытую на Крите, Эванс в честь все того же царя Миноса назвал минойской. Кто был ее создателем, какой народ? На каком языке он говорил? Ответить на эти вопросы помогли бы глиняные таблички, но они хранили упорное молчание.

Открытия на Крите привлекли широкое внимание. По примеру Шлимана и Эванса археологи начали раскопки на других островах Эгейского моря и в самой материковой Греции. Продолжалось изучение Микен — столицы греков-ахейцев. Ученые установили, что их культура очень близка минойской. Это свидетельствовало о тесных связях Крита и Микен. Не случайно культуру II тысячелетия до нашей эры так и назвали — крито-микенской.

В начале в этом «союзе» ведущую роль играл Крит, но после того, как в 1400 году до н. э. Кносский дворец был разрушен мощным землетрясением, первенство переходит к Микенам.

Дотошные исследователи со временем получили такое обилие материала, что смогли восстановить многие события

той забытой эпохи. Благодаря их настойчивому кропотливому труду мы знаем теперь о возникновении и расцвете Кносского рабовладельческого государства, о его тесных связях с Египтом, Кипром и странами Малой Азии, о широком переселении греческих племен и захвате греками-ахейцами Кносса, о мощном влиянии высокой крито-микенской культуры на весь бассейн Эгейского моря, о ее расцвете и неожиданной гибели.

Значительную помощь ученым оказали, наконец, и глиняные таблички, обнаруженные во многих центрах крито-микенской культуры. Они были нескольких видов. Самые древние — иероглифические — говорят о том, что письменность Крита, возможно, сформировалась под влиянием египетского письма. Критские иероглифы, как и египетские, это настоящие рисунки. Среди них (например, на Фестском диске) наиболее часто встречаются изображения человека, растений, птиц, рыб и т. д.

В процессе дальнейшего развития и совершенствования критское иероглифическое письмо самостоятельно переросло в линейное. Один его вид ученые условно называли линейным письмом А, второй, более поздний, — линейным письмом Б. В Кноссе и в Микенах оно развилось из линейного письма А. Когда язык линейного письма Б удалось расшифровать (предшествовавшие ему письмена, в том числе и Фестский диск, не прочитаны до сих пор!), оказалось, что он — греческий, почти тот же, на котором слагал свои бессмертные поэмы великий Гомер. Это еще раз засвидетельствовало, что Крит действительно был завоеван греками-ахейцами. Взяв очень многое из культуры минойцев, они не забыли и их письма, только несколько видоизменили его, приспособив к особенностям своего языка.

К концу XIII века до нашей эры начинается заметный упадок крито-микенской культуры. А в следующем веке на материковой Греции началось новое мощное переселение народов. Хлынувшие на юг полуострова дорийские (тоже

греческие) племена захватили Южную Грецию и острова, разгромили Микены и Кносс. Ахейцы частью погибли в жестокой борьбе, частью были порабощены или переселились в другие места. Блистательная культура, создававшаяся в течение целого тысячелетия и вошедшая ныне в сокровищницу мировой цивилизации, перестала существовать.

По своему развитию греки-дорийцы стояли гораздо ниже ахейцев. В условиях первобытнообщинного строя они, очевидно, не испытывали большой нужды в письменности, и вскоре она была совершенно забыта. Принимая в начале VIII века до нашей эры письмо финикийцев, они, пожалуй, даже не вспомнили о своем, так печально утраченном.

Через века и страны

Итак, бог Кадм «принес» грекам шестнадцать букв. Это согласно древнегреческому мифу. На самом деле греки переняли у финикийцев не шестнадцать, а все двадцать две буквы. Шестнадцать из них означали согласные звуки, но для передачи греческого языка этого было мало. Пришлось оставшиеся шесть букв, которые у финикийцев тоже означали согласные, переделать в гласные. Об этом заимствовании свидетельствует также тот факт, что сами названия многих греческих букв восточного происхождения. Возьмем слово алфавит. Даже не специалист без особого труда обнаружит в нем альфу и бету финикийцев (бета — в более позднем византийском произношении — вита). А знающие историю исчезнувших гиксосов снова встретятся с их знаменитым быком-алефом и домом-бетом.

Как и финикийцы, греки тоже писали сначала справа налево. Но это было неудобно, и они попробовали писать по-другому — попеременно: первую строку справа налево, вторую — слева направо. В VI—V веках до нашей эры по-

бедило единое написание — слева направо. Оно существует и сегодня.

Греки вели оживленную морскую торговлю и вскоре тоже стали обзаводиться колониями. Через греческих колонистов, обосновавшихся на побережье Апеннинского полуострова, с греческим письмом познакомились местные народы. На западгреческой основе здесь сформировалось латинское письмо, ставшее на многие века единственным для стран Западной Европы. Давно уже нет народа, когда-то говорившего на этом языке, но сам язык жив до сих пор: его изучают в университетах, на нем пишут научные трактаты, на нем у постели больного говорят врачи...

Как греческое письмо явилось когда-то основой для создания латинского, так латинское, в свою очередь, легло в основу письменности многих народов земного шара. Специалисты считают, что первые письменные памятники на немецком, английском и ирландском языках появились в VIII веке, на французском — в IX, на испанском, португальском и норвежском — в XII, на итальянском, датском, шведском, венгерском, чешском — в XIII веке. В настоящее время около 30 процентов населения земли пользуется письменностью, впитавшей в себя эту воистину бессмертную латынь.

Распространялась греческая письменность и по другим направлениям. Так, на восточнгреческой основе возникает письменность коптов, а затем и византийская. Византийское письмо, в свою очередь, оказало благотворное влияние на письменность готов, славян, армян, грузин...

Да, далеко-далеко за пределы Финикии распространилось влияние буквенного финикийского письма. Как это влияние развивалось на западе, нам теперь в общем уже ясно. Но ничуть не меньшим было оно и на Востоке, в странах Азии. В IX—VIII веках до нашей эры на основе финикийского письма возникает арамейская письменность,

сыгравшая для народов Востока примерно такую же роль, как греческая для народов Европы.

Арамейское письмо, наряду с клинописью, стало государственной письменностью Ассирии, Ново-Вавилонского царства и «мировой» древнеперсидской державы Ахеменидов.

В древней Парфии на базе арамейского письма образовалось персидско-арамейское, в свою очередь ставшее основой пехлевийского, авестийского, согдийского, уйгурского, маньчжурского, монгольского, айратского, бурятского, хорезмийского, орхонского и других.

Еще и сегодня 10 процентов населения мира пользуются письменностью, возникшей на рубеже III—IV веков нашей эры у арабов. Узорчатое, витиеватое арабское письмо сформировалось на основе набатейского, а то, как известно, являлось вариантом все того же арамейского. Арамейское же прямо восходит к финикийскому...

Создание алфавитного письма оказало решительное влияние на всю общественную и культурную жизнь народов. До сих пор мы искренне восхищаемся богатой и высоко развитой культурой античности, из которой выросло многое из того, чем мы обладаем сегодня. Свободные граждане рабовладельческого античного общества и даже многие рабы знали грамоту, занимались науками, любили литературу, театр, музыку. Непременной частью общественной жизни и быта стала книга. Книг было очень много — художественная проза, поэзия, драматургия, научные сочинения по истории, географии, математике, астрономии, строительству, сельскому хозяйству, учебники по грамматике, ораторскому искусству, музыке, различные справочники, словари и т. д.

Античная книга — это прежде всего свитки из папируса, который в Грецию и Рим доставляли из Египта. Это, конечно, совсем не означает, что не делалось попыток использовать и другой материал для письма: кожу, медные и свин-

цовые пластины, деревянные дощечки, камень. Деревянные дощечки с текстами назывались библ и я м и: от греческого слова «библос» — «древесина». Отсюда и все современные слова с этим корнем — библиотека, библиофил, библиография и др.

И все-таки самое широкое распространение получили папирусные свитки. Со временем их стали делать не очень длинными, а делили переписываемое произведение примерно на равные части. Каждый такой небольшой свиток, удобный для чтения, называли т о м о м, от слова «томэ», что значило — разрезать на полосы. Каждый том или все тома одного произведения помещались, как и в египетских библиотеках, в цилиндрические футляры — капсулы. Чтобы нужную книгу можно было без труда найти на книжных полках, к футлярам прикреплялась специальная дощечка с названием произведения — индекс (указатель). То же самое писалось на обороте свитка. Эта надпись получила название т и т у л. Так и сегодня он — первая страница любой книги.

В античном обществе книгу любили и почитали. «Дом, в котором нет книги, — говорил Цицерон, — подобен телу, лишенному души». Изготовление и продажа книг были прибыльным делом, поэтому богатые рабовладельцы и предприимчивые люди организовывали мастерские, где с утра до ночи под диктовку тщеца переписывались наиболее популярные сочинения. Среди писцов наряду с вольнонаемными свободными людьми были и специально обученные рабы, чей труд совершенно не оплачивался. Готовые копии тщательно сверяли с оригиналом, исправляли замеченные ошибки. После этого свитки поступали в книжные лавки, которые, как правило, находились при мастерских, на самых людных улицах города.

Жестокая эксплуатация рабов-изготовителей папируса и писцов позволяла продавать книги по сравнительно невысоким ценам, доступным многим. А. А. Говоров, автор

«Истории книжной торговли», приводит такие примеры: свиток с сочинениями философа Анаксагора в Афинах стоил одну драхму (20 копеек на наши деньги), стихи известного поэта Марциала — 5 динариев (90 копеек). Но зато редкие книги могли цениться во много раз дороже. Так, свитки с «Энеидой» Вергилия продавались за 500 драхм. Правда, они имели автограф великого поэта, что, безусловно, значительно увеличивало их ценность.

Книги переписывались тиражами по 100, 200, а иногда и 500 экземпляров. В обращении, в библиотеках, в частных собраниях находились десятки тысяч томов. Об этом свидетельствует хотя бы такой факт: в I веке до нашей эры римский полководец (а затем — диктатор) Корнелий Сулла взял Афины и в числе других трофеев вывез в Рим 30 тысяч свитков. Право же, для того времени количество немалое!

Блестящая рабовладельческая культура Западной Римской империи рухнула под ударами варваров. Под пылающими руинами городов, дворцов, храмов погибли и сотни тысяч бесценных свитков. То, что дошло до нас, — лишь жалкие осколки, основное утрачено навсегда.

На смену высокоразвитой цивилизации пришли века всеобщего запустения и дикости. Не стало школ, ученых, даже просто грамотных людей. Искры книжного искусства еле теплились в некоторых монастырях. Причем книга носила чисто церковный характер, все «языческое», нехристианское жестоко преследовалось и уничтожалось.

Победившее христианство утверждает свою власть также самыми дикими варварскими методами. Достаточно вспомнить, как по воле епископа Феофила в 391 году сожгли знаменитую Александрийскую библиотеку со всеми ее сокровищами. По указу римских пап разыскивались и уничтожались все книги, кроме богослужебных. Для борьбы с малейшими проявлениями вольнодумства учредили инк-

визицию. На смрадных кострах мракобесия сгорали не только книги, но и их создатели.

Высокая культура книжного дела в это время сохранилась и получила дальнейшее развитие в восточной части бывшей Римской империи — Византии, в арабских странах и в Средней Азии. Здесь не только бережно хранились и переписывались старые, античные произведения, но и создавались новые. Обширные библиотеки Константинополя, Каира, Багдада, Кордовы, Бухары, Самарканда получили известность далеко за пределами своих стран. Во многих культурных центрах Востока существовали крупные книжные мастерские. Однако и здесь книга надолго подпала под власть религии, что не могло не сказаться на ее характере и судьбе.

Великие славянские просветители

Очень интересно было проследить, как возникла письменность, как она развивалась, совершенствовалась, становясь чудесным достоянием все новых и новых народов нашей планеты.

А разве не интересно узнать, как появились те буквы, то письмо, которые необходимы в твоей жизни ежедневно, ежеминутно и которым до тебя пользовались сотни поколений русских людей?

Когда, откуда и как оно возникло? Кто стоял у его истоков?

Вопросы эти давно волнуют ученых, и благодаря им мы многое (но не все, к сожалению) знаем сегодня из истории нашей письменности.

Знаем прежде всего, что славянское письмо возникло на основе восточногреческой, византийской письменности. В силу того, что произошло это сравнительно недавно и нашло довольно подробное отражение в письменных источ-

никах, оно обошлось без легенд и вмешательства мудрых божественных сил. Нет, не боги создали для древних славян письменность! Главное заключалось в том, что славянские племена издавна находились в самых тесных отношениях с их южным соседом — высокоразвитой, все еще процветающей и могущественной Византийской империей. Они десятками и сотнями тысяч селились на ее территории, вели с ней оживленную торговлю, не боялись вступать в военные конфликты.

Заимствуя многое из византийской культуры, славяне, надо полагать, постепенно приобщались также к ее письменности и системе счета, буквенной в своей основе (так называемая «буквенная цифирь»). То, что русские торговые люди пользовались византийской цифровой системой еще до принятия Русью христианства, позволяют предполагать находки в Белой Веже и Тмутаракани. Закрепляя отношения с Византией тем или иным договором, русские князья, согласно летописи, их «своими печатями запечатаном». А печати, как известно, бывают с текстами.

Интересно сообщение болгарского писателя конца IX—начала X века Черноризца Храбра. В своем «Сказании о письменах» он говорит, что еще до принятия христианства от Византии язычники-славяне пользовались письменными знаками типа «черт и резов». Что представляли собой эти знаки, установить пока никому не удалось. Очевидно, это были оригинальные архаические зачатки славянской письменности, затем навсегда забытые.

Об этом времени ученые много и не без оснований спорят друг с другом. Но в одном они единодушны: в том, что история славянской письменности и книжного дела начинается с деятельности известных просветителей IX века братьев Кирилла (до принятия монашества — Константи́на) и Мефодия.

Имена знакомые и дорогие для каждого из нас еще со школьной скамьи. Да, еще там, в школе, узнаем мы, что

именно они — Кирилл и Мефодий — составили первую славянскую азбуку и перевели на славянский язык первые богослужебные книги, за что православная церковь причислила братьев к лику святых.

Все верно, но до чего же мало! Подвиг целой жизни, вернее, даже двух жизней — и обо всем этом всего несколько общих незапоминающихся строк. А хочется знать больше: где они родились и выросли, эти мудрые братья, в каких условиях жили, чем занимались, почему именно им выпало стать основоположниками славянской письменности?

Вопросов много, и на некоторые можно ответить.

...Будущие славянские просветители родились в городе Фессалоника (Солунь) в семье знатного византийца-военачальника: Мефодий — в 820 году, а Кирилл — около 827 года.

Отец братьев, по преданию, был болгарин, а мать гречанкой. Если это действительно так, то уже одно это в какой-то мере объясняет нам тот интерес и ту подвижническую преданность делу славянского просвещения, которые так характерны для обоих братьев.

Старший брат — Мефодий — вначале пошел по стопам отца и поступил на военную службу. Десять лет он был управителем одной из областей страны со славянским населением, где мог также в совершенстве овладеть славянским языком. Оставив военную и административную службу, Мефодий неожиданно удаляется в монастырь.

Еще более ярко начиналась жизнь Кирилла. С детских лет он обучался при дворе императора Михаила III. Здесь под руководством опытных учителей и наставников он быстро овладевает всеми тогдашними науками, а также многими языками, в том числе латинским, славянским, арабским и еврейским.

Перед талантливым молодым человеком открывалась блестящая карьера, но всем заманчивым предложениям он

предпочел скромную и незаметную должность патриаршего библиотекаря. В тишине богатейших книгохранилищ продолжалось самообразование молодого ученого. Вероятно, с этой же целью он ненадолго удалился в монастырь. Вернувшись оттуда, Кирилл стал преподавателем философии и активным участником различных религиозно-политических диспутов. Известны его поездки в Болгарию, Сирию, Хазарию. В Сирии он принимает участие в остром философско-богословском диспуте с арабами и выходит победителем. Возможно, именно после этого за ним закрепляется уважительное прозвище Философ.

Поездка Кирилла-Философа в Хазарию «подарила» ученым одну весьма занятую загадку. Над разгадкой ее они безуспешно бьются и по сей день. По словам «жития» Кирилла, по пути к хазарам он посетил древний греческий город Херсонес, где якобы видел Евангелие и псалтырь «роуськими письмены писано».

Что это за «русские письмена» в 860 году, задолго до принятия на Руси христианства? Неужто это все те же «черты и резы», о которых глухо сообщают скудные древние источники? Конечно, это маловероятно. Но как же тогда понять эту фразу? Думайте, ученые, думайте! И спорьте: ведь известно, что истина рождается в спорах...

В 863 году оба брата были срочно приглашены ко двору. По распоряжению императора им поручалось отправиться в славянскую Моравию для проповеди христианства на славянском языке.

Легко сказать — отправляйтесь и проповедуйте! А как проповедовать, если все книги — на греческом? Срочно перевести? Можно было бы, конечно, это сделать, если бы у славян было свое письмо.

Трудно представить через тысячу с лишним лет, с каким чувством восприняли братья это нелегкое императорское поручение. История оставила нам только сам факт: в 863 году Кирилл-Философ создал первую славянскую аз-

буку и вместе с братом Мефодием впервые перевел на славянский язык несколько богослужебных книг. Ныне этот год не без основания считается началом славянского письма и книжного дела.

Славянский язык того времени мы сегодня называем старославянским. По словам ученых, он имел богатую лексику, обладал разветвленной системой словообразовательных средств и был вполне готов к тому, чтобы успешно выполнять роль литературного, книжного языка. Значительное благотворное влияние затем оказал на него греческий язык. А. С. Пушкин писал о том, что судьба старославянского языка «была чрезвычайно счастлива... древний греческий язык вдруг открыл ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя, таким образом, от медленных усовершенствований времени. Сам по себе звучный и выразительный, отседе заемлет он гибкость и правильность». Безусловно, богатство и высокая развитость языка объективно способствовали успеху первых переводчиков.

С небольшим запасом переведенных на славянский язык богослужебных книг Кирилл и Мефодий отправились в Великоморавское княжество. Оно в то время вело трудную борьбу с давлением немецких феодалов и с засилием чуждого народу немецко-католического духовенства. Здесь надо пояснить, что немецкие князья и римская церковь не только посягали на государственную самостоятельность славянских народов, но и стремились подавить у них самое национальное самосознание, самобытную национальную культуру и язык. Поэтому борьба с этим засилием была борьбой политической, которая лишь носила характерную для своей эпохи религиозную форму.

К приходу братьев католическое духовенство уже довольно прочно обосновалось в Моравии, «божьим словом», хитростью, а где и мечом открывая дорогу немецкому вли-

янию и ненасытной жадности немецких князей-феодалов.

Видя растущую угрозу своему государству, великоморавский князь Ростислав вынужден был обратиться за помощью к императору Византии. Именно по его просьбе и прибыли сюда Кирилл и Мефодий. Приняли их на княжеском дворе с большим почетом. С еще большей радостью и восторгом встретило их население княжества, впервые услышавшее родное славянское слово вместо непонятной и холодной латыни.

Немецко-католические священники быстро растеряли свою паству, церкви их пустели. Это грозило полным поражением их далеко идущим целям, примириться с чем ни они, ни их покровители не хотели. С помощью короля Людовика Немецкого они свергли Ростислава, а Кирилла и Мефодия изгнали из государства.

Покинув пределы Великоморавского княжества, братья продолжили свое дело в соседней славянской Паннонии, преданно служа своей гуманной идее — распространению славянской грамоты. Слава о них дошла до самого папы римского. По его вызову они отправились в Рим. Там Кирилл-Философ неожиданно умер, а Мефодий, добившись специального послания папы с разрешением распространять славянские книги и вести богослужение на славянском языке, вернулся к своему делу. Но в Паннонии его благородная деятельность длилась недолго. Захватив Моравию, немцы стали прибирать к своим рукам и это славянское княжество.

По приговору немецких епископов Мефодия и его учеников бросили в тюрьму. И это несмотря на специальное послание и разрешение папы!

Невзирая на временные неудачи, борьба против немецкого засилия не прекращалась. Вскоре Моравия сбрасывает с себя немецко-католическое господство, и освобожденный из темницы Мефодий вновь получает возможность продолжить свою просветительскую деятельность. Причем те-

перь уже не только в Моравии, но и в соседних Чехии и Польше.

Однако наступление немецких феодалов и церковников на славянские народы продолжалось. С особой яростью они обрушивались на их язык и культуру. Ученики Мефодия изгонялись из захваченных земель, а славянские книги сжигались на кострах. В 885 году измученный непрестанной борьбой Мефодий умирает, оставив о себе бессмертную память в благодарных сердцах славянских народов.

В X веке центром распространения славянской письменности и книги становится Болгария. Дело, которому отдали столько сил Кирилл и Мефодий, получает здесь небывалый расцвет. Именно отсюда славянская грамота и славянская книга приходят на Русскую землю, которая бережно, через многочисленные испытания и невзгоды донесет их до наших времен...

Путь длиной в три с половиной тысячи лет

Среди множества публикаций по истории письменности и книги, с которыми мне удалось познакомиться, самое яркое впечатление оставила, пожалуй, небольшая, но чрезвычайно доходчивая и занимательная книга М. Ильина «Черным по белому». Изданная несколько десятилетий назад, она и сегодня не потеряла своей научно-познавательной ценности, жаль только, что ни на библиотечной полке, ни на прилавке книжного магазина ее не встретишь.

Особенно запомнилась из этой книги глава «Путешествие букв». Примеры «путешествий» букв (вместе с письменностью, разумеется) с континента на континент, из страны в страну очень интересны. Касаясь вопроса распространения и совершенствования алфавитного письма, с таким трудом созданного человечеством, я, как и другие авторы, прежде всего опираюсь на них.

Письменность не оставалась чем-то навечно застывшим, раз и навсегда данным. Каждый народ приспособлял ее к своему языку, к его особенностям и традициям. При этом количество букв могло увеличиться или уменьшиться, одни буквы приходилось изобретать самим, от других — отказываться, либо переделывать их.

Путешествуя во времени и пространстве, буквы заметно меняли и свой внешний облик: ложились на бок, поворачивались справа налево и слева направо, даже вставляли на голову. Начиная свое долгое путешествие рисунком-иероглифом, многие из них изменились так, что уловить связь между ними может только специалист.

Начальная буква алфавита — А. Мы уже знаем, что самым первым ее изображением была голова быка-алефа, взятая из египетских иероглифических знаков.

Вот как она выглядела у египтян

Такой стала у гиксосов

у финикийцев

у греков

у славян

Вот как она выглядит
в современном русском алфавите

Посмотрим, что же произошло за три с половиной тысячи лет «путешествий». Если у египтян голова быка вполне реалистичная, то у гиксосов это уже символ. Еще дальше от «оригинала» ушли финикийцы: эти вряд ли помнили, откуда «пошла» эта буква, и положили ее на бок, резко

спрямив все линии. Греки еще более упростили беднягу «алефа» и повернули его слева направо. Славяне несколько скруглили углы и повернули букву справа налево. Ну а сегодняшняя А больше похожа на финикийскую: наши предки перевернули ее с «бока» и поставили «на рога». Переверните современную прописную букву А. Зная ее историю, вы и сегодня найдете некоторое сходство с головой древнего алефа:

Еще пример. Были в числе других древнеегипетских иероглифов рисунки, изображающие человека, словно в удивлении поднявшего над головой руки. Давайте проследим судьбу одного из таких «удивленных».

Вот как он выглядел у египтян

Так его «упростили» гиксосы

Таким его сделали финикийцы

В таком виде он вошел в древнегреческий алфавит

Таким он стал у славян

Так он выглядит в современном алфавите.

Из египетского иероглифа взято самое существенное: плечи, вскинутые вверх руки и голова. В конце концов они превратятся в черточки, будут поворачиваться и так, и этак, но все равно их будет только три — две руки и голова между ними.

Точно так из «ветки пальмы» образовалась буква К, из «змеи» — буква Н, из «головы» — буква Р, из «веревки» — буква Л и т. д.

И такой непростой путь проделали все наши буквы. Скажи иному грамотею — не поверит!..

Через моря и страны, через века и тысячелетия — таков победный путь гениального изобретения финикийских писцов. Правда, до них создали свою блестящую письменную культуру древние египтяне и шумеро-аккадцы. А задолго до этого чья-то грубая рука подняла комок красной глины и нарисовала на скале косулю...

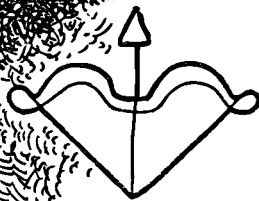
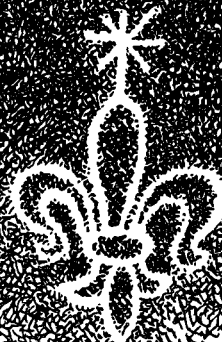
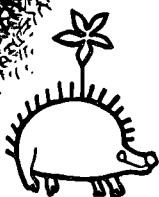
鄭康成

КРОМЕ ГЛИНЫ И ПАПИРУСА

Загадочные печати Харappy и пальмовые книги древней Индии. Костяные, деревянные и шелковые книги древних китайцев. Книги из кожи. Восковые книги. Карты... сплетенные из прутьев. Берестяные грамоты древнего Новгорода. Рождение бумаги.

6

Загадочные печати Харалпы и пальмовые книги Древней Индии

По-разному в различных частях земли приходили народы к изобретению письма и книги. И «писчий материал», которым они пользовались, тоже был у всех свой. Так, египтяне издревле облюбовали для себя камень и папирус, жители Месопотамии и всей Передней Азии — глиняные таблички. На камне и глине оставили свой первый письменный след и писцы Древней Индии.

История Индии древнейших времен стала достоянием науки недавно. В 1921 году индийский археолог Р. Санхи начал раскопки в Западном Пенджабе у Харалпы. Находки превзошли всякие ожидания и оказались столь важными, что в корне меняли прежние представления о далеком прошлом долины Инда. Достаточно сказать, что в числе этих «находок» были развалины огромного города с мощными оборонительными сооружениями, большие постройки, сложенные из обожженного кирпича, и множество каменных печатей с текстами, выполненными неизвестным письмом, возможно пиктографического характера.

Неожиданный успех окрылил ученых. Исследования, проводившиеся на огромной территории северо-западного Индостана, давали все новый и новый материал, однако самая большая удача была еще впереди. Она выпала на долю другого индийского археолога Р. Д. Банерджи, раскопавшего город Мохенджо Даро.

Мохенджо Даро на языке синдхи означает Холм Мертвых. Это сейчас он мертвый, а четыре тысячи лет тому на-

зад здесь кипела и бурлила жизнь большого по тем временам населенного места.

Сам город расположен на площади два с половиной квадратных километра. Он имел четкую планировку, дома преимущественно в два-три этажа, канализацию, мощную цитадель. Здесь могло жить сто и даже более тысяч человек.

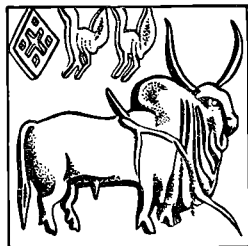
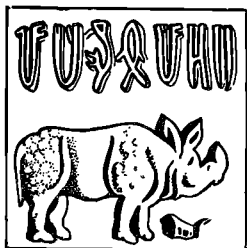
Таких городов, как Хараппа и Мохенджо Даро, правда, значительно уступавших им, было много. В них процветали ремесла и торговля, выращивали пшеницу, ячмень, горох, дыни, бананы, разводили буйволов, овец, свиней, жители их знали верблюдов, слонов, лошадей.

Культура, получившая название Хараппской, или Индской, охватывала территорию, превосходившую уже известные нам цивилизации Двуречья и Египта, вместе взятые. И по своему уровню она также не уступала им, а в иных случаях была и выше.

Культура Хараппы — это прежде всего городская культура. Для нее характерно высокое развитие ремесел и прикладного искусства. Древние мастера долины Инда умели изготавливать различные бронзовые изделия, оружие, ожерелья, браслеты, кольца, серьги и другие украшения для женщин, хлопчатобумажные ткани, прекрасные гончарные изделия, статуэтки.

Купцы долины Инда были и опытными мореплавателями. Парусные корабли их смело бороздили воды Индийского океана, достигали Месопотамии и, возможно, восточной Африки. Во многих городах шумеро-аккадского Двуречья археологи до сих пор находят хараппские печати.

Ох, эти загадочные печати! До сих пор ученые не могут понять их подлинного назначения. Попыток расшифровать их тексты было сделано немало, но ни одна из них пока не увенчалась успехом. Не известно даже, на каком языке говорили авторы этих надписей. Вот как выглядели некоторые из них:

Хараппские печати.

Все таблички четырехугольной формы. Поражают удивительно реалистические изображения на них животных — буйволов, носорогов, яков, быков, слонов, крокодилов, львов, тигров. Часто встречаются изображения кораблей с мачтами. И на каждой табличке — знаки.

Советские ученые Г. М. Бонгард-Левин и Г. Ф. Ильин, авторы фундаментального исследования «Древняя Индия», пишут: «Одной из характернейших черт Индской цивилизации и показателем ее высокого культурного развития является существование письменности, к сожалению, до сих пор еще не расшифрованной. Найдено более тысячи печатей с надписями, включающими почти 400 различных знаков. Надписи наносились не только на особые печати... но и на керамику, медные пластины и т. д. Многие печати просверлены, что позволяет рассматривать их либо как амулеты, либо как своего рода расписки и метки, которые могли прикрепляться к товарам. Все это говорит о широком развитии грамотности в эпоху Индской цивилизации... Жители Хараппы писали горизонтальными строками. Надписи имеют преимущественно рисуночный характер, однако изучение письма позволило ученым прийти к выводу, что наряду с идеограммами оно имеет и ряд фонетических знаков. Среди знаков привлекают внимание черточки, которые ученые

справедливо считают цифрами. Надписи, как правило, короткие, в основном текст содержит от одного до восьми знаков... Жители долины Инда писали справа налево. К этому выводу пришли и советские ученые, исследовавшие protoиндийские тексты».

Цивилизация Хараппы просуществовала примерно с 2400 по 1700 год до нашей эры. Исчезновение ее неожиданно и непонятно. Бытует мнение, что жители покинули города после гигантского наводнения. Пять раз разливавшийся Инд затоплял Мохенджо Даро, и пять раз город возрождался вновь. В конце концов люди устали воевать с капризами природы и оставили его навсегда.

Самое досадное то, что с исчезновением культуры Хараппы исчезает и письменность. «Во всяком случае, — отмечают ученые, — между письменностью Хараппы и самыми ранними надписями царя Ашоки (III век до н. э.) пока не установлено связующих звеньев».

Новая письменность в Индии возникла лишь более тысячи лет спустя — во второй половине I тысячелетия до нашей эры на основе арамейского (происшедшего от финикийского!) письма. В эпоху маурьев письменность получила уже широкое распространение. Безусловно, она самым решительным образом повлияла на все стороны хозяйственной и культурной жизни страны, способствуя тем великим достижениям древних индийцев в области строительного дела, математики, астрономии, медицины, языкознания, литературы, которые прочно вошли в сокровищницу мировой культуры.

«Писчим материалом» древним индийцам служили камень, на котором высекались законы и указания царей, листья пальмы, медные пластины, хлопчатобумажные ткани. Самыми дешевыми и едва ли не общедоступными были, конечно, книги из пальмовых листьев. О технике их изготовления рассказывают Е. Л. Немировский и Б. С. Горбачевский: «В Древней Индии писали на пальмовых листьях.

Листья высушивали и нарезали длинными и узкими пластинами. Поверхность листьев хорошо воспринимала тушь. Отдельные страницы пальмовой книги прошнуровывали бечевкой, концы которой прикрепляли к переплету — хорошо оструганным деревянным дощечкам. Поверхность дощечек иногда покрывали тонкими серебряными пластинами с затейливой узорной резьбой».

Костяные, деревянные и шелковые книги древних китайцев

Самостоятельно создали свою письменность древние китайцы. «Писчим материалом» они избрали для себя кости животных и черепахи щитки. Самые первые из них были найдены в 1899 году на месте бывшей иньской столицы — вблизи города Аньяна в провинции Хэнань.

Сейчас в коллекции первых памятников письменной культуры древнего Китая более 100 тысяч таких щитков и костей с надписями, получивших название «гадательных». Ученые датируют их XIII—XI веками до нашей эры, однако известно, что уже в XV веке до нашей эры у них существовало довольно развитое письмо.

Китайское письмо иероглифическое. Каждый знак обозначает целое слово или понятие. Вот как выглядели некоторые из них:

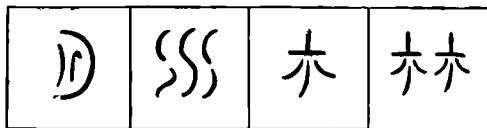
солнце

лошадь

огонь

гора

козел

луна

водопад

дерево

лес

Иероглифов в древнем Китае существовало очень много. Уже в надписях иньской эпохи ученые выделили 3 тысячи иероглифов, из которых дешифрована всего лишь одна тысяча. С развитием письменной речи и культуры вообще количество их росло. Так, если в III веке до нашей эры иероглифов было 3300, то, согласно словарю I—II веков нашей эры, количество их в то время превысило 10 тысяч знаков, а в III веке — 18 тысяч.

В основе каждого иероглифа лежал конкретный рисунок. Со временем он упрощался, превращаясь в символы, и сегодня уже почти невозможно определить, «откуда пошел» тот или иной знак.

В древности китайские писцы приспособились писать также на деревянных и бамбуковых планках, дощечках. Делали это лаком, заостренной палочкой. Связки таких планок или дощечек представляли собой своеобразные книги.

В III веке до нашей эры в качестве материала для письма стал использоваться шелк. Изображать что-либо на шелке палочкой неудобно, пришлось изобрести волосяную кисть. Лак заменили тушью и графитом. Но шелковые книги-свитки были очень дорогими, пользоваться ими могли только богатые — вельможи и крупные чиновники.

Широкую известность получили книги из пергамента — специально выделанной кожи телят и ягнят. Родиной его считается город Пергам.

По своим качествам пергамент значительно превосходил папирус, пальмовые листья и другой писчий материал древности. Во-первых, он был гораздо прочнее и поэтому долговечнее. Во-вторых, на нем для письма использовали обе стороны. В-третьих, из него можно было изготовить не только свиток, но и отдельные листы, которые складывали вдвое и сшивали вместе. Четыре таких сложенных листа составляли тетрадь, что в переводе с греческого означает «четверка». Отдельные тетради также сшивались вместе, образуя блок. Вставьте его в переплет, и вы получите самую настоящую книгу!

Древние римляне называли блоки кодексами. Первые кодексы, по утверждению специалистов, появились в I веке новой эры. Однако, кто их изобретатель, кому мы должны быть благодарны за столь совершенную форму книги, нам, к сожалению, неизвестно. Скорее всего образцом для них стали древние пальмовые книги Индии и Цейлона. Или восковые книги Древнего Рима.

Сначала эти книги были очень большого формата. Затем для удобства пергаментные листы стали складывать не вдвое, а в 4, 8, 16 и т. д. раз. Так получались книги различных форматов: в 4-ю, 8-ю, 16-ю, 32-ю, 64-ю и т. д. доли листа.

Возьмите любую современную книгу и загляните в ее выходные данные. Здесь вы непременно встретите сведения о формате листа и его доле. Вот яркая детская книга. Лист, из которого «сложилась» каждая ее тетрадь, имел в ширину 70, а в длину 90 сантиметров. Книга большая по формату — она отпечатана в одну восьмую долю листа. Вот школьный учебник. Его формат 60×90 сантиметров,

в одну шестнадцатую. Вот небольшая книга стихов: формат бумажного листа тот же, а вот доля еще меньше — одна тридцать вторая...

Папирусные свитки и пергаментные книги долгое время существовали одновременно, как бы взаимно дополняли друг друга. Так было и у древних греков, и у римлян. С прекращением производства папируса в Египте единственным писчим материалом во всей Передней Азии, Средиземноморье, а затем и в Европе остался пергамент. Его постоянно не хватало, и чем дальше, тем все больше и больше. В конце концов дело дошло до того, что средневековые христианские монахи стали выскабливать в древних «языческих» пергаментных книгах произведения великих творцов античности и на освобожденной таким образом «площади» писать свои проповеди и «жития святых». Так погибли многие бесценные сочинения древних историков, философов, писателей. Надо ли говорить, какая это утрата для мировой культуры!..

Пергамент был дорог, редок, и это являлось серьезной помехой для его широкого использования. Известны случаи применения в качестве писчего материала тонких медных и свинцовых пластин, но и они вряд ли обходились дешево. Свинцовых пластин с древнегреческими текстами до сих пор обнаружено всего пять. Интересно, однако слишком мало!

Восковые книги

Гораздо дешевле и доступнее были книги из воска. Да, да, из воска! Изобрели их еще во времена древних римлян. По своему виду они очень похожи на обычные, современные, только «листы» были деревянными: у простолюдинов — из простых пород, у состоятельных — из красного дерева, у богатых — из слоновой кости. «Страницы»

в середине выстругивались, а образовавшееся углубление заливали воском.

По воску писали стилем — металлической палочкой, один конец которой был заострен, а другой выкован в виде лопаточки. Острым концом писали, а лопаточкой заглаживали воск, когда писец допускал ошибку и исправлял написанное.

Древние римляне, большие ценители изящного и сильного слога, любили говорить: «Почаще поворачивай стиль!» Говорили они это тем, кто плохо владел стилем повествования, и звучало это как совет: упорнее оттачивай слог, почаще исправляй написанное, совершенствуй свое литературное мастерство.

Восковые книги широко использовались в школах при обучении письму. В этом качестве они были известны и в Древней Руси.

При раскопках древнего Новгорода, например, археологи часто (а в Неревском раскопе — на всех усадьбах!) находили деревянные дощечки, одна сторона которых была покрыта воском, а на другой — вырезаны все буквы алфавита.

В Европе восковыми табличками и книгами пользовались вплоть до конца XVIII века, но сохранилось их очень мало. Больше всего их обнаружили при раскопках Помпей в доме банкира Цецилия Юкунда. Не случись трагического извержения вулкана, не дошли бы до наших дней, пожалуй, и они.

Карты... сплетенные из прутьев

Древние писцы приспособливали для своего дела все, что было у них под рукой, особенно в быту.

У народов древней Полинезии, известных современной науке своими смелыми морскими путешествиями, не было

письменности. Но без надежных навигационных карт им было не обойтись. И они создали их! Правда, не на папирусе, не на пергаменте, не на деревянных дощечках и даже не на листьях пальм. И вообще, они не чертили и не рисовали эти свои карты: они плели их из прутьев!

Вот что пишут по этому поводу советские историки С. Арутюнов и Ю. Фельчуков: «Долгое время за аксиому принималось мнение, что моря и океаны—особенно океаны—разъединяли народы. Эта точка зрения основывалась на том, что у наших предков якобы не было достаточно надежных средств для дальних путешествий по воде. Беспочвенность этих утверждений сейчас убедительно доказана. Например, военные суда жителей острова Таити могли брать на борт до трехсот человек. И только европейские парусники нового времени превзошли их по мореходным качествам.

Для полинезийцев почти весь Тихий океан был хорошо изученным «морем». Причем во время этих плаваний полинезийцы пользовались самыми настоящими навигационными картами. Правда, в отличие от нынешних эти карты не были начерчены на бумаге—они были сплетены из прутьев. Для непосвященного они могли сойти за детскую игрушку или забавную головоломку. Однако штурманы древности прекрасно разбирались в них, хорошо понимая, какие прутьики указывают направления морских течений, какие—господствующие ветры, какой камешек в перелетении ветвей соответствует определенному острову, а какой—материковому побережью. С расширением зоны морских путешествий в эти карты вплетались все новые прутьики, а камешков—вновь открытых земель—становилось все больше и больше...»

Берестяные грамоты древнего Новгорода

Совсем недавно нам стало известно о том, что жители древнего Новгорода широко использовали в качестве писчего материала кору березы — бересту. В это время Киевская Русь уже хорошо знала рукописные пергаментные книги, но пергамент был очень дорог, его не хватало даже для переписки богослужебных книг, тем более для личной бытовой переписки и ученических упражнений. А именно этим целям в первую очередь и служила новгородская береста.

Археологи, ведущие раскопки древнего Новгорода, хорошо помнят день 26 июля 1951 года, когда они нашли первую берестяную грамоту. Это была сенсация. На следующий день сенсация повторилась: были обнаружены еще вторая, третья, четвертая, пятая... Сейчас в распоряжении ученых их уже многие сотни. И не только из Новгорода, но и из некоторых других старорусских городов.

Почему именно бересту выбрали новгородцы для своих грамот, вполне понятно: в окрестных лесах ее было много, а писать на ней одно удовольствие — что по белому заморскому пергаменту! Только пергамент и кусочка простому горожанину не достать, а береза — всегда под рукой и безо всякой цены.

Однако для письма выбиралась не любая береста, а только самые нижние, чистые и тонкие слои ее. Из сохранившихся кусков аккуратно вырезались молочно-белые листы. Они, по-видимому, специально обрабатывались и становились еще крепче и эластичнее. Писали на бересте — вернее, процарапывали, прорезали буквы — остро отточенным металлическим или костяным стерженьком.

Очень широк круг авторов новгородских грамот. Это и знатные феодалы, и купцы, и городские ремесленники, и крестьяне, и служилые люди, и обучающиеся грамоте ученики. Скромные берестяные листы через многие века до-

несли до нас живую речь народа, его жизнь, быт, отношения.

С интересом разглядываю грамоты и рисунки новгородского мальчика Онфима, добытые археологами из слоя начала XIII века. Вот его ученические упражнения — сначала написаны все буквы в алфавитном порядке, затем слоги с этими буквами... В рисунках привлекают внимание батальные сцены: идущие навстречу друг другу рати, тучи стрел, осыпающие строгие ряды воинов. А вот скачущий на коне всадник. У ног коня пронзенный его копьем лежит поверженный противник.

Да, не только об овладении грамотой мечтал новгородский мальчик Онфим, но и о славе защитника новгородской, русской земли. Кем стал он, этот юный грамотей и художник? Судя по всему, он был современником отважного князя Александра Ярославича Невского, одно это говорит уже о многом...

Рождение бумаги

Ни деревянные планки, ни листья, ни шкуры зверей, ни ткани, ни береста, ни папирус не были, конечно, тем писчим материалом, который отвечал бы всем необходимым требованиям. Некоторые из них были дешевы, общедоступны, и этим почти полностью исчерпывались все их преимущества. О камне и металле говорить не приходится. Пергамент же, как известно, был слишком дорог: для изготовления небольшого тиража одной книги нужно было забить целое стадо телят или ягнят. А книг требовались тысячи. Многие тысячи!

Человек придумал книгу, придумал и материал для нее. Им стала бумага. Изобретателем бумаги был крупный ханьский чиновник Цай Лунь. Впрочем, существует легенда, которая приписывает это великое изобретение другому

человеку. Имени его она не сохранила, потому что это был раб из Восточного Туркестана. Китайский император приказал якобы строго хранить в тайне изобретение, а его самого предать почетной смерти.

Способ изготовления бумаги был очень прост. Исходное сырье — древесную кору, тряпье, бамбуковую щепу — бросали в каменную ступу и тщательно растирали с водой, пока из всего этого не образовывалась определенной густоты каша. Затем ее ровным слоем расстилали в заранее приготовленные формы — рамы с дном, сплетенным из тонких шелковых нитей, — наподобие сит для просеивания муки.

Раму держали за края, равномерно потряхивая. При этом волокна, оставшиеся от растертой древесины или тряпок, перемешивались, образуя ровный слой, а вода стекала на землю. Дальше оставалось извлечь еще мокрый и рыхлый лист из формы, основательно отжать его под прессом и высушить. Разумеется, все делалось вручную.

Уже ко II веку бумага получила в Китае широкое распространение. Писали на ней кистью или графитом. Благодаря своим достоинствам и дешевизне бумага решительно вытеснила сначала бамбуковые, а затем и шелковые книги. Правда, на первых порах она точно копировала форму шелковой: листы бумаги исписывались вертикальными строчками, идущими справа налево, и затем приклеивались друг к другу, образуя полосу длиной до десяти метров. Для удобства пользования она наматывалась на специальный стержень, изготовленный из дерева или нефрита. Как и египетские, греческие, римские папирусные свитки, китайские бумажные книги-свитки хранились в специальных круглых футлярах.

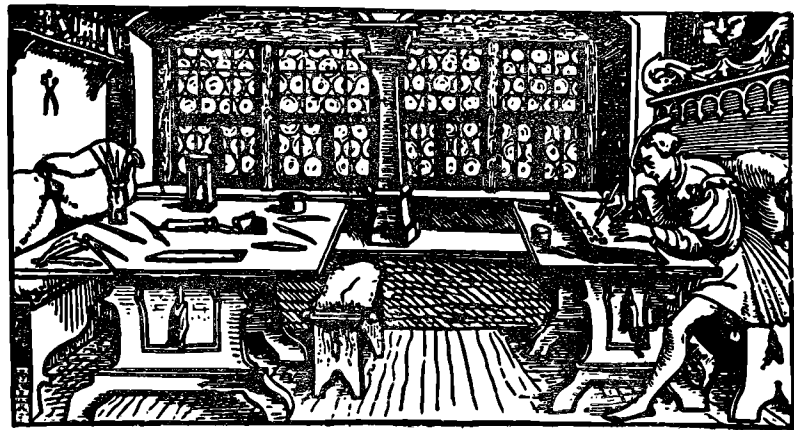
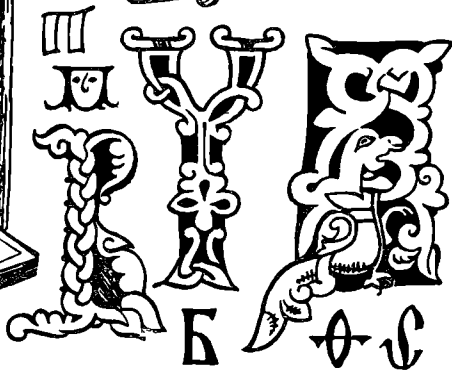
Долгое время технология изготовления бумаги держалась китайскими мастерами в секрете. Но когда арабы, создавая свою «мировую» державу, завоевали Среднюю Азию, там ее уже умели делать местные ремесленники.

Арабы переняли это искусство. От них о бумаге узнали европейцы. Более того, в XII веке собственные бумажные «мельницы» появились в Испании, Италии, Франции, а позже— и в других странах. Россия долгое время пользовалась привозной бумагой, а сама начала производить ее лишь в XVI—XVII веках.

От места создания до ведущих стран Европы бумага «шла» несколько столетий. Неторопко, очень даже неторопко! Сколько бесценных творений древности успели за прошедшие 13—15 веков выскрести из «языческих» пергаментных книг близорукие христианские попы!

Ъ В Р Ъ М
К Я В Н С А
У Е Н Н К

РУКОПИСНАЯ КНИГА

7

Сотворено рукой. Первые рукописные книги на Руси.
„Источник мудрости, рудник благородства“. Рукописные
книги майя. Как заставить писца писать в тысячу раз
быстрее?

РСТУНРСТНКСНСТІАХЦНІАР.СГЕІС
РСТУНРСТНКСНСТІАХЦНІАР.СГЕІС

А. К.
А. К.

Сейчас уже, пожалуй, невозможно точно установить, кем и в каком году была создана первая в мире книга. Не свиток из папируса, ткани и даже бумаги, не полка с глиняными табличками, не связка бамбуковых планок, а именно книга, почти такая, какую мы любим читать сегодня.

Что ни говорите, все, что предшествовало ей, было не очень удобно в пользовании. Попробуй, скажем, захватить с собой в туристский поход книгу из библиотеки древней Ниневии! Прежде всего — сколько она потянет: пуд, два? Диоритовая стела, на которой 2000 лет до нашей эры были выбиты законы вавилонского царя Хаммурапи, весила, к примеру, 2 тонны!

А какие неудобства испытал бы сегодняшний читатель, имей он в своей библиотеке только бамбуковые книги. Сколько планок в каждой связке! А сколько во всех, составляющих одну книгу!.. Каждую связку сначала развяжи, затем разберись с последовательностью страничек-планок, да смотри не перепутай с другими связками!..

Читать свитки было тоже не очень удобно. Чего стоила одна перемотка! К тому же обе руки постоянно заняты, попробуй тут сделать какую-нибудь выписку, если нужно. Еще хуже, когда необходимо «обложиться» добрым десятком книг. В одиночку такую работу, прямо скажем, не сделаешь. Придется нанимать целую бригаду помощников. Они будут приносить и относить свитки, разматывать нужный, сматывать уже прочтенный, записывать под диктовку необходимый тебе факт или отрывок, дер-

жать в развернутом виде сразу несколько свитков-источников, чтобы можно было анализировать, сравнивать, делать какие-то выводы...

А куда бы, казалось, проще: взял с полки десять книг, проштудировал каждую, заложил нужные места и работай себе на здоровье — никаких тебе помощников и помех...

Книга в привычном для нас облике, как мы уже говорили, могла появиться только с изобретением пергамента.

...Первая книга! Точнее было бы сказать — первая рукописная книга, ибо создавалась она по-прежнему кропотливым трудом писца. Как она выглядела? Сколько было в ней страниц, какого формата? Из чего был выполнен переплет? Каково участие в ее создании художника? О чем, в конце концов, была она — эта книга?

Рассказать о самой первой книге невозможно, так как ни одна библиотека мира не располагает таким чудом. Зато о рукописной книге вообще известно многое. Немало рукописных книг собрано в книгохранилищах различных стран, в том числе и нашей.

Изготовлением книг в раннее средневековье занимались преимущественно монастыри. Здесь переписке книг придавалось большое значение. Она приравнивалась к совершению молитвы и уподоблялась «сражению с дьяволом с помощью пера и чернил». За всякие промахи взыскивали строго. Если нерадивый копиист допускал отклонения от оригинала, то его на определенное время могли даже исключить из общины. Тремя тысячами «метаний» (поклонов) наказывался переписчик, допускавший ошибки в пунктуации.

Постепенно главенствующее положение в этом важном деле монастыри уступают городам с их университетами, королевскими дворами, библиотеками, искусными художниками и мастерами. Для выпуска книг создавались специальные мастерские. Со временем их становилось все больше и больше, росло и количество книг. Однако они

по-прежнему были очень дороги, и заказать себе книгу могли только очень состоятельные люди.

Если заказчик был небогат, так же выглядела и сама книга. И качество пергамента было невысоким, и переписка ее поручалась не ахти какому мастеру-каллиграфу, и переплет изготовлялся из простого дерева, обтянутого простой кожей.

Иное дело, если книга предназначалась для короля, его близких или знатного вельможи. Тут и материал подбирался только отличной выделки, и писали текст искусные в своем деле писцы, и доски переплета обтягивались сафьяном или бархатом. Чтобы книга была долговечнее и имела дорогой вид, переплет «облагораживался» серебряными или золотыми угольниками, узорными пластинами, драгоценными камнями. Не книга, а настоящая шкатулка с драгоценностями! И как всякая шкатулка, снабжалась специальными застежками и замками, так что пользоваться ею можно было лишь с милостивого разрешения самого владельца.

Большое внимание обращалось на внутреннее «убранство» рукописной книги. Все строчки в ней были ровные, примерно одинаковой длины, для чего лист заранее расчерчивался свинцовым карандашом, оставлявшим едва заметный след. Текст писался одним шрифтом, четко и красиво, а в богатых книгах не простой, а золотой или серебряной краской.

Писцы, начиная абзац, специально оставляли место для начальной заглавной буквы — буквицы (инициала), заставок и иллюстраций-миниатюр. Художники-рубрикаторы искусно рисовали буквицы и раскрашивали их красной краской. Отсюда — «красная строка». Художники-иллюминаторы рисовали заставки и миниатюры. Для этого использовались золото, пурпур, кобальт, киноварь, кармин. В целом хорошая книга представляла собой настоящее произведение искусства.

Выдающиеся шедевры рукописной книги были созданы в Византии. Анализу византийских книг, выявлению их художественных особенностей посвящено немало специальных исследований. «Византийская рукописная книга, — пишет В. Д. Лихачева в своей книге «Искусство книги. Константинополь. XI век», — по совершенству своего художественного оформления, по красоте букв текста, по изяществу переплета может рассматриваться как одно из замечательных явлений средневекового искусства. В искусстве оформления византийской книги константинопольская школа, пережившая блестящий расцвет во второй половине XI века, занимает по достоинству первое место».

И далее: «В константинопольских рукописях второй половины XI века примечательна гармоническая связь изображения, декора и текста. Эта связь обуславливалась единством эстетических задач, стоявших перед писцами и художниками. Воспринимая лист как законченную композицию, художник размещал одну или несколько миниатюр рядом с блоком текста, на полях или между строк. Он стремился создать некоторое художественное целое, в котором изображения, заставки, инициалы были бы соотнесены между собой. Если же миниатюра находилась на отдельном листе, то и тогда рядом располагался текст, но уже на соседнем листе. Оба они составляли разворот книги, организованный искусством художника. Цвет пергамента, оттенок железистых чернил, краски миниатюр, блеск золота их фона — все учитывалось, чтобы создать определенное колористическое впечатление. Легкие пропорции фигур изображенных персонажей, тонкие черты их лиц соответствовали характеру изящных букв... Византийские мастера нашли для смысловой, структурной и декоративной организации книги четкую форму, в которой великолепие роскоши сочеталось с ясностью и элегантностью исполнения».

На первых порах рукописная книга была исключительно религиозного содержания. Но по мере того, как монас-

тыри все больше утрачивали свое монопольное положение, а центрами культуры и книжного дела становились города, заметно росло количество книг также и светского характера. Среди них были исторические сочинения, научные трактаты, рыцарские романы, описания различных путешествий и т. д.

Новое содержание повлияло и на художественное оформление книги. В заставках и миниатюрах место библейских сцен заняли «мирские» сюжеты из жизни королей, знатных рыцарей, исторических личностей, а также вполне реалистические пейзажи и виды реально существующих городов. Даже если книга была религиозного содержания, художники вольно или невольно приносили в нее элементы, почерпнутые из окружающей жизни.

Хорошо известна французская школа миниатюристов, завоевавшая в XIV—XV веках мировую известность. Ярчайшим ее представителем был Жан Фуке. Знатоки книги утверждают, что до него «никогда миниатюра не знала таких правдоподобных изображений плотников и кузнецов, играющих в карты солдат, толстяков-купцов, гребцов в лодке, рыцарей верхом на конях, актеров на городских площадях, таких поэтических пейзажей и таких точных видов французских городов».

Первые рукописные книги на Руси

На Русь книга пришла в конце X века вместе с принятием христианства. Киевские князья покровительствовали книжному делу. Большим ценителем книги был Ярослав Мудрый. В летописи 1037 года подмечена эта замечательная черта древнерусского князя: «Великий князь Ярослав любил книги, читал их часто как днем, так и ночью, и собрал много переписчиков, которым и поручил переводить книги с греческого языка на славянское письмо». В году,

отмеченном летописцем, Ярослав Мудрый основал первую на Руси библиотеку.

Первой известной нам русской книгой является так называемое «Остромирово евангелие». Остромирово потому, что писалось по заказу новгородского посадника Остромира. Из писцов до нас дошло имя только одного — дьякона Григория. Начал он свою работу 21 октября 1056 года, а закончил 12 мая 1057 года. Кто оформлял книгу — сами ли писцы, привлеченные ли художники (русские, византийские?) — мы не знаем.

Новое дело бывает несовершенно. Но о первой русской книге этого не скажешь. И сегодня, почти через тысячу лет, «Остромирово евангелие» поражает нас своей нарядностью, богатством красок, высоким уровнем мастерства всех участников его создания.

Отлично обработанный пергамент книги тонок и бел. Текст, расположенный двумя ровными столбцами, выполнен четкими красивыми буквами.

Книга богато и искусно украшена миниатюрами, заставками и буквицами. Они довольно сложны по композиции, окружены широкими рамками, в которых изящно сочетаются растительные и геометрические орнаменты. Особенно причудливо выглядят буквицы, образуемые затейливым сплетением растительных элементов — стеблей, листьев и цветов. Часто их украшают головы фантастических животных или девичьи лица в профиль и фас.

Созданное по традициям византийских и южнославянских мастеров книги XI века, «Остромирово евангелие» в то же время существенно отличается от известных византийских образцов. Достаточно сказать, что миниатюры, изображающие евангелистов, совершенно не похожи ни на византийские, ни на современные им западные. Безусловно самобытными, чисто русскими являются и многие буквицы с фантастическими ликами, освещенными веселым юмором и наполненными жизнью.

«Разнообразии красочной палитры, сочетание растительных и геометрических орнаментов, широкие рамы, окружающие композиции,— все это,— отмечают исследователи «Остромирова евангелия»,— придает изображениям не просто подчеркнутую нарядность, но какую-то безудержную радость, почти ликование».

Высокое искусство, характерное для «Остромирова евангелия», позволяет думать, что, возможно, оно не перенец русского книжного дела. Просто более ранние образцы не сохранились или до сих пор еще не обнаружены.

Поэтому мы говорим, что это — первая точно датированная из дошедших до нашего времени русских рукописных книг.

Любопытна судьба этого выдающегося памятника древнерусской культуры. Владельцем его был известный государственный деятель и полководец Древней Руси Остромир. Между прочим, ученые знают его не только как новгородского посадника. Остромир был «близоком», то есть свойственником князя Изяслава Ярославича и фактически его соправителем. Современники, выполнявшие его заказ, это хорошо знали. Не исключено, что еще раньше они выполняли заказы самого князя. Трудно представить, чтобы Остромир посмел это сделать до него.

После смерти Остромира книга долгое время хранилась, очевидно, в новгородском Софийском соборе, затем перекочевала в Москву. 1720 год, когда был издан указ Петра I о собирании древних рукописных книг, застаёт ее в одной из кремлевских церквей. Оттуда она была переправлена в новую петровскую столицу — Петербург, где опять надолго «затерялась». Лишь в 1805 году ее случайно обнаружили в гардеробе Екатерины Второй.

В 1806 году «Остромирово евангелие» было передано в Публичную библиотеку. Сегодня это Государственная пуб-

личная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Здесь бесценный памятник нашего отечественного книжного дела хранится и поныне.

Первые книги на Руси были переводными. В качестве переводчиков приглашались деятели христианской церкви из Византии и Дунайской Болгарии, среди которых встречались люди высокообразованные, одаренные, с разнообразными интересами и обширными познаниями. Наряду с переводчиками приглашались также переплетчики, художники. Позже на Руси появились свои замечательные мастера книжного искусства.

Круг избираемых для перевода книг определялся нуждами церковного богослужения. Однако лишь на первых порах, ибо интересы русского общества того времени уже не могли уложиться в эти узкие рамки. Этому способствовало близкое знакомство с высокой и многогранной византийской культурой, оживленные связи со странами Центральной и Западной Европы, потребности внутреннего развития страны.

Не удивительно, что в скором времени наряду с богослужебными книгами и «житиями святых» стали переводиться также книги светского характера — исторические, военные, природоведческие и другие.

Зарождается и собственно русская светская литература. Ярчайшие ее образцы — знаменитые русские летописи, первый труд по истории Руси — «Повесть временных лет», всемирно известная поэма «Слово о полку Игореве», «Изборник Святослава» (отчасти), «Русская правда», «Почучение детям» Владимира Мономаха, «Сказание о взятии Батыем Рязани», «Задонщина» и другие.

Рукописная книга прочно вошла в общественную и культурную жизнь народа. Благодаря ей широкое распространение в различных слоях общества получила грамотность. Читать и писать умели не только государственные деятели и церковные служащие, но и сапожники, гончары,

воины, женщины. Живое свидетельство тому — знаменитые берестяные грамоты Новгорода и Пскова.

Сколько искренних и восторженных похвал книге рассыпано по страницам древнерусских летописей! Кто-кто, а уж летописцы лучше многих знали истинную цену книге, «пользе от учения книжного». Реками, «напоющими вселенную», «исходищем» (источником) мудрости, «неисчетной глубиной», утешением в печали, верной «подпорой», светом дивным — вот как издавна называли книгу на Руси!

«Источник мудрости, рудник благородства»

Широкое распространение рукописная книга получила в странах Востока, в том числе у народов Кавказа и Средней Азии. Некоторое представление о характере и уровне этого дела дает нам всемирно известное хранилище древних рукописей «Матенадаран», находящееся в столице Армянской ССР — городе Ереване.

Фонды «Матенадарана» хранят поистине бесценные сокровища мировой культуры. Среди них богатейшая коллекция древнеармянских рукописей (более 10 тысяч цельных манускриптов и около 2 тысяч фрагментов), а также около 1400 рукописей на арабском, персидском и других языках. Это прежде всего сочинения древних и средневековых историографов, философов, математиков, врачей, писателей. И не только армянских! Немало здесь интереснейших переводов произведений древнегреческих, сирийских и других ученых античного мира и раннего средневековья. Некоторые из них имеются только в древнеармянских переводах V—VII веков.

Хранятся в «Матенадаране» и настоящие шедевры книжного искусства Востока, представляющие большую художественную ценность.

В стенах «Матенадарана» ведется большая работа по собиранию, изучению и сохранению этого богатства. Большая часть фрагментов была возвращена к жизни лишь благодаря кропотливейшему труду влюбленных в свое дело мастеров-реставраторов. Многие еще ждут своего выхода к современному читателю. В печати то и дело появляются сведения о новых находках и открытиях. Вот одно из них, опубликованное в 1978 году: «Институт древних рукописей — Матенадаран — давно уже не собирал у себя так много специалистов разных профессий. Историки, лингвисты, литераторы, художники-реставраторы, химики, полиграфисты пришли сюда на первую встречу с книгой, возраст которой — десять столетий. Нет, она не самая древняя в хранилище, где собраны старинные манускрипты различных народов. Однако из 15 тысяч экспонатов Матенадарана это первая рукописная книга X века, которая иллюстрирована... в духе самых современных требований издательского дела...

Известно, что древние рукописные книги составлялись по определенному канону. Как правило, рисунки в них помещались в начале рукописи, после чего шел текст. Считалось, что лишь в XIII веке в рукописных книгах появились собственно иллюстрации текста. Эта же книга — «Евангелие» — опровергает мнение специалистов. Неизвестный художник, оформив каждую главу, поместил непосредственно в тексте более 60 миниатюр».

Немало древних рукописных книг находится и в книгохранилищах среднеазиатских советских республик. Впрочем, древняя книга по своему внешнему виду может и не быть шедевром, но когда на ней стоят такие имена, как Абу Али ибн Сина, Низам-ад-дин Ильяс Низами Гянджинский, Махмуд Кашгарский, Рашид-ад-дин, Алишер Навои, Фирдоуси, то она становится настоящим сокровищем.

Известно, что в средневековой Западной Европе на

многие века единым языком религии и науки стал латинский. На Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке таким языком после арабских завоеваний стал арабский. Усвоив наследие завоеванных стран, а также достижения эллинистическо-римской культуры, арабы и сами внесли выдающийся вклад в мировую культуру: математику, географию, астрономию, архитектуру, медицину, философию, историю, литературу.

Все эти достижения были бы невозможны без развитого книжного дела. Книгу ценили, горячо любили, ей посвящали самые вдохновенные слова. Такие, как, например, эти, принадлежащие перу Аль-Кенз Мадфуна: «Книга — прекрасный друг в час одиночества и прекрасный знакомый в чужой стране. Она — прекрасный товарищ и приятель, приятный посетитель и поселенец. Это мех, наполненный знанием и остроумием, сосуд, налитый серьезным и шутливым... Когда она проповедует, то заставляет слушать; когда развлекает, то надолго доставляет удовольствие; когда хочет растрогать, то вызывает слезы, а когда ударит, то причиняет боль. Она тебе приносит пользу, но от тебя не требует пользы; тебе она прибавляет, но от тебя не просит прибавки. Когда она серьезна, то наводит на размышление, когда шутит, то доставляет развлечение. Она — могила тайн, хранилище сокровищ, кладовая наук, источник мудрости, рудник благородства... Какой прекрасный друг она, какой великий помощник!»

Рукописные книги майя

Древнейшую и совершенно самобытную культуру создали на американском континенте многие индейские народы, в том числе майя.

Древние майя занимались охотой, собирательством, затем освоили подсечно-огневое земледелие, выращивали ку-

курузу, фасоль, корнеплоды, хлопчатник, томаты, тыквы. Земледелие дополняли рыболовством, пчеловодством.

В первые века нашей эры на земле майя появляются города. Их было много — более ста. Здесь развивались ремесла и торговля, возводились значительные по тому времени каменные сооружения — алтари, храмы, ступенчатые пирамиды, стадионы для игры в мяч, украшенные скульптурами, росписями и рельефными изображениями. На многих из них выбивались различные надписи.

Письменность у индейцев майя возникла еще до нашей эры. Она по праву считается высшим достижением их цивилизации и в последнее время усиленно изучается учеными многих стран.

Письменность майя всецело находилась в руках у жрецов. С ее помощью они записывали древние обряды, легенды и предания, составляли исторические хроники, молитвы, календари и т. д.

Жрецы, занимавшие одно из ведущих мест в обществе государства майя, создали сложную богословскую систему, были знакомы с зачатками многих наук, умели предсказывать затмения Солнца, знали периоды обращения Луны и планет. Хорошее знание астрономии помогло им с большой точностью — до одной минуты! — вычислить солнечный год. Сведения в области ботаники, метеорологии, анатомии были необходимы в повседневных полевых работах и врачевании болезней.

Разумеется, все эти знания пришли не вдруг, а накапливались на протяжении многих и многих поколений. Об этом говорит хотя бы тот факт, что свое летоисчисление майя вели от «начальной» даты, которая соответствует 3113 году до нашей эры!

Письменность майя иероглифическая, развившаяся из пиктографии. Наверное, поэтому в их рукописях парал-

лельно иероглифам всегда идут рисунки, буквально иллюстрирующие содержание текста. Да и сами иероглифы порой очень похожи на рисунки, и различить их может разве что специалист.

Таким специалистом в нашей стране является известный ученый Юрий Валентинович Кнорозов, автор книг «Письменность индейцев майя», «Иероглифические рукописи майя» и многих других публикаций. Вот что пишет Юрий Валентинович о внешнем облике рукописных книг майя: «Рукописи майя представляют собой длинные полосы бумаги, сложенные складками. Складки отделяют одну страницу от другой... Бумагу майя делали из луба фикуса, а писали с помощью волосяной кисточки различными красками минерального и растительного происхождения. Составляющие рукописи полосы бумаги исписаны обычно тремя, реже четырьмя или двумя полосами, отделенными друг от друга красной чертой. В каждой полосе наверху обычно идет текст, а внизу — изображение и календарные знаки. Текст написан черной краской. Изображения часто цветные. Они выполнены тем же писцом, что и текст».

Рукописи включают в себя разделы, обычно (но не всегда) начинающиеся с новой страницы. Раздел делится на параграфы, отделенные друг от друга вертикальными столбцами календарных знаков. Параграф состоит из подразделений, которые, как правило, сопровождаются изображениями. Подразделение параграфа часто соответствует предложению (реже — нескольким предложениям), причем иероглифы читаются в следующем порядке:

1	2	1	2	5	1	2	7
3	4	3	4	6	3	4	8
5	6				5	6	9

Не правда ли — своеобразные книги? К сожалению, из многих тысяч до нашего времени дошло всего четыре, в том числе лишь одна полная. Остальные, включая библиотеки правителей и верховных жрецов, погибли в огне борьбы с испанскими завоевателями (середина XVI века) и в зловещих кострах христианской инквизиции.

Книги сгорели, знатоки письменности были истреблены или погибли в неравной борьбе. Прошло немного времени, и знание древнего письма майя было надолго утрачено. Лишь в середине XX века ученые открыли его секреты заново. Причем далось это им так же нелегко, как и расшифровка иероглифов древнего Египта или клинописи Междуречья.

Что же представляют собой эти четыре рукописи, случайно найденные или приобретенные у частных лиц много лет спустя после испанского завоевания Америки? Каковы их особенности?

Все рукописи — жреческие требники. «Они содержат подробный перечень обрядов, жертвоприношений и предсказаний, связанных со всеми отраслями хозяйства... и касающихся всех слоев населения (жрецы, воины, купцы, ремесленники, земледельцы), кроме рабов, — пишет занятый их дешифровкой Ю. В. Кнорозов. — Соответствующие указания даны в виде краткого описания занятий богов. Эти сведения давали основание жрецу совершать обряды, требовать надлежащие жертвы, определять благоприятное время и предсказывать будущее (в основном, конечно, бедствия) всем, от правителей до новорожденных, используя исторические прецеденты и астрологические данные. Жреческие требники были во всех селениях, поэтому неудивительно, что именно они попали в руки испанских конкистадоров в числе местных трофеев и уцелели, тогда как библиотеки верховных жрецов погибли в пламени пожаров при захвате городов и на кострах инквизиции».

Страницы книг майя можно рассматривать часами. Рассматривать и удивляться: до чего же это письмо сложное и — в нашем сегодняшнем представлении — неудобное! Нелегко, по-видимому, давалась такая грамота будущим жрецам. Каково же было тем, кто их переписывал! Каждый знак — замысловатый рисунок. А сколько на странице самых настоящих рисунков. Все эти сидящие на корточках человечки или фантастические животные — боги майя. Нарисуешь их плохо или неправильно — жди страшной кары, ведь обидчивость богов и их жестокость всем хорошо известны. Переписчики майя приступали к своему делу с чрезвычайной серьезностью и ответственностью. Запасшись пищей и водой, они на протяжении многих дней не выходили из помещения. И соплеменники знали, что беспокоить их в это время нельзя.

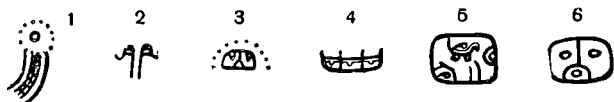

Чтобы убедиться в необычности и сложности иероглифического письма майя, достаточно взглянуть хотя бы в один маленький отрывок рукописи. «Зажигает огонь Ицамна, владыка земли». Это предложение в нашей книге заняло меньше одной полной строчки. А писцу майя пришлось над ним изрядно потрудиться. Вот как написал он его с помощью своего письма (см. рис. слева).

В верхней части мы видим типичный для письменности майя текст, в нижней — самого «владыку земли», одного из главных богов индейцев майя — Ицамну.

Еще раз взглянем в древние индейские письмена. На первый взгляд, это настоящий хаос из линий, кружочков и точек. На самом деле, нет.

Если «вырвать» из контекста хотя бы несколько знаков и внимательно присмотреться к ним, то мы увидим перед собой своеобразные иероглифы.

Знаки-иероглифы, означающие:

1 — «Жечь». 2 — «Огонь». 3 — «Роса». 4 — «Волна»,
«промежуток времени». 5 — «Имя бога». 6 — «Лицо».

Да, что и говорить, письменность майя создали сложную. Не случайно владели ею в основном только жрецы. Рукописный способ размножения книг также сдерживал их распространение среди населения. Искусные пальцы писали более или менее красиво и даже талантливо, но делать это намного быстрее не могли.

А с развитием общества это становилось все более настоятельным, необходимым.

Как помочь писцам?

*Как заставить писца
писать в тысячу раз быстрее?*

Роль книги в жизни общества быстро росла, но книг не хватало. И чем значительнее были достижения производства, науки, культуры, тем все явственнее открывалась обозначившаяся еще много веков назад пропасть между огромной потребностью в книге и кустарным, сугубо ручным способом ее изготовления.

Только для обучения грамоте требовались тысячи и миллионы книг. Это какую же армию переписчиков, художников, переплетчиков нужно было бы создать, чтобы

выпустить миллион книг в год? Если принять за среднегодовую «выработку» одного писца одну книгу в год, то лишь переписчиков потребуется миллион! Но это же совершенно невозможно, скажет любой из нас. Во-первых, откуда взять столько грамотных и хорошо подготовленных людей? Во-вторых, кто будет снабжать их бумагой, красками, чернилами, перьями, пищей, одеждой, жильем, а кроме того, еще строить крепости и храмы, открывать в научных лабораториях законы развития природы, изобретать новые и совершенствовать старые ремесла, распашивать новые земли, отправляться в кругосветные путешествия?

Да, да, кто все это будет делать, если миллионы взрослых, здоровых, наиболее развитых людей засядут за столы и начнут день за днем скрипеть гусиными перьями? Что и говорить, некому станет заниматься самыми насущными делами, а значит, и книжные мастерские с миллионами переписчиков — лишь чистейшая фантазия.

Идти по этому пути было невозможно. Однако жизнь поставила задачу, и ее требовалось решать. Как? Об этом все чаще задумывались во многих странах мира.

Как заставить перья писцов двигаться в сто, в тысячу раз быстрее? Пером движут пальцы, живые пальцы человека, и как ни тренируй их, как ни торопи — сложнейшей проблемы это не решит.

Может, тогда совсем отказаться от пера и придумать что-нибудь посовершеннее? Однако это тоже не выход, так как и этот инструмент будет держать все та же рука человека...

Отказаться от руки? От всего, чему она научилась за тысячи лет?

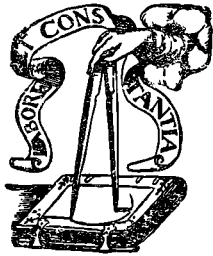
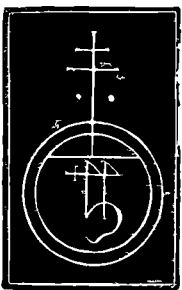
Рассылать по городам и весям глашатаев? Так в свое время и поступали многие цари и правители, когда дело касалось их указов и распоряжений. В Древнем Риме, например, были «живые книги» — рабы, заучивавшие на-

изусть целые поэмы, постановления, законы. Порой сам хозяин был неграмотным, зато говорящая книга всегда была под рукой.

Но как быть, если это не царский указ, не поэма, а, допустим, «Канон врачебной науки» в пяти книгах великого ученого и мыслителя Востока Абу Али ибн Сины? Или философский трактат? Или практическое пособие по металлургии, кораблестроению, ведению сельского хозяйства? Или тот же учебник по письму и счету? Ясно, тут уж никакой, даже очень одаренный человек не поможет. И значит, нужно искать другие пути...

A	B	C	D	E
F	G	H	I	K
L	M	N	O	P
Q	R	S	T	V
X	Y			
Z				

РОЖДЕНИЕ ЧУДА

Подсказали древние шумеры?

От детской игры – к наборной печатной форме.

Иоганн Гутенберг – изобретатель книгопечатания в Европе. Вслед за Гутенбергом.

Отталкиваясь от рукописных традиций.

8

Der Keisser.

Ich bin ein Keisser frů vnd spet/
Ich entwürff auff ein Linden Bret/
Bildnuß von Menschen oder Thier/
Auch gewechß mancherley monier/
Geschrifft/auch groß Der sal buchstaben/
Historj / vnd was man wil haben/
Künstlich/das nit ist außzusprechen/
Auch kan ich diß in Kupffer stecken.

Der Buchdrucker.

Ich bin geschicket mit der press/
So ich aufftrag den Firniß reß/
So bald mein diern den bengel zuckt/
So ist ein bogn pappyr gedruckt.
Da durch kombt manche Kunst an tag/
Die man leichtlich bekommen mag.
Vor zeiten hat man die bücher gschribn/
Zu Meins die Kunst ward erstlich triebn.

Подсказали древние шумеры?

Нет такой задачи, которой не смог бы решить человек. Древние шумеры придумали, например, метить свои товары специальными печатями. Вот, скажем, горшечник. Зачем ремесленнику на каждом изделии вырезать свой знак? Это и хлопотно, и время отнимает, да и надпись, сделанная вручную по сырой глине, никогда не получается одинаковой и красивой. Не лучше ли однажды зеркальное (обратное) изображение этого знака вырезать на камне и затем просто «штамповать» свои горшки, пока они еще не обожжены в печи? И быстро, и красиво!

Среди множества шумерских печатей археологи нашли одну особенную. Если все остальные были примерно одинаково плоскими, то этой мастер придал форму цилиндрика. Прокатал его по мягкой глине или ткани, и остался след.

Не поучиться ли у древних жителей Двуречья? И у них учились. По примеру их плоских каменных печатей некоторые народы Азии (китайцы, корейцы) стали изготавливать целые гравированные доски. Вначале они использовались для нанесения узоров на ткани, затем применялись и для размножения несложных текстов. О том, как это делалось, читаем в книге Е. Л. Немировского и Б. С. Горбачевского «С книгой через века и страны»: «Прежде всего подбирали ровную дощечку из упругого и мягкого грушевого дерева. Поверхность дощечки гладко выстругивали и покрывали густым рисовым отваром. Текст, который нужно было отпечатать, писали тушью на тонкой бумаге и, написав, сразу же прикладывали к дощечке. Рисовый отвар впитывал

тушь, и на дощечке появлялась зеркальная копия надписи. После этого острым ножом удаляли все места с поверхности дощечки, на которых не было туши. Зеркальная надпись как бы выступала над общим фоном. Рельефные знаки смазывали краской, поверх накладывали чистый лист бумаги». Осторожными движениями ладоней лист как бы приглаживали к дощечке, чтобы получился хороший оттиск. А оттисков можно было иметь неограниченное количество — практически столько, сколько требовалось и сколько было бумаги.

Такая печать с гравированных досок называется ксилографией («ксилон» — по-гречески «дерево», «графо» — «пишу»), печатью с деревянных клише. В странах Восточной и Центральной Азии она получила довольно широкое распространение.

Вначале таким образом печатали простые и небольшие по размеру тексты, а со временем даже целые книги.

Первой книгой, отпечатанной способом ксилографии, принято считать священную книгу буддистов «Алмазная сутра». На ней имеется даже точная дата выхода ее в свет — 11 мая 868 года.

Разумеется, миниатюрные книги при такой технологии было трудно получить. Поэтому нередко встречались книги-великаны высотой... в два этажа! Некоторые из них и сейчас можно увидеть в книгохранилищах Монгольской Народной Республики. Одно из таких «изданий» насчитывает 226 томов...

Немало ксилографов имеется и в нашей стране. В свое время их вывезли из восточных стран русские ученые, дипломаты, путешественники. Тексты их, являющиеся важнейшим историческим источником, тщательно изучаются и широко используются в науке.

Не перестаю удивляться высокому мастерству и беспредельному терпению древних восточных граверов и печатников. Какую преданность книге, какую силу духа нужно

было иметь, чтобы знак за знаком, строку за строкой вырезать на дереве целые страницы, из которых затем получалась книга! А сколько таланта, души и настойчивости вкладывалось в создание иллюстраций — гравюр!

Работать мастерам приходилось очень внимательно, чтобы не допустить ошибки. Любая оплошность напрочь перечеркивала многодневный труд, так как исправить ее можно было лишь нарезав новую доску. Из-за одной ошибки — все заново! Легко ли?

И еще об одном думаю я. Почему за образец взяли именно плоские печати? Разве не удобнее было бы наносить зеркальное изображение текста на цилиндрический валик и, пользуясь им, как древнешумерской цилиндрической печатью, просто *накатывать* на листы бумаги?

Наверное, такая печать была бы к тому же и лучше. Да о ней еще и вспомнят. Но только через многие-многие годы, уже в век машинной техники.

От детской игры — к наборной печатной форме

Печатание книг с гравированных досок явилось большим шагом вперед, однако это еще не было книгопечатанием. Книга по-прежнему рождалась в муках, и облегчить их можно было бы не иначе, как решительно отказавшись от этих самых... гравированных досок.

Выходит, «шаг вперед» был сделан лишь для того, чтобы тотчас вернуться назад? И все усилия восточных мастеров были напрасны?

И так, и не совсем так. Ведь в науке ничего напрасного и бесполезного не бывает. Изнурительный труд над созданием ксилографов заставил людей усомниться в правильности их выбора. А верен ли путь, которым они идут к своей цели? И лучший ли это путь? Нет, это был не лучший путь. Об этом свидетельствовал горький опыт.

А был ли опыт, подсказывающий совершенно другое решение, иное направление поисков? К сожалению, не было. Если не считать такую мелочь, как детские кубики для игры.

Дети всегда, во все времена любили подражать старшим — что-то строить, сооружать, разрушать и возводить снова. Деревянные или пластмассовые кубики до сих пор — их любимая забава. И не только для строительства дворцов и крепостей самой фантастической архитектуры они их использовали, но и для игры не менее полезной — игры в слова.

Еще древние римляне и некоторые другие народы с помощью кубиков и нарисованных на них букв обучали детей грамоте. Особенно на том этапе, когда они, уже зная буквы, постигали правила составления слов.

Представим себе, что перед нами целая груда таких ярких кубиков. Берем первые попавшиеся. На них буквы — Л, Т, О, Е. Какие слова можно составить из них? Группируем кубики и так и сяк, наконец, получается:

Л	Е	Т	О
---	---	---	---

Налюбовавшись словом (сами составили!), перемешиваем кубики и выкладываем из тех же букв новое слово:

Т	Е	Л	О
---	---	---	---

А сколько прекрасных слов можно сложить из других кубиков, еще не включенных в игру! Ну, кто быстрее? «И кто правильнее!» — подсказывает строгий учитель...

Хорошая это игра — кубики. Буквы на них нарисованы крупно, яркой краской, так и притягивают взгляд. А что если не рисовать, а вырезать их на этих самых кубиках?

Вырезали, натерли краской, приложили лист бумаги — буква четко и красиво перешла на лист. Только она почему-то перевернулась, смотрит совсем в другую сторону. Ах, да, ее забыли вырезать «наоборот», то есть создать зеркальное изображение. Попробовали еще раз? Ну, вот, теперь совсем хорошо...

Трудно утверждать, но возможно именно эта детская игра подсказала людям гениальную идею подготовки наборной формы для печати. Наборной потому, что она вся из таких вот элементов, как те детские кубики с выгравированными на них буквами. Если в гравированных досках все буквы связаны друг с другом в раз и навсегда застывших сочетаниях, то набор позволяет составить какое угодно слово. Набрал — отпечатал — рассыпал, набрал новое — отпечатал — рассыпал... И так — без конца!

Если изготовить таких «кубиков»-литер побольше, то из них можно будет набрать не то что отдельные слова и предложения, а даже целые книги. Наберет мастер одну книгу, отпечатает и рассыпет набор. Но рассыпет не для того, чтобы выбросить как хлам, а чтобы набрать следующую книгу. А затем третью, десятую, сотую!

Вот они, наглядные преимущества наборной формы! Вот она, гениальная простота, открывшаяся в обычной детской игре!

Утверждают, что первым, кто применил наборную форму для печати, был китайский ремесленник Би Шэн. Было это в XI веке. И вот как удивительно «просто». Вначале Би Шэн заготавливал для работы глину, которую тщательно разминал. Потом из этого мягкого податливого материала вылеплял небольшие брусочки. Не кубики, а именно брусочки! На верхний конец их он наносил зеркальное изображение иероглифов. Делалось это простой заостренной палочкой и без особого труда, ведь выдавливать на глине совсем не то, что вырезать на твердом, непослушном дереве.

Готовые брусочки-литеры сушились и обжигались в печи. Пройдя такую «закалку», они приобретали твердость настоящего камня и теперь были готовы к долгой и верной службе.

Изготовив достаточное количество литер, Би Шэн набирал из них тексты, которые надлежало размножить. Теперь оставалось закрепить набор, чтобы получилась добротная печатная форма.

Для этого сначала делалась железная рама, разделенная на отдельные клетки-отсеки, куда должны вставляться брусочки-литеры. Раму помещали на гладкую металлическую пластину. В каждую клетку заливали немного разогретой смолы, вставляли туда литеры, и, когда смола остывала, брусочки оказывались крепко-накрепко закрепленными в форме. Оставалось смочить их краской и наложить лист бумаги.

Получив нужное количество оттисков, печатную форму устанавливали над огнем. Смола от тепла размягчалась, становилась жидкой, и глиняные литеры легко освобождались из своего временного плена. Затем из них же набирали новые тексты. Изготовленный однажды шрифт мог служить для выпуска не одной книги.

Называют даже точную дату изобретения Би Шэном наборной формы для печати — 1050 год. Вначале литеры делались из глины, несколько позже для этой цели китайцы стали применять олово, а корейцы — медь. Отпечатанные ими книги сохранились до наших дней.

Новый способ печати обладал многими замечательными преимуществами, но не был свободен и от существенных недостатков. Так, например, литеры приходилось делать вручную. При этом как бы мастер ни старался, одни и те же иероглифы получались неодинаковыми. Переход от глины к металлу значительно улучшил качество печати и долговечность шрифта, вместе с тем и работа по изготов-

лению металлических литер стала более трудоемкой и сложной.

Кроме всего этого, сказалась также и особенность иероглифической письменности. Известно, что в китайском алфавите насчитывались многие тысячи иероглифов, причем очень сложных по своему начертанию. Сколько же литер приходилось вытачивать, чтобы отпечатать книгу! Это был колоссальный труд, и отнимал он порой целые годы. Наверное, именно поэтому книгопечатание здесь развивалось медленно и еще многие века довольно мирно уживалось с ксилографией и рукописной книгой.

Восточные мастера удачно нашли нужное направление для поиска, сделали первые успешные шаги в важнейшем деле, но тем не менее массовой книга еще не стала. Такой она станет значительно позднее. И благодаря усилиям уже других мастеров.

Иоганн Гутенберг — изобретатель книгопечатания в Европе

Идея книгопечатания «носилась в воздухе» и в Европе. К XV веку во многих странах науки и ремесла достигли достаточно высокого уровня, чтобы взяться за решение и этой насущной проблемы.

В «Диалектике природы» Ф. Энгельс говорит о «темной ночи средневековья», на смену которой приходит этап «чудесного» развития и распространения наук. В числе наиболее революционных изобретений того времени он называет те, «о которых никогда даже не подозревала древность магнитная стрелка, книгопечатание, литеры, льняная бумага... порох, очки, механические часы...»

В основе блестящих достижений эпохи Возрождения Энгельс видит четыре причины: во-первых, развитие промышленности и ремесел, во-вторых, укрепление торгово-

экономических и культурных связей стран Европы, в-третьих, великие географические открытия и, в-четвертых, появление печатного станка.

Нам не известно, были ли знакомы европейские мастера с приемами книгопечатания на Дальнем Востоке. Исследователи утверждают, что они пришли к книгопечатанию самостоятельно. Возможно, так оно и есть, ибо в Европе, преследуя ту же цель — печать с наборной формы, пошли другим путем — например, никогда не применяли глиняных литер. В то же время печать с гравированных досок в Европе была распространена довольно широко.

Кто же тот великий человек, который изобрел книгопечатание в Европе и заложил его основы? Спросите любого ученика, и если он не зря проводит время в школе, то назовет вам имя немца Иоганна Гутенберга.

Впрочем, в Голландии могут сказать, что наши учебники неточны и что изобретателем книгопечатания является их земляк Лоренц Костер, еще до Гутенберга напечатавший книгу «Зерцало человеческого спасения». Признательные голландцы воздвигли Лоренцу Костеру памятник и очень гордятся своим талантливым соотечественником.

Не знаю, есть ли подобный памятник в Бельгии, но и бельгийцы выдвигают своего первопечатника. Считают, что им был член гильдии книгопродавцев города Брюгге Жан Брито. Отпечатанная им книга «Доктринале» («Учение») вышла также до Гутенберга.

Гордятся своим изобретателем книгопечатания и итальянцы. Его звали Памфилио Кастальди. Уроженец городка Фельтре, он был известным поэтом, доктором прав, врачом. Исторические хроники говорят, что Кастальди первым в Европе начал печатать книги. Благодарные фельтрейцы так же, как и голландцы, поставили своему великому земляку памятник...

Так кто же прав: голландцы, бельгийцы, итальянцы? Отчасти, вероятно, и те, и другие, и третьи. Дело в том, что

попыток освоить печатание книг действительно и до Гутенберга было немало. Но только немец Иоганн Гутенберг в совершенстве овладел этим непростым делом, талантливо решил возникшие технические проблемы и стал печатать книги уже не единичными экземплярами, а в массовом порядке.

Велика заслуга Гутенберга перед человечеством, однако о личной его жизни известно до обидного мало. Мы не знаем даже, в каком году он родился, где получил образование, как прошли его юные годы. Не знаем и других подробностей, без которых биография человека — в лучшем случае приблизительная схема. Вкратце наши сведения о нем сводятся к следующему.

Великий сын немецкого народа Ганс (Иоганн) Генсфлейш Гутенберг родился на грани XIV и XV веков в немецком городе Майнце, по мнению одних ученых, не позднее 1399 года, по мнению других, в 1400 году или даже несколько позже. Зато дата смерти известна точно — 3 февраля 1468 года.

Происходил Гутенберг из родовитой купеческой верхушки Майнца. Несколько поколений его предков по отцовской линии (Генсфлейшей) занимали высокий пост контролеров монетного двора. Они были не только богатыми, но и знающими, деловыми людьми, постигшими многие тайны металлов — литейное дело, сплавы, штамповку, чеканку и т. д.

По-видимому, маленький Ганс с детства воспитывался в обстановке дел и забот монетного двора. Скорее всего благодаря именно этому в нем рано проявилось тяготение к технике, пристрастие к изобретательству. От старших он перенял любовь к металлу, сам был хорошим литейщиком, гравировщиком, чеканщиком — мастером на все руки.

Мы можем только догадываться о том, что побудило Иоганна Гутенберга заняться вопросами книгопечатания. Но именно ему принадлежит слава создания печатного

станка, без принципиальных изменений просуществовавшего вплоть до XIX века.

Однако главным в изобретении Гутенберга было все-таки не это. Печатать, когда изобретен набор, можно и без станка. Плохо, примитивно, но все же можно. Совсем другое — найти техническое решение основы печатного дела, каким является изготовление литер. Вырезать зеркальные изображения буковок на кончиках металлических брусочков вручную — работа, прямо скажем, адова. А ведь требуется их, даже для одной книги, очень много. На странице среднего формата современной книги их умещается около двух тысяч. На ста страницах — 200 тысяч, на 500 — миллион! Шутка ли? Причем каждая буква алфавита встречается в книге десятки тысяч раз.

При ручном изготовлении литеры никогда не получаются одинаковыми: одна выше, другая ниже, одна прямая, другая с наклоном, одна тонкая, изящная, другая толстая и неуклюжая. Да и это еще не все. Главная загвоздка заключалась в другом — в огромной трудоемкости и низких темпах изготовления литер, что не позволяло печатной книге конкурировать со старой, рукописной, и сводило на нет все поистине великие преимущества наборной печати.

Вот за эту-то, казалось бы, неразрешимую задачу и взялся Иоганн Гутенберг, изобретатель из немецкого города Майнца. И, надо сказать, решил он ее блестяще! Изобретения его до сих пор лежат в основе печатного дела, хотя от тех «гутенберговских» времен нас отделяет уже более полутысячи лет и техника за это время пережила не одну революцию.

Трудно судить о том, как работал Гутенберг над своим «словолитным аппаратом», так как все это держалось в строгой тайне, но проследить — хотя бы в общих чертах — развитие его мысли, пожалуй, можно.

Что ставило в тупик всех первопечатников? Невозможность вручную изготовить огромное количество литер. Это

дело нужно механизировать, понял Гутенберг. Но — как? Опыта ювелиров и граверов тут было явно недостаточно. Может, в таком случае внимательнее присмотреться к работе штамповщиков и чеканщиков? Вон как ловко наносят они на металл всякие узоры! И каждая деталь этих узоров, выбитая стальным стерженьком-чеканом, всегда четкая и абсолютно одинаковая. Вот так бы чеканить не узоры, а самые настоящие буквы!

Когда пришла эта мысль, осталось взять чекан и вырезать на его конце одну из букв. Сделать это на крепчайшем стальном стерженьке было нелегко, однако заманчивая картина, смутно открывавшаяся впереди, придавала силы, изошряла пылкий ум. Это ведь лишь один раз, зато потом с помощью чудесного чекана можно будет изготовить столько букв, сколько потребуется. Причем без особого труда!

И вот стальной чекан с рельефной буквой на конце — пунсон — готов. Удар — и на другом, более мягком металле остается глубокий четкий след. Этот след — зеркальное изображение буквы, своеобразная форма, матрица. Налей в нее легкоплавкого металла и получишь желанную литеру — одну, другую, сотую... На изготовление каждой уходит всего несколько секунд.

Между прочим, Гутенберг нашел и тот сплав, из которого лучше всего отливать литеры, — г а р т. И так удачно, что в типографиях всего мира им пользуются до сих пор.

Всю огромную, непосильную работу по изготовлению шрифта Гутенберг свел к созданию пунсонов, которых требовалось ровно столько, сколько в алфавите знаков, и матриц. Вековая проблема, мучавшая мастеров Востока и Запада, была гениально решена.

Но тут нужно оговориться. Гутенбергу было все-таки легче, чем, скажем, китайцу Би Шэну. Положение его облегчало различие в самой системе письменности. Буквенно-

звуковая у народов Европы, она легко обходится двумя-тремя десятками знаков, в то время как китайская иероглифическая в те века насчитывала их несколько тысяч. Народы, пользующиеся иероглифической письменностью, не раз упрощали свое письмо, однако до сих пор оно остается весьма громоздким и неудобным для печати.

От изобретения Иоганн Гутенберг сразу же перешел к делу. Считают, что одним из первых его изданий была книга «О восьми частях речи» — латинская грамматика Элия Доната. Она вышла в свет около 1447 года. Тираж ее быстро разошелся, так как потребность в учебной литературе школ и университетов была огромной. В последующие годы эту книгу ему пришлось переиздать еще 25 раз.

Вслед за Гутенбергом

Изобретение книгопечатания совершило настоящую революцию в культурной жизни Европы, подготовило расцвет науки и литературы XV—XVI веков. Решительно вытесняя рукописную книгу, оно стремительно шагало из страны в страну. В 1465 году начинают печатать книги в Италии, в 1468-м — в Чехии и Швейцарии, в 1470-м — во Франции, в 1472-м — в Нидерландах, в 1473-м — в Венгрии, в 1473—1474 годах — в Испании, в 1474-м — в Польше, в 1477 году — в Англии...

Во многих странах зачинателями книгопечатания были ученики и последователи Иоганна Гутенберга. Однако издательское дело на первых порах не сулило больших выгод, наоборот, многие владельцы типографий, как правило, разорялись. Выживали и продолжали успешно выпускать книги лишь крупные предприятия, пользующиеся финансовой и политической поддержкой королей, церкви, университетов, крупных банкиров.

Заслуженной славой в конце XV—XVI веках пользовались книги, выпущенные известным венецианским гуманистом, издателем и типографом Альдом Мануцием Старшим (ок. 1450—1515). Типография Мануция, основанная в 1494 году, выпускала в основном античных авторов — Аристотеля, Платона, Софокла, Цицерона, Овидия и других.

Большое значение Мануций придавал тщательной научной подготовке произведений к печати. В этой работе участвовали виднейшие ученые того времени, объединившиеся в кружок, вполне обоснованно получивший у современников название Новой Академии.

Книги Альда Мануция (так называемые «альдины», или «альды») являли собой великолепные образцы подлинного книжного искусства. Его издательскую марку — обвившегося вокруг якоря дельфина — знали во всех странах Европы.

Книги, изданные в XV веке, называют и н к у н а б у л а м и, буквально «колыбельными», то есть стоящими у колыбели книгопечатания. Для них, как правило, были характерны форматы ин-фолио (в одну вторую листа) и ин-кварто (в одну четвертую листа). Озабоченный стремлением сделать книгу более удобной для массового читателя, Мануций вводит в практику небольшие форматы — в одну восьмую и одну двенадцатую листа, разрабатывает и широко использует новые шрифты. После смерти Альда Мануция книги стал печатать его сын, а затем — внук. Так образовалась целая династия талантливых книжников.

Сохранившиеся экземпляры книг знаменитого венецианца — большая историческая и культурная ценность. В нашей стране с ними можно познакомиться в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве и в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Широкой известностью в Европе пользовались также издания немецких типографов-книгопечатников И. Амербаха и И. Фробена, выпускавших произведения Э. Роттердамского, У. Гуттена, И. Рейхлина и других гуманистов. В Лейпциге и Виттенберге печатал книги М. Лоттер, в Париже и Женеве — семья издателей и типографов Этьеннов, в Страсбурге — ученик Гутенберга И. Ментелин, в Антверпене — К. Плантен, в Нюрнберге — А. Кобергер и т. д.

Необходимо заметить, что забот у первых энтузиастов книгопечатания было немало. В ту пору издателю приходилось не только отбирать и подготавливать те или иные сочинения к печати, финансировать эту работу, но и заводить собственную типографию, приобретать необходимое оборудование, заказывать шрифты, покупать бумагу, краски, нанимать рабочих, содержать книжные лавки.

С разделением труда и развитием капиталистических отношений производство книги (типографское дело) начало отделяться от книгоиздательства. Вполне самостоятельный характер приобрела со временем и книжная торговля. Так, например, уже Антон Кобергер (1445—1513) не довольствовался лишь одной собственной типографией, а часто заказывал печатание книг в других типографиях, владельцы которых все больше специализировались на выполнении подобных заказов. Книжные лавки Кобергера действовали во многих городах Европы — в Будапеште, Лионе, Кракове, Бреславле, книгоноши торговали его книгами на постоянных дворах и в университетах, на базарах и ярмарках, у монастырских ворот и на шумных улицах городов. Да и торговал он уже не только своими собственными книгами, но и выпущенными другими издателями, естественно, за определенный процент от полученной выручки.

Постепенно в книгоиздательском деле складываются крупные капиталистические фирмы, принадлежащие уже не одному хозяину, а группе лиц, объединенных общими экономическими интересами, а иногда и кровным родством. Широко известными, например, во Франции стали книги семьи печатников и издателей Этьеннов, выпускавших разнообразную литературу на многих языках.

Среди голландских книгопечатников наибольшей славой пользовалась династия Эльзевиров. Эльзевиры создали мощную по тому времени фирму, имевшую свои филиалы и книжные лавки не только в различных городах своей страны, но и во многих государствах Европы. Одни из Эльзевиров были издателями, другие — печатниками, третьи — торговцами. Эльзевиры привлекли в свои предприятия крупных ученых и мастеров книги. Большое внимание уделяли они и дальнейшему совершенствованию книжного дела. Книги их просты, удобных форматов, дешевы, то есть явно рассчитаны на массового демократического читателя.

В XVI—XVII веках в культурной жизни Европы происходят важные сдвиги, в частности на смену устаревшей латыни приходят книги на национальных языках. Значение этого факта трудно переоценить. Книга приближается к народу, многократно увеличивается круг ее читателей, а следовательно, и ее воздействие на все сферы общественной жизни. На страницы книг все смелее проникают передовые демократические идеи. Прогрессивная книга становится серьезным оружием в нарастающей политической борьбе, в приближении первых буржуазных революций. Позднее, говоря о Великой французской революции, заметят, что прежде чем произойти на деле, она совершилась в умах людей. Так велико было воздействие книги!

Естественно, могучая революционизирующая сила кни-

ги была известна не одним только гуманистам. Ярыми противниками прогрессивной демократической печати были церковь и феодально-королевская власть. Уже в 1515 году папа римский специальной буллой ввел цензуру над произведениями печати. Преследованию подвергались не только сами книги, но и вольнодумцы-издатели, вольнодумцы-печатники, вольнодумцы-книготорговцы. Нарушители папского указа жестоко наказывались. «Еретические» книги запрещались и сжигались, «еретиков» издателей бросали в тюрьмы, «вредные» типографии закрывались или разрушались. Право вести книжную торговлю, иметь книжную лавку давалось за большие деньги и лишь надежным коммерсантам. Книгоношам позволялось продавать только лубочные картинки и календари. Тем, кто осмеливался не считаться с этим ограничением, отрубали правую руку. Тот, чье «преступление» оказывалось серьезнее, мог угодить и на костер святой инквизиции. Именно такая кара постигла французского типографа и книготорговца Этьена Доле. В 1546 году на одной из площадей Парижа он был сожжен на костре вместе со своими книгами.

Отталкиваясь от рукописных традиций

Первые книги, родившиеся без участия кисти и пера! Как разительно отличался (и облегчался) процесс их изготовления! И как все-таки похожи были они — старые, рукописные, и новые, печатные, на первых порах книгопечатания...

Взять хотя бы типографский шрифт. Вначале он был очень близок к шрифту рукописной книги. И это закономерно. Лишь со временем из-за специфики печатного дела шрифты, применяемые в типографиях, все больше и больше обособляются и начинают свой особый путь разви-

тия. Этот путь привел к тому, что практически мы стали обладателями двух алфавитов — рукописного и печатного. Причем начертания букв их часто не очень-то схожи:

А-А, Б-Б, В-В, Г-Г, Д-Д...

а-а, б-б, в-в, г-г, д-д...

В создание типографских шрифтов вложено немало сил превосходных мастеров книги, художников. Каждый шрифт используется там, где он хорош, ведь по своему характеру и назначению книги так различны.

В настоящее время в полиграфии известно множество шрифтов. Шрифты различных размеров, но одного начертания составляют особую «семью» — гарнитуру.

Начертания знаков — очень существенная сторона любого шрифта. Красота, изящество, строгость, богатая художественная «витиеватость» или, наоборот, разумная, скуповатая сдержанность их радуют глаз, создают соответствующее настроение, даже в какой-то мере выявляют особенности публикуемого текста.

Велико значение также размера литеры. Если бы во всех шрифтах они имели одинаковую высоту и ширину, то это было бы нехорошо. Для книги большого формата он мог бы оказаться слишком мелким, а для миниатюрного издания — непомерно большим, «тяжелым».

Есть и еще один важный момент. Сегодня, когда книги издаются тиражами в сотни тысяч и даже миллионы экземпляров, совсем не безразлично, сколько знаков уместит-

ся в одной строке и сколько строк — на одной странице. В практику входят все более убористые, экономичные шрифты, позволяющие без ущерба качеству увеличивать «плотность» набора (на языке специалистов — емкость печатного листа).

Конечно, многое тут зависит от величины полей, рисунков, схем, чертежей, от умелого их расположения на полосе или книжном развороте, но главное все-таки — шрифт. Тем более что многие книги выпускаются совсем без иллюстраций или почти без них.

Чтобы в большом наборном хозяйстве был нужный порядок, в полиграфии создалась своя система мер — типометрия, разработанная в XVIII веке французским печатником Ф. Дидо. В основе ее — хорошо известный нам фут. В одном футе — 12 дюймов. В одном дюйме — 12 линий. В одной линии — 12 пунктов. В одном пункте — 0,376 миллиметра. 48 пунктов составляют также один квадрат (примерно 18 миллиметров).

Так вот, этими пунктами и определяются размеры — кегль — всех шрифтов и других элементов на книжной полосе.

Шрифт кегля 20 пунктов (сокращенно кегля 20) называется текст, хотя им набирают совсем не текст, а чаще всего титульные листы или названия на обложках. Шрифт кегля 16 — терция, кегля 14 — миттель. Шрифт кегля 12 называется цецеро, так как именно им впервые были напечатаны письма Цицерона. Шрифт кегля 10 — корпус, кегля 8 — петит («пти» по-французски значит «малый»), кегля 6 — нонпарель. «Нонпарель» означает буквально «не имеющий себе подобных». И в самом деле, во время его создания таких мелких шрифтов еще не знали. Но и это — не предел! Несколько позже появились еще более мелкие шрифты: в 5 пунктов — перль, в 4 пункта — диамант, в 3 пункта — бриллиант.

Хорошая современная типография располагает шрифтами

ми от 3 пунктов до 15 квадратов, то есть от едва различимых невооруженным глазом до огромных, прямо-таки великанов, рассчитанных на печатание плакатов, афиш и других подобных им материалов.

История книгопечатания бережно хранит имена создателей хороших шрифтов. Так, например, широко распространенный ныне шрифт курсив изобрел итальянский гравер Франческо. Авторами шрифта антиква были итальянские первопечатники Конрад Свейнгейм и Арнольд Панартиц, впервые применившие его в 1467 году.

Кстати, первым печатникам приходилось изобретать не только шрифты, но и многое другое. Например, запятую, так как до этого существовало лишь два знака препинания — точка и двоеточие. Изобрел запятую на рубеже XV—XVI веков известный венецианский типограф Альд Мануций. Его изобретательному уму принадлежит также введение оглавления, так облегчившего пользование книгой.

В XVI веке родился на свет и вопросительный знак. Придумали его братья Венделин и Иоанн да Спира. Они же первыми стали нумеровать страницы своих книг удобными арабскими цифрами.

Первые книги, как правило, выходили без указания времени и места выпуска (их называют анонимными). Этот недостаток вскоре был устранен. Теперь выходные данные — необходимая часть любого печатного издания. Из них мы узнаем имена авторов, редакторов, художников, издателей, время выпуска книги, местонахождение типографии, формат издания, его тираж и некоторые другие немаловажные подробности.

Печатная книга, так же, как и ее рукописная предшественница, не могла обойтись без художника. Но как совместить яркую многокрасочную палитру книжного иллюстратора с аскетической строгостью печатной продукции?

Первые печатники ничего другого не придумали, как

пойти уже известным путем. Набранный текст книги вер-стали (располагали) так, чтобы на месте миниатюр, за-ставок, буквиц, концовок оставались пустые места. Их, как в рукописной книге, заполняли художники. Известны кни-ги с таким рисованным оформлением. Среди них встреча-ются экземпляры, не завершенные в производстве: текст отпечатан, а пустоты так и остались не заполненными — то ли тираж оказался слишком велик, то ли художника отвлекли другие дела.

Таким образом, книгопечатание на первых порах вы-свободило лишь труд переписчиков, художникам же от этого легче не стало. Пожалуй, даже наоборот — объем их работы резко возрос: если раньше книги переписывались единицами, то теперь они печатались тысячами. Попробуй-ка разрисуй такую массу!

И опять нужно было искать выход. Он нашелся доволь-но быстро: пригодился опыт ксилографии. Миниатюры, за-ставки, буквицы и другие детали художественного оформ-ления стали вырезать на дереве и заверстывать в печатную форму вместе с текстом. Вначале они печатались той же краской, что и текст. Со временем печатники освоили печ-ать в две и более красок, а на смену деревянным доскам пришли металлические пластины.

Каждый из нас знает, как велика в книге роль иллю-страции. Особенно большое значение ей придавалось на заре книгопечатания, когда крайне узок был круг первых читателей. Основная масса «мирян» в XV—XVI веках бы-ла «неученой», но именно она являлась главным резервом покупателей книг. Ее нужно было обучить и пристрастить к чтению. Заинтересованные в сбыте своей продукции кни-гоиздатели постепенно пришли к мысли о создании неслож-ной по содержанию, но хорошо иллюстрированной народ-ной книги. Став неотъемлемой ее частью, иллюстрации не только украшали книгу, но и служили серьезным подспорь-ем в понимании текста.

Первой такой иллюстрированной печатной книгой в Европе считается выпущенное в 1460 году Пфистером сочинение Иоганна фон Заац «Богемский пахарь».

Гуманистическое содержание произведения Иоганна фон Заац было близко и понятно простым читателям его времени. Герой его переживает большое личное горе: коварная Смерть уносит самого дорогого и любимого человека — молодую красавицу жену. В печали и отчаянии овдовевший «пахарь» вступает в жестокий спор со своей обидчицей. Причем он не только горько сетует на свою судьбу, не только протестует против жестоких законов природы. Сила боли и гнева поднимает его до понимания естественного права каждого человека на счастье, любовь, радости бытия, что отрицает Смерть, а вместе с ней — церковь и ее служители.

«Богемский пахарь» — одно из широкоизвестных и популярных в народе произведений раннего гуманизма. В его идейно-художественной направленности заметно влияние великого Петрарки и реформистских идей Яна Гуса, к окружению которого, как предполагают некоторые, был близок сам фон Заац.

Об авторе «Богемского пахаря» известно немного. Еще меньше знаем мы о его издателе Альбрехте Пфистере. По некоторым сведениям, в 50—60-х годах XV века он служил секретарем епископа в немецком городе Бамберге. Он был современником Иоганна Гутенберга и начал печатать книги, идя буквально следом за ним, даже пользовался одним из его шрифтов.

Анализируя издания типографа Альбрехта Пфистера, ленинградский исследователь Ц. Г. Нессельштраус отмечал, что он ставил перед собой совершенно иные задачи, чем изобретатель книгопечатания. Если Иоганн Гутенберг стремился достигнуть в своих изданиях высокого уровня декоративного оформления роскошных рукописных прототипов, мечтал научиться воспроизводить на печатном стан-

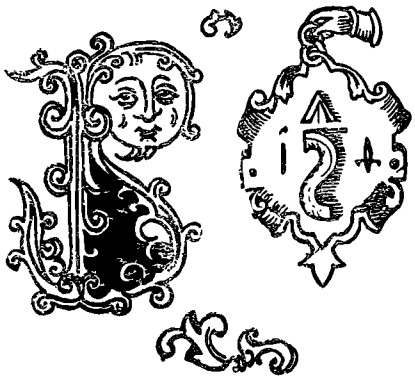
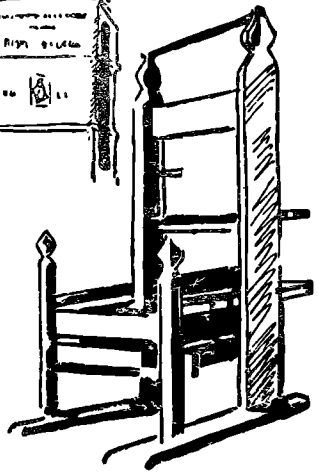
ке богато иллюминированные пергаментные рукописи «во всем их колористическом великолепии», то Пфистер, печатая книги для иного читателя, обращался к другим образцам — дешевой бумажной иллюстрированной рукописи и ксилографической книге. «Он не занимался разработкой шрифтов, инициалов и орнаментов, но зато ввел в печатную книгу иллюстрацию, выполненную... в технике гравюры на дереве. Так было положено начало производству народных иллюстрированных книг, которым суждено было сыграть выдающуюся роль в истории европейского книгопечатания...»

Дешевые «народные» иллюстрированные издания получили широкое распространение во многих странах Европы, в том числе и в России.

ДНЬ БЛВН КА

ИВАН ФЕДОРОВ
ПЕРВОПЕЧАТНИК

ПЕРВЫЕ СЛАВЯНСКИЕ ПЕЧАТНИКИ

„У великом граде оу Кракове“. Для „братии Руси“.
„Друкаръ книг пред тым невиданных“.

9

ЛѢТѢСЛОВІЕ СВЯТЫХЪ СВЯТЫХЪ СВЯТЫХЪ

ИЗЪВЕЩАЮЩЕ ОУ КРАКОВЕ. Для „братии Руси“. „Друкаръ книг пред тым невиданных“.

302
4

Утверждают, что первая книга на славянском языке вышла в 1483 году. Кто ее издатель, неизвестно. Местонахождение выпустившей ее типографии тоже точно не установлено. Одни исследователи полагают, что она была в Венеции, другие — в Далмации (Югославии). Книга набрана древним славянским шрифтом — глаголицей.

Первую славянскую книгу, набранную кириллицей, отпечатал в 1491 году в Кракове печатник Швайпольт Фиоль.

Чем объяснить, что это произошло именно в древней столице Польши — Кракове? Исследуя истоки славянского книгопечатания, этим вопросом задался Е. Л. Немировский. Ответ его весьма обширен и интересен, впрочем, как и вся книга «Начало славянского книгопечатания», вышедшая в 1971 году буквально «микроскопическим» для нашего времени тиражом в 3 тысячи экземпляров. Мне повезло — я один из немногих владельцев этой книги. В ней меня особенно заинтересовали страницы о материально-технических предпосылках книгопечатания в Польше и очищенная от легендарных наслоений веков жизнь славянского первопечатника Фиоля.

Очень верно замечание Немировского, что книгопечатание не может быть просто перенесено из одной страны в другую. Для того чтобы оно успешно прижилось или возникло на новом месте, нужно очень многое. И этим многим Краков XV века обладал вполне. Известны его широкие связи с ведущими культурными и ремесленными центрами

Европы, высокий уровень местного искусства и ремесла, раннее знакомство с образцами книгопечатания, в том числе с первыми изданиями прославленного Иоганна Гутенберга, замечательные традиции рукописной книги и т. д.

Пристальное внимание исследователя привлекла техника изготовления печатей, которые получили очень широкое распространение в Польше. Свои печати имели короли, королевы, королевичи, князья, города, архиепископы, епископы, владетельные магнаты, отдельные дворяне-шляхтичи. Кроме таких, были и печати капитульные, костельные, цеховые, даже мещанские.

«Здесь не место говорить о тысячелетней истории польского литейного дела или о художественных ремеслах, например, о резьбе по металлу,— пишет Е. Л. Немировский.— ...Однако надо сказать о ремесле, объединявшем многие из тех приемов, которые впоследствии послужили технической основой книгопечатания. Это — изготовление печатей, исключительно широко распространенных в Польше. Мастер, делавший печати, должен знать литейное дело и резьбу по металлу. Основой его ремесла было умение получать рельефные зеркальные изображения рисунков и шрифтовых знаков. Таким же умением должен обладать книгопечатник.

Конечно, нельзя поставить знак равенства между этими профессиями... И все же изготовление печатей было едва ли не главнейшим мастерством среди тех ремесел, в недрах которых появились материально-технические предпосылки для возникновения первых типографий... Во второй половине XV в. печати уже изготовлялись мастерами Краковского цеха золотых дел мастеров, в который входил и славянский первотипограф Швайпольт Фиоль. Самостоятельным ремеслом эта отрасль стала позднее...»

Как же изготавливали печати Фиоль и его товарищи по цеху? «Мастер готовил восковую модель, с помощью которой получали гипсовую зеркальную матрицу. В послед-

нюю заливали расплавленный металл — золото, серебро, медь или бронзу. Проработку деталей мастер осуществлял вручную, используя технику гравирования по металлу. Все эти операции с небольшими видоизменениями необходимо было освоить человеку, задумавшему изготовить печатные книги».

Таким образом, книгопечатание в Кракове возникло на достаточно высокой материально-технической базе, причем очень рано — всего лишь два-три десятилетия спустя после начала книгоиздательской деятельности Иоганна Гутенберга. Первые польские книги выходили на латинском языке. С техникой краковской латинской типографии, безусловно, был знаком и Фиоль. Но в отличие от своих предшественников он стал печатать книги на славянском языке.

Теперь о самом славянском первопечатнике.

Швайпольт Фиоль был уроженцем германской области Франконии. В Кракове он появился в 1479 году: именно в этом году, как свидетельствуют документы, он принял здешнюю юрисдикцию и стал краковским гражданином.

Некоторые исследователи ошибочно считали Фиоля славянином, выходцем из южнославянских земель. О том, что это не так, свидетельствует сам первопечатник. В послесловии своей первой книги («Октоиха» 1491 г.) он сообщает: «Докончана быс сия книга у великом граде оу Кракове при державе великаго короля полскаго Казимира, и докончана быс мещанином краковьскимь Швайполтомь, Фиоль, из немец немецкого родоу, Франк...»

Как и многие ремесленники своего времени, Фиоль был одаренным, разносторонне подготовленным и предприимчивым человеком. Известно, что он был и златошвеем, и золотых дел мастером, и руководителем горных работ, и изобретателем «нигде пред тем не виданных» машин для откачки воды из рудников и шахт.

Трудно сказать, что побудило Фиоля обратиться к книгопечатанию. Предполагается лишь, что решение это он

принял в 1490 году. Приобрел печатные станки, закупил у нюрнбергских купцов бумагу, занялся поисками шрифта.

Впрочем, кирилловский шрифт для печатания книг можно было и не искать, так как его попросту не существовало. Типографский шрифт для славянских книг еще предстояло создать. Имени его создателя история для нас не сохранила — Е. Л. Немировский считает, что им мог быть кто-нибудь из украинского окружения Фиоля, — зато о мастере, отлившем его, нам кое-что известно.

Звали умельца Рудольфом Борсдорфом. 4 февраля 1491 года он вместе с Фиолем подписал следующий документ: «Рудольф Борсдорф из Брауншвейга извещает всех, кому об этом знать надлежит, что он заключил законное и честное соглашение с почтенным Швайпольтом Фиолем, нашим согорожанином, суть которого состоит в следующем. После того как он вырезал для названного Швайпольта некоторое количество литер и передал их во вполне готовом и юстированном виде этому же Швайпольту, а также исполнил другие его поручения, он по своей доброй воле дает торжественное обещание Швайпольту, что он никому кроме Швайпольта, в том числе и себе самому, не будет изготовлять, вырезать и юстировать русский шрифт или литеры; он не будет также давать никому из людей наставления по этому предмету или обучать кого-либо под страхом потери всего своего имущества». Со своей стороны, Фиоль обязывался материально и духовно поддерживать мастера, оказывать ему помощь «средствами и товарами, в которых он только будет нуждаться».

Рудольф Борсдорф — тоже немец по национальности. Родился и вырос он в германском городе Брауншвейге в семье с большими культурными и гуманистическими традициями. Достаточно сказать, что отец Рудольфа получил ученую степень доктора медицины в Падуанском универ-

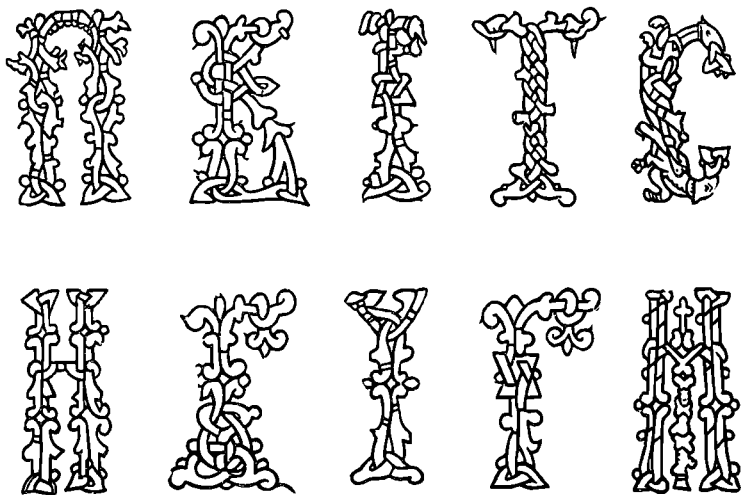
ситете и что ближайшими его друзьями были известные ученые Иоганн Мюллер-Региомонтан и Марцин Былица. Кстати, до того, как стать преподавателем университета в Падуе, Былица окончил Краковский университет. В 1485 году студентом этого университета стал и молодой Рудольф Борсдорф, отличавшийся большой тягой к наукам и технике.

В 1491 году Рудольф Борсдорф изготовил первый в истории славянский кирилловский шрифт для типографии Швайпольта Фиоля. По-видимому, через него же Фиоль познакомился и сблизился также с другими своими будущими помощниками — образованными и доброжелательными людьми. То, что они были, нет никаких сомнений. Они участвовали в выборе книг для издания, переводили и редактировали тексты, тщательно вычитывали корректуры. Больше того, они должны были хорошо разбираться в богослужбной практике православной церкви, отлично знать славянский, греческий, латинский языки. Все это было явно не по силам простому ремесленнику, к тому же еще и не славянину по происхождению.

В числе вдохновителей и покровителей Фиоля — первого издателя славянских книг — были, и это достоверно известно, братья Ян и Станислав Турзо, сыновья богатейшего купца, предпринимателя и банкира. В типографии Фиоля осваивал мастерство книгопечатания студент Краковского университета, будущий словацкий первотипограф Микулаш Штетина. Редактировать первые славянские книги могли известные ученые, преподаватели университета Станислав Биль из Новомьяста, Юрий из Дрогобыча, Павел из Кросно и другие.

Кроме «Октоиха» Фиоль выпустил в своей типографии еще три книги: «Часослов», «Триодь постная» и «Триодь цветная». Все они, что вполне естественно для того времени, были богослужбными и широко использовались православной церковью. Некоторые из них, особенно «Триодь

цветная», богато украшены. Затейливые, высокохудожественно исполненные буквицы и выделения в тексте отпечатаны красной краской. В этом отношении Швайпольт Фиоль прямо шел от традиций славянской рукописной книги.

Буквицы (инициалы) из изданий Швайпольта Фиоля.

В ноябре 1491 года с Фиолем произошло досадное «недоразумение»: по чьему-то злому навету его арестовали и отдали под суд инквизиции. Однако обвинения, предъявленные ему, не подтвердились. Инквизиционная коллегия признала Фиоля «правоверным и преданным католиком» и, по ходатайству его богатых друзей Турзо, освободила из-под стражи.

Пока славянским первопечатником занималась инквизиция, типография его вынужденно бездействовала. Выйдя из темницы, Фиоль вернулся к прежней деятельности, ста-

раясь, однако, не привлекать к ней внимания краковского общества. Одновременно он осуществлял и другие, чисто коммерческие операции, так как выпущенные книги вряд ли могли принести ему существенный доход.

Прожив в Кракове после издания «Октоиха» лет десять, Швайпольт Фиоль оставляет город (книгоиздательскую деятельность по неизвестным причинам он оставляет еще раньше) и уезжает в Силезию, где руководит горными работами. В дальнейшем он многие годы добросовестно служит своим давним покровителям из богатого и влиятельного рода Турзо, за что в старости получает от них солидную пенсию. На рубеже 1525—1526 годов Швайпольт Фиоль умер.

Есть основание думать, что для своего времени Фиоль был неплохим коммерсантом или изобретателем, однако не эти заслуги увековечили его имя в истории. Он был первым, кто начал печатать славянские книги,— вот что главное. И пусть посвятил он этому благородному делу всего лишь несколько лет, но эти годы стоят, пожалуй, целой жизни.

И еще один интересный момент. Детально изучив жизнь и деятельность Фиоля, Е. Л. Немировский приходит к выводу: «О «заказчиках» первых славянских печатных книг применительно к XV в. можно говорить лишь условно. Прямого заказа ни Турзо, ни Фиоль скорее всего не получали. Если же такой заказ был, то, конечно же, сделали его не молдавские воеводы, не князь Острожский, не белорусско-литовские магнаты, а Москва».

Для «братии Руси»

Младшим современником Фиоля был белорусский первопечатник Франциск Лукич Скорина. Имя этого выдающегося сына белорусского народа широко известно

в славянском мире. О нем написано несколько книг и множество журнальных и газетных статей. Интерес к его жизни и деятельности не ослабевает до сих пор.

Родился Скорина в «славном граду Полоцке», крупном городе тогдашнего Великого княжества Литовского, в состоятельной купеческой семье. Дата рождения, к сожалению, не известна, но исследователи утверждают: «до 1490 года».

Окончив в 1506 году Краковский университет, талантливый юноша удостоивается ученой степени бакалавра. Через шесть лет медицинская коллегия Падуанского университета в Италии единогласно присваивает ему степень доктора «лекарских наук».

Немало сил и средств было потрачено на нелегком пути к этой высоте. Однако не медицина стала главным делом жизни Скорины. Талантливый ученый, горячий патриот, просветитель, он страстно мечтал о служении народу, о просвещении «своей братии Руси». Эта мечта привела его к книгопечатанию.

Свою издательскую деятельность Франциск Скорина начал в столице Чехии — Праге. Первая его книга — славянская «Псалтырь» — вышла в свет 6 августа 1517 года. Ей предпослано предисловие, в котором начинающий издатель извещает: «...я Францишек Скоринин сын с Полоцка, в лекарских науках доктор, повелед есми Псалтырю тиснути русскими словами, а словенским языком». Почему же именно «Псалтыри» выпало стать первой книгой белорусского первопечатника? Чем руководствовался он при этом выборе? О чем мечтал, к чему стремился?

Ответы на эти вопросы мы находим в том же предисловии, где Скорина прямо указывает, что адресует свою первую книгу «детям малым», которых она обучит грамоте, умению читать и правильно говорить.

Здесь надо сказать, что в ту пору «Псалтырь» (книга религиозных песнопений — псалмов) была наиболее рас-

пространенной среди населения. По ней за неимением учебников детвору учили читать и писать, а с этого началось любое знание.

Так первым же своим изданием Франциск Скорина заявил о себе как о просветителе своего народа. Искренне радея о его благе и духовном развитии, он всецело отдается печатанию книг. А время выхода в свет его славянской «Псалтыри» становится датой начала белорусского книгопечатания.

Здесь же, в Праге, у Скорины возникает смелый замысел — перевести на белорусский язык самую главную книгу христиан Библию. Гуманисты эпохи Возрождения, веря в неограниченные возможности сил человека, видели и в Библии прежде всего памятник древней литературы, «дело рук человеческих». К таким ученым-гуманистам, безусловно, относился и Скорина.

Работе над рукописями и гранками, бесконечным типографским заботам щедро отдавались дни и ночи. Самоотверженный всепоглощающий труд принес замечательные плоды: в течение одного 1517 года Скорина выпускает четыре книги. Выходят они регулярно, почти каждый месяц — 6 августа, 10 сентября, 6 октября, 5 декабря... В следующем году белорусский первопечатник издал уже пять книг, а в 1519 году — одиннадцать!

Все эти книги — отдельные части Библии. Небольшие объемы и дешевизна (по сравнению с огромными фолиантами!) делали их общедоступными и, самое главное для издателя, давали возможность «научения седми наук вызволенных», то есть изучения всех семи свободных наук того времени. Книги, изданные на родном белорусском языке, должны были помочь его землякам в овладении основами знаний. Они были необходимы тем, кто хотел знать «Граматику или по-русски говорячи Грамоту, еже добре чести и мовити учит», «Геометрию, еже по-русски сказуется «Землемерие», «Астрономию или Звездочеть»...

Буквицы из изданий Франциска Скорины.

Грандиозный план Скорины успешно претворялся в жизнь. Все, казалось, в его пражской жизни устроилось неплохо — дела в типографии шли на лад, книги следовали одна за другой, но не было покоя в душе. Причиной тому, по его собственному признанию, была оторванность от родной земли, тоска по родине. Даже «звери, ходящие в пустыне, знают ямы свои,— писал он.— Птицы, летающие по воздуху, ведают гнезда свои. Рыбы, плывущие по морю и в реках, чуют виры своя. Пчелы и тым подобная оборонят ульев своих. Такоэ и люди, игде зародилися и ускормлены суть... к тому месту великую ласку имають».

«Великой ласки» к родине, к «братии Руси» была полна душа Скорины. Чтобы быть к ним поближе, он расстается с гостеприимной Прагой и переезжает в столицу Великого княжества Литовского город Вильно (Вильнюс). Основную часть княжества составляли, как известно, славянские земли, и древнерусский язык существовал здесь в качестве государственного.

В вильненской типографии Скорины выходят первые печатные книги на территории нашей страны. Долгое время считалось, что первым был выпущен его великолепный «Апостол», увидевший свет в марте 1525 года. Однако недавно ученые установили, что до «Апостола», еще в 1522 году, Скорина напечатал «Малую подорожную книжицу», рассчитанную, как мы сейчас говорим, на массового читателя. Этот год и следует считать временем рождения первой печатной книги на территории нашей страны.

Безрадостно сложились последние годы недолгой жизни выдающегося ученого и просветителя. Многолетний подвижнический труд не принес ему, как и многим другим первопечатникам, сколько-нибудь надежного достатка. Более того, ему даже пришлось посидеть в тюрьме из-за долгов умершего брата. Лишь вмешательство короля Сигизмунда I освободило его из-под стражи.

Преследуемый неудачами Франциск Скорина вновь уезжает в Прагу, куда король Фердинанд пригласил известного ученого на должность королевского врача и садовника. Здесь в самом начале сороковых годов он скончался.

За годы своей издательской деятельности Франциск Скорина выпустил несколько десятков книг. Все они отличаются превосходным оформлением, обилием прекрасно выполненных гравюр, заставок, букв и виньеток. В некоторых изданиях их было очень много. Уже в первой пражской книге — «Псалтыри» — насчитывалось 163 буквы, отпечатанные с 38 досок. Лишь в пражских изданиях Ско-

рины было помещено 38 иллюстраций, 22 заставки, почти тысяча букв и большое количество всевозможных виньеток. Все это говорит о том, что он был прекрасным знатоком книги и сумел привлечь к своему делу опытных мастеров.

Главной целью своей издательской деятельности Скорина ставил просвещение народа, распространение в массах культуры и знаний. Для этого он переводил книги на родной язык, снабжая их предисловиями, послесловиями, комментариями, в которых вопреки религиозному характеру книг пытался донести до своих читателей начатки научных знаний. Скорина осуждал гнет помещиков-феодалов, выступал поборником равенства и свободы всех людей. Этим он тоже бесконечно дорог нам.

Издательская и просветительская деятельность Франциска Скорины сказала животворное влияние на дальнейшее развитие белорусской и в целом славянской культуры, на многих других славянских первопечатников, избравших для себя его благородный путь. Одним из них был русский первопечатник Иван Федоров.

«Друкарь книг пред тым невиданных»

Первые печатные книги в Русском государстве появились в середине XVI столетия в пору царствования Ивана Грозного. Отставание от Западной Европы произошло, таким образом, на целых сто лет! Что ж, в этом нет ничего удивительного: виной тому трехсотлетний гнет золотоордынского ига, иссушавший самое душу русского народа.

Рука об руку с освобождением от этого ига на Руси шел процесс складывания единого централизованного государства. К середине XVI века объединение феодальных русских княжеств вокруг Москвы завершилось. Московская Русь при Иване IV — это уже огромное мощное многонациональное государство с единой центральной властью

и едиными нормами экономической и социальной жизни.

Первая типография в России была построена в Москве по указанию Ивана Грозного в 1553 году. «И повелел царь Иван составить в преславном своем граде Москве штанбу, сиречь дело печатных книг, ко очищению и ко исправлению ненаучных и неискусных в разуме книгописцев».

Всроятно, здесь и были впервые отпечатаны русские книги. К сожалению, как и многие другие первые книги, они анонимны, то есть не имеют выходных данных (где, когда и кем выпущены), поэтому точно сказать, какая же из них самая первая, практически невозможно.

В 1979 году в фондах Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника было обнаружено печатное «Евангелие», выпущенное, по утверждению специалистов, в Новгороде в 1554—1564 годах. Книга хорошо оформлена, в ней 600 страниц. Кто отпечатал ее, пока неизвестно, зато известны имена резчиков букв. Ими были Маруша Нефедьев и Васюк Никифоров.

В 1563 году «государев Печатный двор» возглавил дьякон церкви Николая Гостунского в Московском Кремле Иван Федоров, очевидно уже имевший какой-то опыт в этом деле. В помощь ему царь направил Петра Тимофеевича Мстиславца и специальной грамотой вызвал из Новгорода Марушу Нефедьева и Васюка Никифорова. Вместе с Федоровым, по-видимому, работали также Андроник Невежа и Никифор Тарасиев.

Иван Федоров и его сотоварищи были высокообразованными людьми своего времени, а кроме того, и мастерами на все руки. Так, Федор превосходно владел литейным, столярным, малярным делом, был отличным резчиком и переплетчиком. Все они, безусловно, прекрасно знали русскую рукописную книгу и продукцию европейских центров книгопечатания.

1 марта 1564 года вышла в свет первая книга Ивана Федорова. Называлась она «Деяния

святых апостолов», или иначе просто «Апостол». Книга отпечатана красивым славянским шрифтом — полууставом, искусно украшена миниатюрами, заставками и буквицами.

Большой интерес представляет заключающее книгу краткое послесловие, написанное самим первопечатником. Иван Федоров в нем рассказывает: «...По повелению благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея великия Россия самодержца и по благословению преосвященного Макария Митрополита всея Руси многие церкви воздвигались в царствующем граде Москве и по окрестным местам и по всем городам царства его, особенно же в новокрещенном месте, в городе Казани и в пределах ее. И все эти святые храмы благоверный царь украшал чтимыми иконами и святыми книгами... И потому благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси повелел покупать святые книги на торгу и полагать их во святых церквях — псалтыри, евангелия, апостолы и прочие святые книги. Но из них мало оказалось годных, остальные же все искажены несведущими и неразумными переписчиками, а иные оттого, что пишущие оставляли их без исправления. И это стало известно царю, и он начал размышлять, как бы издать печатные книги, как у греков в Венеции, и в Италии, и у прочих народов... И так возвещает мысль свою преосвященному Макарию, Митрополиту всея Руси. Святитель же, услышав, весьма обрадовался... И так, по велению благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и по благословению преосвященного Макария Митрополита начинали изыскивать мастерство печатных книг в год 61-й восьмой тысячи (1553); в 30-й год (1563) царствования его благоверный царь повелел устроить на средства своей царской казны дом, где производить печатное дело... И, не жалея, давал он своих царских сокровищ делателям диакону церкви Николы Гостунского Ивану Федорову да Петру Тимофееву Мстиславцу на устройство печатного дела и на их обес-

печенье до тех пор, пока дело их не пришло к завершению. И начали печатать впервые эту святую книгу... в год 7070 первый (1563) апреля 19-го... Окончены же были в год 7070 второй (1564) марта в первый день при архиепископе Афанасии, Митрополите всея Руси, в первый год святительства его...»

«Апостол» принято считать первой русской точно датированной печатной книгой, а время ее выпуска — началом отечественного книгопечатания.

В 1565 году из типографии Ивана Федорова выходит новая книга «Часовник», являющаяся основной учебной книгой в России того времени.

Заставки из «Апостола» Ивана Федорова издания 1574 года.

Так хорошо начатая работа была неожиданно прервана — Иван Федоров и Петр Мстиславец покинули Москву и отправились на чужбину. Почему это произошло, полной ясности нет. Одни исследователи считают, что печатание книг, способствующее распространению просвещения, было враждебно встречено в реакционных кругах боярства и духовенства и нашим первопечатникам пришлось попросту бежать в соседнюю страну. Академик М. Н. Тихомиров, наоборот, утверждает, что они уехали из Москвы добровольно и с согласия Ивана Грозного, чтобы своей деятельностью, своими книгами помочь православному белорусскому и украинскому населению Великого княжества Литовского в его борьбе против наступления католицизма и национального порабощения.

На чьей стороне правда, кто ближе к истине?

Не вступая в «ученый» спор, предоставим слово самому Федорову. Тем более что такая возможность есть, и не считаться с ней, наверное, нельзя.

В послесловии одной из своих книг (1574 г.) Иван Федоров с горечью вспоминает о последних месяцах своей жизни в Москве: «...По причине великих преследований, часто испытанных нами, не от самого государя, но от многих начальников и духовных властей и учителей, которые по зависти возводили на нас многие обвинения в ереси, желая добро обратить во зло и дело божие вконец погубить, как это обычно для злонравных, невежественных и неразвитых людей, которые ни в грамматических тонкостях навыка не имеют и духовным разумом не наделены, но без основания и напрасно распространили злое слово. Ибо такова зависть и ненависть, сама измышляющая клевету и не понимающая, куда идет и на чем основывается. Эти обстоятельства привели нас к изгнанию из нашей земли и отечества и от нашего рода и заставили переселиться в иные неизвестные страны».

Заподозрить в неискренности великого первопечатника

у нас нет никаких оснований, вместе с тем нельзя отрицать и того, что деятельность Ивана Федорова за пределами Московского государства действительно оказывала большую помощь украинцам и белорусам, подпавшим под власть Польши и Литвы.

Можно допустить также, что оставление Федоровым Москвы было в какой-то мере подготовлено. Дело в том, что накануне его отъезда Москву посетил посол Великого княжества Литовского Юри́й Александрович Ходкевич, близкий родственник гетмана Григория Александровича Ходкевича, к кому Федоров и направился со своей небольшой типографией. Возможно, посол встретился с Федоровым и, зная о его сложном положении в Москве, передал ему приглашение гетмана перебраться для продолжения своей деятельности в его резиденцию — город Заблудов. Так или иначе, но, покинув Москву, Федоров напрямик направился в Литву, ко двору великого гетмана Ходкевича.

Здесь необходимо хотя бы несколько слов сказать о самом Великом княжестве Литовском. По занимаемой им территории оно было действительно великим: простиралось от Балтийского моря на западе до Путивля и Новгород-Северского на востоке, от Полоцка и Витебска на севере до причерноморских степей на юге.

Основную часть государства составляли исконно славянские — белорусские и украинские земли, исторически тяготевшие к Москве. Православное население Литвы — белорусы и украинцы — чувствовали свою близость к Русскому государству и в культурно-религиозном отношении, и с этой близостью приходилось считаться.

На первых порах экономический и политический вес славянского элемента в Великом княжестве Литовском был довольно значителен. Однако в связи с польско-литовской унией и начавшейся католической экспансией Ватикана положение стало существенно меняться. Стремление поль-

ских магнатов окончательно прибрать к своим рукам Литовское государство с его православными западнорусскими землями всячески поддерживалось из Рима, ибо сулило укрепление позиции католической церкви на востоке. Вместе с тем оно вызывало и обратную реакцию, которая в народных массах становилась тем решительнее и осознаннее, чем сильнее и грубее шло наступление с запада.

Боясь потерять свое прежнее положение, проявляли недовольство и влиятельные белорусские и украинские магнаты. Одним из выразителей таких настроений как раз являлся великий гетман Литвы Григорий Ходкевич.

Итак, оставив Москву, русские первопечатники пересекли границу соседнего государства и вскоре оказались в родовом имении гетмана — Заблудове. Ходкевич, как свидетельствует сам Федоров, «прия нас любезно к своей благоутешной любви и упоковаше нас немало время, и всякими потребами телесными удовляше нас».

В Заблудове Федоров восстановил привезенную с собой типографию и «по милости пана Григория Александровича Ходкевича, на собственные средства его светлости» возобновил издательскую деятельность. 8 июля 1568 года по заказу гетмана началось печатание «Евангелия учительного» — большой книги в 814 страниц. Работа эта заняла 256 дней. Прямо скажем, немало, однако если вспомнить, что московский «Апостол» объемом в 534 страницы печатался целых 316 дней, то станет ясно: это был успех.

Активно помогали Федорову Петр Мстиславец и подросший сынишка Ваня, успешно осваивавший под его руководством переплетное дело. В дружной работе приходила сноровка, росло мастерство.

Следующей книгой была «Псалтырь» — сборник популярных повседневных молитв. Над ним Федоров трудился особенно усердно и несмотря на то, что его верный друг и сподвижник Петр Тимофеевич Мстиславец переехал в Вильно (нанялся в другую типографию), завершил свою

работу весьма успешно. Чтобы отпечатать том в 529 страниц, ушло всего 178 дней. 23 марта 1570 года «Псалтырь» была готова...

Несмотря на внешнюю любезность, «благоутешной любви» гетмана хватило ненадолго. Вскоре он повелел прекратить книгопечатание (вопрос об унии Литвы с Польшей магнатами решен, и теперь-де русские книги тут не нужны!), а самому мастеру посоветовал заняться хлебопашеством. Даже деревню подарил — «на упокоение мое»!

Предложение гетмана печатник не принял, говоря: «Неудобно ми бе ралом ниже семен сеянием время живота своего съкращати, но имам убо въместо рала художество наручных дел съсуды, въместо же житных семен духовная семена по вселенной разсевати».

Покинув Заблудово, Федоров в конце 1572 года направился на Украину, в «преименитый град» Львов.

Львов той поры представлял собой большой, живописный город, крупный центр разнообразных ремесел, торговли и культуры Западной Украины, надолго подпавшей под власть польской короны. Львовские оружейники, литейщики, ювелиры, художники, шорники, слесаря своим высоким мастерством снискали себе добрую славу во всем государстве и далеко за его пределами. Продавать свои товары в Львов съезжались купцы не только из различных центров Польши, но и из многих соседних земель. В свою очередь, местное купечество хорошо освоило прибыльные торговые пути в Литву, Московию, Крым, Венгрию, Чехию, германские княжества.

Легко представить, с каким интересом после довольно тихого Заблудова ходил русский первопечатник по шумным, многолюдным улицам этого города. Остановливаясь перед цеховыми и торговыми вывесками, с удовлетворением отмечал работу умелых, талантливых мастеров, прикидывал, какую пользу может сослужить его будущему делу

бесценный опыт тех, кто так великолепно работает с металлом, деревом, кожей...

Ко времени приезда Федорова во Львов своей типографии город еще не имел. Однако книгу тут любили и высоко ценили. И украинскую рукописную, и привозную печатную, доставлявшуюся сюда из многих типографий Европы.

Большим умением славились львовские переплетчики. Среди известных художников-иллюминаторов было немало русских и украинцев.

Таким образом, необходимые материальные и духовные предпосылки для возникновения книгопечатания во Львове вполне созрели. Особую потребность в печатной книге испытывало православное русское, украинское, белорусское население, видевшее в ней прочную опору в нарастающей борьбе с феодально-католической экспансией Ватикана. И такая книга вскоре родилась.

Поселившись в доме, что стоял в самом начале Краковской улицы, и освоившись в незнакомом городе, Иван Федоров начал хлопоты об открытии типографии. Для строительства новых печатных станков, изготовления шрифтов, закупки металла, бумаги, переплетных материалов, красок требовались немалые средства. Их не хватало. Пришлось обратиться к богатым горожанам («сердечно каплющими слезами ноги их омывах»), но необходимой поддержки не получил. Помощь пришла от «людей малых и не славных», то есть от простых, не именитых украинских кустарей-ремесленников.

В январе 1573 года имя русского первотипографа Ивана Федорова Москвитина впервые упоминается в львовских документах, а 25 февраля он уже начинает печатать второе (после Москвы) издание «Апостола». 15 февраля 1574 года книга вышла в свет. Ныне федоровский «Апостол» 1574 года по праву считается первой точно датированной украинской печатной книгой.

Подробное общее описание, характеристику состава, языка, художественного убранства львовского «Апостола» (как, впрочем, и многих других изданий Федорова) дает в своей книге «Начало книгопечатания на Украине» Е. Л. Немировский. Я позволю себе подчеркнуть лишь два момента.

Первое: львовский «Апостол» Ивана Федорова не просто повторял московское издание, а заметно отличался от него безусловно большим художественным совершенством. Книгу украшают 3 полосные гравюры, 51 заставка, 47 концовок и 23 гравированные буквы. Многие детали орнаментального оформления книги были изготовлены здесь заново.

И второе: именно в львовском «Апостоле» помещено знаменитое послесловие Ивана Федорова, рисующее обстоятельства создания первой государственной типографии в Москве в 1563 году, рассказывающее о тех преследованиях, которым он и его товарищи подвергались на родине, о работе у гетмана Ходкевича в Великом княжестве Литовском, о возобновлении книгоиздания во Львове. Написанное живо и страстно, оно стало поистине бесценным памятником русской словесности, позволяющим не только лучше представить эпоху рождения русской и украинской печатной книги, но и ближе увидеть и понять сам образ первопечатника, его высокий гражданский подвиг.

Одновременно с изданием «Апостола» шла работа над составлением и выпуском «Азбуки» — первого славянского учебника кирилловского шрифта. Вышла «Азбука» в том же, 1574 году.

Забота о просвещении родного народа была одной из главных задач, которые ставил перед собой русский первопечатник. Достаточно вспомнить выпущенный еще в московской типографии «Часовник», использовавшийся для обучения детей грамоте.

А Б В Г Д Е Ё
Ж З И К Л М Н О П Ф
Р С Т У Ф Ц Ш Щ
Ъ Ы Ь Ъ Ё Ю
Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ
Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ
Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ
Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ
Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ

Начальный лист «Азбуки» Ивана Федорова издания 1574 года.

Дело обучения юношества требовало создания специальной учебной литературы. Понимая это, Федоров взялся за разработку и составление первого такого учебника. Его «Азбука», тщательно продуманная как с дидактической, так и методической стороны, знакомила с русским алфавитом, учила составлять слоги и слова, большое внимание уделяла навыкам правильного чтения и письма.

«Приложи сердце твое к научению,— обращался Федоров к своим юным читателям.— Да внидет к научению сердце твое и уши к словесам разума. Не сотвори насилия убогому, понеж убог есть. Не дотыкайся межей чужих и на поле сироты не вступай». «Провозвестником гуманной педагогики» назвал Ивана Федорова академик М. Н. Тихомиров, и, как видим, это совершенно справедливо!

О стремлении Ивана Федорова и дальше продолжать работу в интересах просвещения свидетельствует краткое послесловие к «Азбуке». В нем он, ее составитель и издатель, обращаясь к «возлюбленному честному христианскому рускому народу», писал: «...аще сии труды моя благоугодны будут ваши любви примете сия с любовью, а я и о иных писаниях благоугодных с вожделением потрудитися хошу...»

И все-таки жизнь Ивана Федорова в «преименитом граде Львове» складывалась нелегко. Не имея сколько-нибудь серьезной материальной поддержки, он вынужден был то и дело обращаться к кредиторам, закладывать отпечатанные книги и даже оборудование типографии. Долги росли, кредиторы наседали, купцы отказывались продавать русские книги... Как жить дальше?

В это время Львов посетил богатый украинский магнат князь Константин Острожский. Побывав у Федорова и узнав о его положении, он предложил московскому друкарю переехать к нему в город Острог и продолжить свою работу там. Надеясь с помощью богатого покровителя поправить свое финансовое положение, печатник согласился. Осенью

1576 года он перебрался к нему на Волынь. Здесь с 1578 по 1581 год он выпускает пять книг, в том числе новое издание «Азбуки» и знаменитую Острожскую Библию 1581 года. Библия, выпущенная в Остроге,— самое выдающееся достижение славянской старопечатной книжности, выдвинувшее имя Ивана Федорова в один ряд с крупнейшими мастерами книгопечатания.

Книга вышла значительным по тому времени тиражом — более тысячи экземпляров — и получила широкую известность не только на Украине и в России, но и во многих странах Европы. Экземпляры ее и сегодня имеются в хранилищах Болгарии, Польши, Югославии, Чехословакии, Италии, Англии, Швеции, США...

«Острожская Библия,— пишет Е. Л. Немировский,— сыграла исключительно большую роль в истории культуры восточнославянских народов. В свое время она явилась для Запада своеобразным свидетельством идеологической и нравственной зрелости русских, украинцев, белорусов. Перевод Библии на национальный язык и издание ее на этом языке говорили о росте национального самосознания, укреплении позиций родного языка в его извечной борьбе с латинизмом католической экспансии».

Хотя во времена Ивана Федорова католическая реакция еще только набирала силу, наступление ее чувствовалось во всем, там и тут оно переходило в ожесточенное преследование всего русского, славянского, православного. Так, например, один из влиятельных польских иезуитов в это время призывал: «Какой же язык славянский?.. Всему свету известно, наука преподается лишь на латинском языке, как прежде преподавалась на греческом. Не было в мире ни академий, ни коллегий, где бы науки, например философию или богословие, излагали на славянском языке. Итак, чего ждать тебе, западнорусский народ! Брось... москалей, от них не будет добра, и обратись к Риму!»

Иезуиты утверждали также: «Со славянского языка

нигде и никто ученым быть не может». А в это время «Азбуки» Федорова уже тысячами ходили по рукам и рассева-ли в народе неистребимые «духовные семена».

Иезуиты упрекали русских и украинцев: «Между вами и не слышно о тех, кто бы греческий язык — и старый и новый знали!», а Иван Федоров печатал в своих книгах параллельные славянские и греческие тексты и гордо именовал себя «типографом греческим и славянским».

Острожский период в издательской деятельности Ивана Федорова был самым плодотворным, однако также весьма непродолжительным. После завершения работы над Острожской Библией он вновь переселяется в Львов, связей с которым не прерывал и в годы службы у князя.

Что же произошло, что остановило так успешно начатое дело?

Достоверных сведений на этот счет мы пока не имеем. Одни исследователи видят причину разрыва в том, что, несмотря на свое сказочное богатство (во владении К. Острожского находилось 100 городов, 1300 сел, 10 монастырей и около двух миллионов моргов земельных угодий!), князь оказался «не таким уж щедрым меценатом», тяготился большими расходами на друкерню, затевал ссоры при дележе и продаже напечатанных в ней книг и т. д.

Другие ищут «действительные» причины прекращения деятельности острожской типографии прежде всего в политическом облике князя Острожского, в его идейной непоследовательности, излишнем тщеславии и беспринципности. В пору острой идеологической борьбы против усилившихся происков иезуитов и наступления католической реакции князь открыто поддерживал дружеские отношения с униатами и иезуитами, при его дворе большим влиянием пользовалась проримская группировка. Более того, сам он весьма спокойно воспринял проект иезуитов от-

крыть типографию, в которой бы кирилловским шрифтом печатались сочинения, пропагандирующие идеи униатства и католицизма.

И в самом деле, не тут ли кроется главная причина расхождения Федорова со своим недавним покровителем? Деньги, большие расходы, личная скупость? Вряд ли все это было серьезно, ведь не скупился же князь Острожский платить своему маршалу двора по 70 тысяч злотых в год и содержать две тысячи придворных!

Как бы то ни было, но в основе конфликта лежали скорее всего причины глубокие, идейные. Служить человеку, находящемуся в дружбе с его идейными противниками, заигрывающему с самим Римом, Иван Федоров, естественно, не мог.

Во Львов он вернулся с намерением открыть большую, хорошо оборудованную типографию, чтоб еще более щедро сеять в сердцах драгоценные «духовные семена». Однако средств не хватало. Небольшая львовская типография еще доострожского периода была заложена и пока не выкуплена. Немало денег роздано в долг, но вернуть их не так-то просто...

Где взять денег? Снова кланяться богатым и власть имущим? Заработать на каком-то другом деле?

Предложили отлить для города Кракова малую войсковую пушку — не отказался, принял заказ, заработал 136 злотых.

Где взять еще? Очевидно, во время работы над этой пушкой у Федорова окончательно созрел давно вынашивавшийся (вероятно, еще со времен Москвы) проект создания не обычных, а новых, до того невиданных многоствольных орудий. Этим проектом можно было бы заинтересовать многих. Жаль, Москва далека, а польский король — ее давний убежденный противник. Иное дело — Вена! У императора Рудольфа Второго, говорят, хорошие отношения с русским царем Иваном Васильевичем. Не постучаться ли

с этим проектом к нему, тем более что его родине, Московии, худа от этого не будет?..

Да, русский и украинский первопечатник был не только большим патриотом и просветителем, но и талантливым изобретателем, человеком разносторонних знаний и разнообразных дарований. К нему вполне можно отнести характеристику, данную Ф. Энгельсом выдающимся деятелям эпохи Возрождения, «которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености».

Почему мы говорим об этом с такой уверенностью? И откуда знаем о его проектах создания новой артиллерии?

В 1964 году в архиве Саксонии был неожиданно обнаружен документ чрезвычайной важности: письмо, адресованное саксонскому курфюрсту Августу. Под ним подпись — «Иван Федорович Москвитин, типограф греческий и славянский». Дата — 23 июля 1583 года. «Написано в Вене...»

Каким образом Федоров оказался в Вене? И почему из Вены он пишет саксонскому курфюрсту в Дрезден?

Чтобы ответить на эти вопросы, вернемся на время в оставленный Федоровым Острог. Заигрывание князя Константина Острожского с Римом зашло так далеко, что он решил послать в помощь мастерам Ватикана своего «очень знающего типографа», который помог бы им изготовить хороший кирилловский шрифт для печатания католических книг, рассчитанных на православное население Польши и Литвы.

Кто он, этот «очень знающий типограф»?

После ухода Федорова другого такого у князя не было. Выходит, Федоров? И он принял это поручение, не отказался? Выходит, да. Вернее — не смог отказаться, связанный какими-то обязательствами, а возможно, и усло-

виями договора, срок действия которого тогда еще не истек...

Получив деньги на дорогу, Иван Федоров выехал в Рим. В Рим, к папе, он, правда, не торопился. Зато в Вену спешил. Если император купит его проект, это даст ему полную экономическую независимость от князя Острожского; на полученные таким образом деньги он оборудует превосходную типографию, закупит массу материалов, наймет самых хороших помощников — и работа, наконец, пойдет так, как ему пока только мечтается...

Летом 1583 года Иван Федоров прибывает в Вену. Долго и настойчиво добивается он аудиенции у императора, на последние деньги строит образец одного своего орудия, предлагает свои услуги, ставит условия...

Встреча с императором и осмотр образца, наконец, состоялись. Но изобретателю это ничего не дало. Венский двор с интересом выслушал Федорова, попытался вывести секреты пользования его необычной пушкой, но условий, выдвинутых им, не принял.

Что оставалось делать дальше? Сведущие люди подсказали — пусть русский изобретатель попробует предложить свое изобретение курфюрсту Саксонии.

Прежде чем отправиться в Дрезден, Федоров пишет курфюрсту Августу письмо. Вот оно, пролежавшее в тайном архиве Саксонии без малого четыре века:

«Светлейший, всемогущественнейший и августейший князь,
достоинейший и мудрейший электор
Священной Римской империи,
дважды милосерднейший государь...

Многие превосходные знатоки военного искусства, как практики, так и теоретики... благорассудным уговором склонили меня, недостойного, к тому, что я осмеливаюсь писать Вашему светлейшему Величеству. Покоренные славой Вашего светлейшего Величества, сияние которой рас-

пространяется по всему миру, они своими словами побудили меня написать это письмо.

Молва гласит, что Ваше светлейшее Величество великодушен в своей благосклонности не только к тем, кто создал основы военного искусства, но также и к тем, кто хорошо владеет этим искусством. С божьей помощью я долгие годы и много занимался такой военной практикой, а посему я решил ниспосланные мне богом дары в этой области изложить перед Вашим светлейшим Величеством не на словах, а на деле.

Пусть вольно мне будет откровенно признаться, что, поразмыслив и не щадя сил своих, я прибыл из далекого края в Вену, чтобы представить способ практического использования изобретения, которого до сих пор никто из людей не видел, но некоторые вводили меня в заблуждение одними только посулами и одной только надеждой на выгоду, никакой платы не обещая, хотя и старались подсмотреть и раскрыть мое изобретение. Я решил, что лучше вернуться домой, нежели столь важное для каждой провинции и для каждого государства изобретение выявить всем, без всякой для этого личной пользы. Коль скоро я узнал, однако, что Ваше светлейшее Величество благоволит к таким людям (к которым я принадлежу), я решил в этом письме мое изобретение изложить и описать его красноречиво.

Итак, когда я, о светлейший и достойнейший князь... прибыл к Вашему императорскому Величеству с моим изобретением, которое позволяет из отдельных частей составлять пушки, кои разрушают и уничтожают самые большие крепости и хорошо укрепленные поселения, меньшие же объекты взрывают в воздух, разносят на все стороны и сравнивают с землей,— я уже тогда на собственные деньги изготовил одну такого рода сложенную из частей пушку. Вес ее составляет три гири, которые называют центнерами. Этот образец пушки осматривали Его импера-

торское Величество, а также эрцгерцоги, и они очень хвалили его. Когда же они хотели разузнать секрет обращения с ней и сущность ее действия, я был готов открыть им секрет моего изобретения, поставив им определенные условия, на которые они не согласились. Поскольку не было достигнуто такое соглашение, которое удовлетворило бы мои требования, я решил прибыть к Вам, Ваше Величество, и предложить мое секретное изобретение, послав сначала сие письмо, если перед тем получу милостивый и положительный ответ от Вашего светлейшего Величества.

Итак, я владею искусством изготовления складных пушек. Оно заключается в том,— я не буду занимать времени Вашего Величества перечислением подробностей,— что каждую без исключения такого рода пушку, практическое назначение которой зависит от ее размеров, можно разбирать на отдельные, строго определенные составные части, а именно на пятьдесят, сто и даже, если потребуются, на двести частей, в зависимости от установленной величины и калибра каждой пушки.

Ежели бы такого рода орудие собирать и монтировать в безопасном и удобном месте, и ежели войско будет иметь его с собой в походе, чтобы разрушить или взять какую-то крепость либо завоевать государство, то части или частицы такой пушки, пригодной для стрельбы, можно доделать и восполнить до числа пятидесяти за три дня и три ночи. Ежели бы, однако, такая пушка по какой-либо внезапной причине разорвалась, то только одна ее часть может быть повреждена, а не все орудие. Но такую малую составную часть можно доделать и присоединить за один день, конечно, если есть для этого необходимый опыт и знание. На обратном пути после победы над врагом можно такие пушки опять разобрать на части. Но если бы нужна была большая и неприятель очень теснил, то такого рода пушки за один день можно разобрать на части и разместить их отдельно. Кроме того, для подвоза и проверки

такого орудия не требуются ни ящики, ни повозки на колесах, укрепленных железом. Стало быть, их можно легко привести в действие как на колесах, так и без колес.

При всем этом, милостивый князь, я сделал изобретение в деле ручных бомбард. Сто моих бомбард могут причинить неприятелю столько же вреда, сколько четыреста (используемых до сих пор). Я могу доказать это (на опыте) Вашему светлейшему Величеству. Поэтому, прочитав внимательно мое письмо, соблаговолите, Ваше светлейшее Величество, не пренебречь моими услугами, но рассмотреть их и изучить...

Написано в Вене 23 июля 1583 года.

Вашего светлейшего Величества
покорный слуга

Иван Федорович Москвитин
Типограф греческий и славянский».

Встретился ли Федоров с курфюрстом Августом, побывал ли в Дрездене, нам неизвестно. В Рим он так и не попал и вскоре, вероятно, ни с чем вернулся в Львов. Все мечты его, похоже, рухнули. Тяжело заболев, в начале декабря того же, 1583 года он скончался.

Ни с многоствольными разборными орудиями, ни с ручными бомбардами у него ничего не вышло. Правда, через несколько лет аналогичное оружие появилось в Московском государстве. Некоторые исследователи допускают, что перед смертью Иван Федоров мог найти какой-то способ переправить свои чертежи на родину. Возможно, это и не так, слава великого русского и украинского первопечатника от этого нисколько не потускнеет.

Иван Федоров и без того оставил после себя достаточно, чтобы мы и сегодня помнили о нем, как о выдающемся сыне своего народа. Это — его книги. Это — его замечательный жизненный подвиг.

То, что напечатано Иваном Федоровым, стоит в одном

ряду с европейскими всемирно известными изданиями немца Иоганна Гутенберга, венецианца Альда Мануция, французов Этьеннов, голландцев Эльзевиров, белоруса Франциска Скорины и других.

Сподвижники и друзья похоронили Федорова в Онуфриевском монастыре Львова и возложили на его могилу скромную каменную плиту с выбитыми на ней словами: «Друкаръ книг пред тым невиданных». Таким он и остался в благодарной памяти славянских народов.

Большую часть своей жизни Иван Федоров провел вдали от родины, продолжая и на чужбине преданно служить ее кровным интересам. Лишь через 326 лет после смерти вернулся он, наконец, в Москву, вернулся, отлитый в бронзе, теперь уже навсегда.

Мысль о создании памятника Ивану Федорову возникла в 60-х годах прошлого века. Однако выделить необходимые средства на его сооружение царское правительство отказалось. Пришлось обратиться к народу, к «людям малым и не славным», которые всегда выручали Федорова в трудную минуту.

Ровно тридцать лет собирались пожертвования. Так скопилась необходимая сумма — тридцать тысяч рублей. В 1901 году был объявлен конкурс на проект памятника. Лучшим был признан проект С. М. Волнухина, который со временем воплотился в металле.

27 сентября 1909 года Москва встречала своего великого сына. Встречала радостно, но «без права произношения речей», под строгим присмотром полиции, уже отвыкшей после революционного 1905 года от такого волнующего скопления людей...

Бронзовый Иван Федоров — в самом центре Москвы. В простом широкополом кафтане, с кожаным ремешком, аккуратно подвязавшим длинные седые волосы мастера, со свежим оттиском для новой книги в руке...

Он — весь в работе. Как и всю свою жизнь.

З з э.	Ц ц
І і і	Ч ч
К к к	Ш ш ш
Л л л	Щ щ щ
М м м	Ъ ъ ъ
Н н н	Ы ы ы
О о о	Ь ь ь
П п п	Ѣ ѣ ѣ
Р р р	Ѥ ѥ ѥ

[1]

ИЗЪОБРАЖЕНІЕ АРХИЕПИСКОПА ИНОМАШЕ ПЕРВАГО СЛАВЯНОСЛОВИТЕЛЯ
 КИРИЛЛА ПЕРВОГО СЛАВЯНОСЛОВИТЕЛЯ
 ПЛАТОНА И ПЕРВОСЛАВЯНОСЛОВИТЕЛЯ

1
2,
3
7
5;6

А а а а а а а	Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ
Б б б б б б б	Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ Ѣ
В в в в в в в	Ѥ Ѥ Ѥ Ѥ Ѥ Ѥ Ѥ
Г г г г г г г	Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ
Д д д д д д д	Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ Ѩ
Е е е е е е е	Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ Ѫ
Ж ж ж ж ж ж ж	Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ Ѭ
Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ	Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ Ѯ

КНИГА В РОССИИ

10

После Ивана Федорова.

Через препоны реакции.

„Марксизм... Россия поистине выстрадала“.

REVUE DE DÉVELOPPEMENT SOCIAL, POLITIQUE ET ÉCONOMIQUE

L'ÉTOILE POLAIRE

REVUE
SCANDINAVE
PARAITRA LE MOIS DE...

КОЛОКОЛ

(LA CLOCHE)

REVUE DU DEVELOPPEMENT SOCIAL, POLITIQUE ET ÉCONOMIQUE EN RUSSIE.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ ВОЗМЪНЪ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ

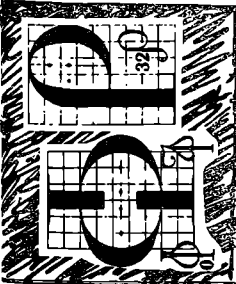
ИЗДАНИЕ

Второе издание

Съ приложением портрета Павла Федосеевича
въ 2-мъ изданіи въ 1799

LONDON

TRUBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW
1869

Когда Иван Федоров уехал из Москвы, работу по печатанию книг там продолжили Никифор Тарасиев, Андроник Невежа, Иван Невежин, Алексей Невежин, Никита Фофанов и другие. Их усердием и настойчивостью печатная книга постепенно утверждает себя в жизни. Правда, до конца XVI века в Московском государстве появилось всего 18 названий книг. Мало, до обидного мало по сравнению со странами Западной Европы! Да и тиражи их были тоже весьма скромными: как правило, не превышали одной тысячи экземпляров.

Новые, более смелые шаги сделало русское книгопечатание в XVII веке. В это время, кроме Москвы, книги выпускались уже и в некоторых других городах государства. Интересы школьного образования потребовали значительного количества учебной литературы. Так, в 1634 году выходит «Азбука» Василия Бурцева, в середине века — «Грамматика славянская» Мелетия Смотрицкого, в 1694 году — «Букварь» Кариона Истомина, в 1703 году — знаменитая «Арифметика» Леонтия Магницкого...

В XVII веке сложился даже определенный церемониал печатания книги. Начало работы и ее окончание обставлялись особенно торжественно, нередко отмечались молебнами. Часть тиража изготовлялась из самых лучших материалов и роскошно оформлялась. Эти экземпляры преподносились в дар царю, патриарху, членам царской семьи. Остальные книги рядового исполнения распределялись между церквями и монастырями. Если издание носило богослужебный характер, то для свободной продажи прак-

тически ничего не оставалось. Если же книга была светской, а тем более учебной, то в продажу поступал почти весь ее тираж.

Несмотря на тяжкие пути самодержавно-крепостнического строя, печатная книга шаг за шагом укрепляла свои позиции в культурной жизни русского общества. В XVIII веке, особенно после прогрессивных петровских реформ, в стране начинают широко издаваться книги научные, технические, политические, военные, художественные, учебные. Возникает периодическая печать. С 1708 по 1725 год в России было выпущено книг больше, чем за 150 лет, прошедшие со времени «Апостола» Ивана Федорова.

«Далеко не все изданное,— справедливо отмечает в книге «Октябрь и книга» А. И. Назаров,— отвечало общественным потребностям и приносило людям пользу. Но уже на самом начальном этапе отечественное книгопечатание внесло немалую лепту в общее дело русского просвещения, как бы узко оно ни понималось в дворянских и церковных кругах. В дальнейшем число важных и полезных книг росло прямо пропорционально социальному, экономическому и культурному развитию общества... XVIII век — век рождения гражданской печати — дал стране сотни книг, составивших славу и гордость русской культуры — от изданий периода петровских реформ до исторических публикаций отца русской науки М. В. Ломоносова, от многочисленных изданий подвижника книги Н. И. Новикова до выхода в свет знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева — первого революционного произведения России».

В 1725 году в Петербурге была основана Академия наук, при которой уже в 1727 году была открыта типография, печатавшая книги не только на русском, но и на многих иностранных языках. В 60-х годах XVIII века академическая типография располагала 158 наборными кассами. Многие издания российской Академии выполнены на са-

мом высоком уровне. Не случайно же типография считала одной из основных своих задач «постоянно стараться о том, чтобы вполне соответствовать требованиям времени и всегда стоять на уровне с новейшими успехами типографского искусства».

В 1755 году в Москве открывается университет, а при нем — типография и книжная лавка. Целые десятилетия наука, просвещение, книгоиздательское дело в стране развивались под благотворным влиянием великого русского ученого и просветителя Михаила Васильевича Ломоносова. В России выходят книги по математике, астрономии, физике, биологии, географии, истории, языкознанию, произведения художественной литературы. Достаточно вспомнить такие фундаментальные издания, как, например, «Описание земли Камчатки» С. Крашенинникова, «Флора Сибири» И. Гмелина, «Описание Сибирского царства» Г. Миллера, 6-томный Толковый словарь русского языка, Собрание сочинений М. В. Ломоносова, «Атлас Российской империи» и многие другие.

Переводятся и издаются отдельные произведения французских просветителей — Вольтера, Руссо, Гельвеция. В условиях начавшегося разложения дворянско-крепостнического строя они несли в среду передовых русских людей идеи свободомыслия и просвещения.

Развивалось книгопечатание и у других народов нашей страны. На Украине после Ивана Федорова книги продолжали издаваться во Львове. В 1616 году возникла типография Киево-Печерской лавры. После воссоединения Украины с Россией крупная типография открылась в Харькове. Наряду с церковными получили распространение научные, учебные и художественные книги.

В Белоруссии и Литве благородное дело Франциска Скорины, Ивана Федорова и Петра Мстиславца продолжали новые поколения печатников.

Крупным центром книгопечатания стала столица Литвы

город Вильно. Книги здесь выходили на латинском, греческом, итальянском, немецком, польском, славянском языках. Первые литовские книги появились в конце XVI века.

В 1525 году в Германии была напечатана первая книга на латышском языке. Издания на латышском языке осуществлялись затем в Кенигсберге и Вильно. В самой Латвии книги на родном языке возникли значительно позднее. Рижский печатник Николай Моллин выпустил за 1588 — 1625 годы 178 названий книг, из них 3 — на латышском языке.

В Эстонии, как и в Латвии, первые печатные книги были привозными. Первая собственная книга выпущена типографией Дерптского университета в 1631 году. В 1733 году открылась еще одна типография — при гимназии в Таллине. На счету у этих двух типографий значительное количество разнообразной литературы.

Нелегко складывалась история книгопечатания у народов Закавказья, чья культура и письменность уходят в глубокую древность. В 1512 году в Венеции, в типографии Акопа Мегартта, создается первая книга на армянском языке. Долгое время — в XVI — XVIII веках — армянские книги издавались в основном в Западной Европе — в Риме, Венеции, Милане, Амстердаме и других центрах книгопечатания. В 1771 году Симон Ереванци открывает типографию в самой Армении. Но просуществовала она недолго — нашествие персидских и турецких завоевателей, огнем и мечом обрушившихся на многострадальную армянскую землю, навсегда прекратило ее деятельность.

В 1781 году армянская типография возникает в Петербурге. Книги на армянском языке начинают печататься также в Астрахани и Нахичевани.

Аналогична история зарождения книгопечатания в Грузии. Первая книга на грузинском языке вышла в 1629 году в Риме. С 1705 года грузинские книги начинают издаваться в России — сначала в Москве, а затем и в Петербурге.

В 1737 году в Москве создается специальная грузинская типография; значительное количество книг на грузинском языке выпустила российская Академия наук.

Печатались книги и в самой Грузии, но в 1795 году, во время разгрома персидскими завоевателями города Тбилиси, типография сгорела. Новая грузинская типография открылась лишь в 1815 году в Кутаиси.

Сложные исторические судьбы народов Азербайджана и Средней Азии отразились и на их книжном деле. Книгопечатание здесь возникло только в XIX веке. По-прежнему широкое распространение имели рукописные книги, многие из которых мы сегодня с полным правом относим к шедеврам мирового рукописного книжного искусства.

Через препоны реакции

С самого начала, в отличие от стран Западной Европы, книгопечатание в России полностью находилось в руках государства. Лишь позднее стали появляться первые частные типографии. Частная книгоиздательская деятельность началась в России в последней четверти XVIII века, особенно после опубликования правительственного указа 1783 года «О вольных типографиях».

Выдающимся деятелем этого времени, великим писателем-гуманистом и «первым революционером» был Александр Николаевич Радищев (1749—1802). Этот яркий, мужественный, непреклонный человек всегда был мне как-то по-особенному близок и дорог. Его поразительное «Путешествие из Петербурга в Москву» потрясло меня еще в юности. К нему я не раз возвращался и потом. Восхищался его честным, бесстрашным словом, преклонялся перед его суровой и мученической судьбой.

И вот снова на моем рабочем столе бессмертные книги Александра Радищева. Рядом с ними — другие, рассказы-

вающие о нем самом, о его беспрецедентном жизненном подвиге, о его жестокой эпохе. Их много, и каждая открывает мне Радищева как бы заново. И я благодарен им за это.

...Александр Николаевич Радищев родился в 1749 году в московской дворянской семье. Учился в Петербургском пажеском корпусе, а в 1766 году был послан Екатериной Второй в Лейпцигский университет для «изучения юридических наук».

Находясь за границей, студент Радищев изучал не только курс наук, но и... труды французских просветителей — Гельвеция, Руссо, Мабли. Влияние их идей на молодого россиянина было огромно. Оно во многом определило всю его дальнейшую жизнь.

Вернувшись на родину и получив чин титулярного советника, Радищев начинает службу в Сенате. Но служба не удовлетворяет его, он настойчиво ищет применения своих сил в общественно-политической борьбе. Для начала берется за перевод одного из трудов Мабли. Конечно же, выбор Радищева не был случаен, ведь Мабли был уже известен ему как ярый враг «просвещенного» абсолютизма, утверждавшегося и в екатерининской России.

В 1773 году книга Мабли в переводе Радищева выходит в новиковском «Обществе, старающемся о напечатании книг». В примечании, которым переводчик снабдил произведение французского гуманиста, русский читатель мог прочесть такие бесстрашные слова: «Самодержавство — есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». В одной этой фразе — весь Радищев с его гневным протестом против крепостнического рабства и решительным отрицанием любого абсолютизма. С его горячей убежденностью и готовностью к борьбе.

Следующая работа Радищева — также перевод, на этот раз с немецкого: «Офицерские упражнения». Само название говорит о том, что книга носит чисто военный характер.

Кстати, и сам Радищев в это время был занят на военной службе. Издало книгу то же общество Н. И. Новикова.

В эти годы Россию сотрясает мощное антифеодальное, антикрепостническое восстание под руководством Е. И. Пугачева. Временное смятение императорского двора сменяется жестокой расправой над вождями и участниками Крестьянской войны. Радищев отреагировал на это по-своему: он оставил службу в армии и ушел в отставку.

Последующие события, развернувшиеся за пределами России, — война за независимость в Северной Америке и Великая французская революция — также не прошли для него бесследно. В произведениях этих лет («Письмо к другу, жителюствующему в Тобольске», ода «Вольность», «Путешествие из Петербурга в Москву» и др.) он открыто разоблачает своекорыстие и антинародный характер царизма, пророчески предрекает и приветствует будущую народную революцию в России...

Революция во Франции заставляет Радищева задуматься о более решительных способах борьбы. Написанное за все последние годы лежит в черновиках, не опубликованным. Искать издателя бесполезно, даже Николай Иванович Новиков не возьмется, что уж тут говорить о других. Разве что попробовать самому? Приобрести печатный станок, установить его прямо в доме, нанять нескольких рабочих...

Полный вдохновения и решимости, Радищев приступает к главному делу своей жизни. Типография создана и уже работает. Одна за другой выходят его книги — «Жизнь Федора Васильевича Ушакова...», «Письмо к другу». В январе 1790 года начинается печататься «Путешествие из Петербурга в Москву», в котором автор, рискуя головой, восстановил все места, выброшенные цензурой. «Вырезала» же она ни много, ни мало, а больше половины всей рукописи...

Появление этой книги произвело в столичном обществе

впечатление разорвавшейся бомбы. Екатерина Вторая затребовала для прочтения все написанное Радищевым и пришла в неопишемую ярость. Автор «Путешествия» (он же и издатель) был немедленно арестован, а книги его уничтожены. В «Именном указе, данном Сенату о наказании коллежского советника Радищева», последовавшем 4 сентября 1790 года, отмечалось, что эта книга «...наполнена самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умоляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование противу начальников и начальства и, наконец, оскорбительными и неистовыми изречениями противу сана и власти царской...»

Екатерина Вторая, давно сбросившая лживую маску «просвещенной» правительницы, и ее верные судьи правильно поняли отчаянный замысел революционера. Верно оценили они и ту смертельную для себя опасность, которая была заключена в этой небольшой книге. А посему «...за такое его преступление осужден он Палатою уголовных дел СПб-ской губернии, а потом и Сенатом нашим, на основании государственных узаконений, к смертной казни».

Известно, как трагически сложилась жизнь Радищева после этого: он был «помилован» и на долгие годы отправлен в Сибирь. Но все ли знают, какие муки и гонения выпали также на долю его бессмертного «Путешествия...»? Эту книгу жгли на кострах, перемалывали в бумажную массу на бумагоделательных фабриках, издавали за границей и тайно засылали в Россию. У одних она воспитывала мужество и убежденность революционера, других же более столетия держала в постоянном страхе перед ее неистовой взрывоопасной силой. Прочтите об этом в замечательных «Рассказах о книгах» Н. П. Смирнова-Сокольского, и, уверен, вы откроете для себя это произведение заново. А вместе с ним и одну из героических страниц отечественного книгопечатания.

Великим современником Радищева был известный русский просветитель, писатель, издатель и книготорговец Николай Иванович Новиков (1744—1818). А. И. Герцен называл его «подпольным идейным руководителем» передовой части русского общества, а В. Г. Белинский писал о нем, как о «необыкновенном и, смею сказать, великом человеке».

Свою издательскую деятельность Новиков начал в 1769 году в Петербурге выпуском сатирического журнала «Трутень», направленного против крепостнических порядков, царящих в России. Молодой издатель так смело и открыто полемизировал с Екатериной Второй, что через год журнал по ее распоряжению был закрыт. Следующий журнал «Пустомеля» просуществовал всего два месяца. Сменивший его «Живописец» — менее года...

Наряду с журналами Новиков выпускает и книги, в том числе крупные многотомные издания. В 1773 году он создает «Общество, старающееся о напечатании книг», вокруг которого собираются ведущие литературные и научные силы того времени. Именно к нему, к Новикову, как мы уже упоминали, принес свою первую переводную книгу Радищев.

Из-за гонений правительства, хорошо осведомленного о характере деятельности Новикова, он вынужден был покинуть Петербург и обосноваться в Москве. Здесь-то по-настоящему и развернулась его грандиозная работа. Создав мощную по тому времени «Типографическую компанию» с общим капиталом, превышающим миллион рублей золотом, он приступил к массовому выпуску самой разнообразной научной, учебной, художественной, социально-политической и другой литературы.

Читателями новиковских изданий были не только просвещенные дворяне, но и мещане, грамотные купцы, ремесленники. Тем более что книги «Типографической компании» были сравнительно недорогими, общедоступными.

Для торговли ими открываются книжные магазины в Петербурге, Москве, Смоленске, Туле, Казани, Архангельске, Вологде и других крупных городах. Доставлялись книги также по почте.

Деятельность Новикова носила ярко выраженный демократический, антикрепостнический, просветительский характер. Среди его изданий — сборники русских песен, пословиц, сказок, учебники, справочно-энциклопедические издания, переводная литература. В числе переводных сочинений — знаменитая книга Ж. Руссо «Рассуждение о причинах, начале и основании неравенства между людьми», идеи которой стали оружием и знаменем Великой французской революции.

В 1792 году распоряжением Екатерины Второй Николай Иванович Новиков был арестован и осужден к «нешадной казни». Впрочем, «просвещенная государыня» до виселицы дело не довела: пусть вся Европа видит, какая она мягкосердная и либеральная! Да и зачем беспрерывно лишать человека живота его, если на долгие годы можно замуровать в каменные казематы? И Новикова отправили в Шлиссельбургскую крепость! Сроком на пятнадцать лет!..

Посыпались гонения также на многих сподвижников и учеников Новикова, даже на тех, кто просто торговал книгами его «Типографической компании». Подверглись преследованиям и другие прогрессивные издатели России.

Напуганная буржуазной революцией во Франции и ростом классовой борьбы внутри государства, реакция в России набирала силу. В 1796 году отменяется указ «О вольных типографиях». Вводится жестокая цензура, в страхе перед революционной «заразой» запрещается ввоз иностранных книг. Взошедший на престол император Павел I мечтает уже о том, чтобы вообще запретить книгопечатание в стране.

Новые репрессии обрушились на прогрессивную русскую книгу после восстания декабристов и буржуазных

революций, прокатившихся по странам Европы в 1830 и 1848 годах...

Таким образом, книгоиздательская деятельность в России то оживлялась, то, обескровленная противником, надолго затухала, чтобы затем, в более благоприятных условиях, активизироваться вновь. Прогрессивная научная и революционно-демократическая книга утверждала себя в острой борьбе с реакционной идеологией существующего режима, с произволом властей и цензуры. И потому, говоря о русском книгопечатании XIX века, мы не только вспоминаем «чугунный» цензурный устав 1826 года или злобный цензурный террор так называемого «Бутурлинского комитета», но и с благодарностью произносим светлые для каждого из нас имена Пушкина и Белинского, Герцена и Огарева, Чернышевского и Добролюбова, Некрасова и Салтыкова-Щедрина, Чехова и Толстого, Лобачевского и Бутлерова, Менделеева и Пирогова, Павлова и Мечникова, Ключевского и Даля.

Каждое имя в этом блестящем списке (его можно увеличить в десятки раз!) ярко свидетельствует о тех непреходящих ценностях, которыми русский народ обогатил мировую культуру.

Несмотря на серьезные трудности и преследования, отечественное книгопечатание в XIX веке делает новые крупные успехи. Этими успехами оно прежде всего обязано просветительской деятельности целой плеяды передовых книгоиздателей, о чьем благородном служении народу мы вспоминаем и поныне.

Первым среди них по праву следует назвать Александра Филипповича Смирдина (1795—1857), чья деятельность, по словам В. Г. Белинского, составила целый «смирдинский период российской словесности».

Широкий культурный кругозор, честность, отзывчивость, горячая преданность литературе привлекают к нему лучшие силы литературы и искусства страны. В издательстве

А. Ф. Смирдина печатались книги В. А. Жуковского, Г. Р. Державина, И. А. Крылова, Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского и многих других ведущих писателей России.

«У меня есть желание издать полные собрания сочинений всех писателей», — делится он своей мечтой, ради которой не жалел ни средств, ни труда. И действительно, более семидесяти собраний увидели свет в выпускаемой им замечательной серии «Полные собрания сочинений русских авторов», очень популярной среди читателей.

Книги Смирдина — это небольшие по формату томики в дешевом, но изящном оформлении. Для своего времени они имели значительные тиражи, а невысокие цены делали их доступными массовому разночинному читателю.

Помимо книг, Смирдин издавал также альманахи, журналы, вел интенсивную книжную торговлю. Его книжный магазин в Петербурге охотно посещали демократически настроенные писатели, художники, журналисты, общественные деятели. При магазине была организована большая библиотека.

Широкой известностью пользовались книги Маврикия Осиповича Вольфа (1826—1883), начавшего свою издательскую деятельность в середине XIX века. Особую славу принесли ему его серии: «Библиотека знаменитых писателей», «Золотая библиотека», «Карманная хозяйственная библиотека», 20-томное издание «Живописная Россия» и другие.

Одним из передовых людей своего времени был Александр Иванович Герцен (1812—1870). В 1853 году начала действовать созданная им в Лондоне Вольная русская типография. Издаваемые им альманахи «Полярная звезда» и газета «Колокол» знала вся прогрессивная Россия. Через многочисленные преграды и препоны вольное, свободное слово непримиримого врага русского самодер-

жавия проникало в страну, звало к борьбе, воспитывало и вдохновляло целое поколение революционеров.

Известным книгоиздателем и книготорговцем был один из руководителей «Земли и воли» революционный демократ Николай Александрович Серно-Соловьевич (1834—1866). Он организовал в России широкое распространение литературы своей организации. Этой же цели — пропаганде социалистических и материалистических идей — служила и его издательская деятельность. Арестованный вместе с Н. Г. Чернышевским, Н. А. Серно-Соловьевич умер в ссылке в Сибири.

С середины 60-х годов начинают выходить книги в частном издательстве Флорентия Федоровича Павленкова (1839—1900). Выпустив 10-томное собрание сочинений Д. И. Писарева, он навлек на себя гнев царского правительства, был арестован и сослан в Вятскую губернию, где продолжал заниматься издательской деятельностью. Отбыв ссылку и вернувшись в Петербург, Павленков организует широкое издание разнообразной общественно-политической, естественнонаучной и художественной литературы. В числе его изданий — популярные серии «Жизнь замечательных людей», «Библиотека полезных знаний», «Популярно-научная библиотека», «Иллюстрированная сказочная библиотека», работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», сочинения В. Г. Белинского, однотомный «Энциклопедический словарь» и другие. За годы своей издательской деятельности Павленков выпустил 750 названий книг общим тиражом свыше 3,5 миллиона экземпляров, рассчитанных на широкий круг читателей.

Многие годы популярным в небогатых интеллигентных семьях был еженедельный «иллюстрированный журнал для чтения» «Нива». Издавал его Адольф Федорович Маркс (1838—1904). В журнале печатались произведения прогрессивных отечественных и зарубежных писате-

лей, справочный и другой материал. Привлекались талантливые художники. В качестве бесплатных приложений к журналу Маркс организовал выпуск собраний сочинений русских писателей, что делало «Ниву» еще более популярной среди читателей и приносило большие доходы.

Крупное издательство создали в начале 90-х годов XIX века братья Михаил и Сергей Сабашниковы. Большим спросом пользовались выпускаемые ими серии «Памятники мировой литературы», «Пушкинская библиотека», «Русские Пропилеи», «Записи прошлого» и другая общественно-политическая, естественнонаучная и художественная литература.

Издательство Сабашниковых делало полезное для народа дело и после Великой Октябрьской социалистической революции. В 30-х годах оно слилось с издательством «Советский писатель».

Отмена крепостного права ускорила продвижение России по пути капитализма, который проникает и в книгоиздательское дело. В последней четверти XIX века в России возникают и господствуют крупные книгоиздательские фирмы, часто специализирующиеся на выпуске определенных видов литературы, имеющие свои магазины, большие оборотные средства. В доходное книжное дело стал широко проникать иностранный капитал.

Одним из крупнейших предпринимателей в области издательского дела был Иван Дмитриевич Сытин (1851—1934). Выходец из крестьянской семьи, он вначале служил мальчиком в книжной лавке, затем, получив кредит, открыл небольшое производство по изданию лубочных картин. Накопив необходимые средства, Сытин открывает собственную книжную лавку и организует книгоиздательское товарищество «И. Д. Сытин и К°». Тесно сотрудничает с издательством Л. Н. Толстого и В. Г. Черткова, выпускает лубочные картины, буквари, календари, научную, художественную, детскую литературу, энциклопедии,

журнал «Вокруг света», газету «Русское слово» и другие издания.

Опираясь на банковский капитал, товарищество И. Д. Сытина скупило акции издательства А. Ф. Маркса, «Торгового дома Е. И. Коноваловой» и ряда других крупных фирм, превратившись в итоге в крупнейшую книгоиздательскую и книготорговую монополию России. В 1916 году ее торговый оборот превышал 17,5 миллиона рублей. Каждая третья-четвертая книга в России была «сытинской».

После победы Великой Октябрьской социалистической революции все свои предприятия И. Д. Сытин передал Советскому государству, а сам принял активнейшее участие в организации нового, народного книгоиздательства молодой Республики Советов.

«Марксизм... Россия поистине выстрадала»

Замечательную страницу русского книгопечатания составляют издание и распространение в стране марксистской литературы.

В 1872 году в типографии петербургского издателя Н. П. Полякова выходит первый том «Капитала» Карла Маркса. Перевели его на русский язык Г. А. Лопатин и Н. Ф. Даниельсон. Это было первое издание бессмертного произведения Маркса на иностранном языке (на немецком он вышел в 1867 году в Гамбурге).

Выпуску «Капитала» в России, где, как известно, жестоко свирепствовала цензура, поспособствовала... сама цензура. Прочитавший рукопись цензор нашел в ней лишь «темную политико-экономическую аргументацию»; о том, что этот фундаментальный труд является глубоко научным обоснованием всей революционной борьбы рабочего класса, он даже не подумал. Цензура считала, что эту книгу

«немногие прочтут в России и еще менее поймут ее». И ошиблась. Позже народоволец Н. С. Русанов вспоминал: «Как пороховая дорожка, начала бежать среди русской интеллигенции из столиц в большие провинциальные центры, из центров по всем городам и весям весть о новой книге — «Капитале» Маркса. Чуткая молодость... скоро поняла значение этой книги».

Издание на русском языке знаменовало собой начало триумфального шествия «Капитала» по всему свету. Для самого Маркса оно стало событием большой важности. Современники свидетельствуют, что получение первого русского экземпляра «Капитала» превратилось для Маркса, его близких и друзей в настоящее торжество.

Теперь несколько слов о переводчиках и издателе «Капитала» в России.

Герман Александрович Лопатин (1845—1918) родился в Нижнем Новгороде в семье чиновника. Окончил Петербургский университет, еще студентом отстаивал материалистические взгляды. Мечтал о борьбе в армии Гарибальди, для чего специально ездил в Италию. Вернувшись на родину, пытался создать общество для изучения экономики и быта народа, но был арестован. Находясь в ссылке, увлекся работами Маркса, серьезно изучал их. В 1870 году Г. Лопатин самовольно оставляет место ссылки, организует побег за границу ранее сосланного П. Лаврова, а затем уезжает за рубеж и сам.

В Париже Лопатин вступает в I Интернационал. Решив перевести недавно вышедший «Капитал» Маркса, он переезжает в Лондон и с помощью автора принимается за работу. Карл Маркс высоко ценил выдающиеся способности молодого русского революционера и подружился с ним. О Лопатине он говорил: «Немногих людей я так люблю и уважаю, как его».

С целью организовать побег Н. Г. Чернышевского из сибирской ссылки, Г. А. Лопатин нелегально возвращается

в Россию, но отчаянная попытка терпит неудачу, и его опять арестовывают. Оказавшись в российской тюрьме, Лопатин просит Даниельсона закончить перевод «Капитала», и тот доводит эту работу до конца. В 1873 году Лопатин совершает новый побег и уезжает за границу. Через несколько лет он вновь вернется в Россию, вновь будет схвачен и опять убежит. В 1884 году он снова в России, где пытается восстановить разгромленную царизмом «Народную волю». На этот раз удача изменяет мужественному революционеру: его арестовывают и осуждают на вечное заточение в Шлиссельбургскую крепость. Оттуда он выходит только в 1905 году, освобожденный первой русской революцией. К этому времени ему уже исполнилось шестьдесят лет.

Николай Францевич Даниельсон (1844—1918) по своим взглядам был народником, арестовывался царским правительством. Завершив работу Лопатина по переводу на русский язык и изданию первого тома «Капитала», он впоследствии переводит второй (1885 г.) и третий (1896 г.) тома. Н. Ф. Даниельсон вел переписку с К. Марксом и Ф. Энгельсом, но существа марксизма так и не понял. За народнические ошибки в оценке российской действительности подвергся критике В. И. Ленина.

Николай Петрович Поляков (1843—1905) известен как прогрессивный книгоиздатель, последователь Чернышевского, активный участник кружка, организовавшего широкое издание и распространение революционной литературы в России. Кроме перевода «Капитала» К. Маркса, в издательстве Н. П. Полякова выходили произведения Ф. Лас-саля, Н. А. Добролюбова, П. Л. Лаврова, В. В. Берви-Флевровского и других.

С 1883 года выпуском марксистской литературы для распространения в России занялась группа «Освобождение труда» во главе с Г. В. Плехановым. Сложный и опасный путь из Женевы во многие российские города проделали

тиражи таких произведений, как, например, «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Наемный труд и капитал», «Нищета философии» Маркса, «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «Развитие социализма от утопии к науке», «Речь о свободе торговли», «О социальных отношениях в России» Энгельса и другие.

Многие труды К. Маркса и Ф. Энгельса переводились и с большим риском издавались в самой России. Их читали и горячо обсуждали в революционных кружках, на них воспитывались целые поколения новых борцов за народное счастье — революционеров-марксистов.

«Марксизм, как единственно правильную революционную теорию,— писал В. И. Ленин,— Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии...»

В конце XIX века появляются первые марксистские произведения молодого Ленина. Первая книга Владимира Ильича «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» была напечатана в 1894 году на подпольном гектографе без указания автора.

Первая легально напечатанная ленинская работа («Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве») вышла в 1895 году из конспиративных соображений под псевдонимом *К. Тулин*. Тираж сборника, в который включалась эта статья, по указанию правительства был полностью уничтожен.

В 1898 году легально напечатан сборник статей Ленина «Экономические этюды и статьи», подписанный псевдонимом *Вл. Ильин*. Под псевдонимом *Владимир Ильин* в 1899 году издательство М. И. Водовозовой в Петербурге опубликовало знаменитую книгу В. И. Ленина, написанную им в тюрьме и ссылке, «Развитие капитализма в России».

Легальная пропаганда марксизма в условиях полицейского террора в России была практически невозможна, поэтому основные произведения Владимира Ильича Ленина до самого Великого Октября печатались либо в подпольных типографиях, либо за границей. В 1901 году, находясь в эмиграции, он опубликует статью, которую впервые подпишет псевдонимом *Ленин*.

В книге «Скрывшие свое имя», вышедшей в издательстве «Наука» в 1977 году, В. Г. Дмитриев пишет: «Есть предположение, что эту подпись Владимир Ильич взял по аналогии с одним из псевдонимов Г. Плеханова — *Волгин*... В таком случае *Ленин* — это производное от названия великой сибирской реки... При этом до 1917 г. Владимир Ильич подписывался не *В. Ленин*, а *Н. Ленин* (очевидно, в связи с конспиративным прозвищем «Николай»)...»

На рубеже XIX и XX веков центр мирового революционного движения переместился в Россию. Россия стала родиной ленинизма. Пройдет совсем немного времени — и она станет первой страной победившего социализма, первым государством рабочих и крестьян.

...С 1855 по 1894 год выпуск книг в России увеличился более чем в 10 раз. К 1913 году Россия сделала замечательный скачок в соревновании с Западной Европой, выйдя по количеству названий и тиражу выпускаемых книг на второе место в мире после Германии — родины Иоганна Гуттенберга.

Что и говорить, отрадное достижение! Однако буржуазно-помещичьи порядки, господство вдохновляемых царизмом самых темных сил реакции, возводивших непроходимые барьеры на пути народа к знанию и культуре, во многом сводили его эффективность на нет. Это позволило В. И. Ленину в том же, 1913 году с горечью заметить: «Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были *ограблены* в смысле образования, света и знания,—

такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России».

И еще из Ленина: «В *каждой* национальной культуре есть, хотя бы не развитые, *элементы* демократической и социалистической культуры... Но в *каждой* нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде *господствующей* культуры».

Подлинно массовой, подлинно народной книга стала лишь после свершения Великой Октябрьской социалистической революции.

НА СЛУЖБЕ МИРА И ПРОГРЕССА

*Рожденная Октябрем. „В этой непостижимой России“
Великое обретение. Книги, побывавшие в бою. Страна
читателей.*

11

А Б В Г Д Е Ж
И К Л М Н
О П Р С Т
Ф Х Ц Ч
Э Ю Я

Искусство
Книги

**БИБЛИОТЕКА
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИЗДАТЕЛЬСТВА**

КНИГА

Перед фасадом одного из многочисленных павильонов всемирно известной Выставки достижений народного хозяйства СССР в Москве на высоких флагштоках полощутся разноцветные флаги. Их тут много: десятки государств всех континентов земли раз в два года участвуют в международной Московской книжной выставке-ярмарке, традиционно проходящей под благородным девизом «Книга на службе мира и прогресса».

Хорошая книга... В руки ее берешь осторожно, даже робко, точно это хрупкое создание из тончайшего стекла, а не из прочной бумаги, ткани и картона. Ставшие вдруг чрезвычайно чувствительными пальцы мягко скользят по переплету, чутко отмечая особенности его фактуры: нежную шелковистость штапеля или надежную основательность кожи, тяжелую грубоватость ледерина или холодок синтетических материалов...

Бережно, самыми кончиками пальцев перелистываешь страницы, подолгу любуешься удачно подобранным ансамблем шрифтов, иллюстрациями, всем строгим, торжественным или, наоборот, свободным, раскованным строем книги. И расставаться с ней не торопишься.

На одной из международных выставок ко мне на нетвердом русском языке обратился средних лет седовласый представительный мужчина:

— Извините, вы — русский?

— Да, — нехотя отрываясь от книги, ответил я.

— Вас можно поздравить: у вас очень богатая экспозиция. Ваши соотечественники умеют делать не только пре-

восходные спутники, кинофильмы, атомные ледоколы, но и отличные книги. Я сразу понял, что вы — из СССР. Я видел, как вы берете книги, как их держите, смотрите... Как я уже смог убедиться, так любят и ценят книгу только в вашей стране.

Да, в нашей стране отношение к книге особенное. И положение ее в обществе — тоже. Всю заботу о книге взяло на себя социалистическое государство. Именно этим прежде всего объясняется тот огромный рост изданий, который мы имеем.

Однако дело не только в количестве. Качественно наша книга тоже стала иной. В советском книгоиздании нет места литературе, проповедующей низменные цели и безнравственность, воспевающей индивидуализм, насилие, расизм, милитаризм.

Советская книга — подлинно передовая, подлинно гуманная книга в самом высоком смысле этого слова, книга, зовущая на труд и подвиги во имя победы светлых идеалов человечества.

Вернемся к истории. Первые книги Советской России... В сравнении даже с обычными, рядовыми дореволюционными изданиями они выглядят весьма и весьма бедно. Тонкие брошюры в обложках из желтой оберточной бумаги, тусклая серая печать, бесхитрое, не рассчитанное на изысканные вкусы художественное и техническое оформление... Некоторые из них стоили копейки, другие вообще распространялись бесплатно, но определить подлинную цену этих скромных, простеньких книжечек может одно только Время...

Когда мы говорим о советской книге, нельзя не вспомнить, как начиналась ее трудная и поистине героическая история. С первых дней и даже часов Великой Октябрьской социалистической революции судьба ее решалась как одно из важнейших дел пролетарского государства. Так, например, А. В. Луначарский позже вспоминал: «Владимир Иль-

ич обращал сугубое внимание на все, что имеет отношение к книге. Его с первого дня переворота волновал вопрос о библиотеках и изданиях. В следующую после взятия Зимнего дворца ночь, часа в четыре или пять, он отвел меня в сторону, после того как состоялось мое назначение комиссаром по просвещению, и сказал: «Постарайтесь обратить в первую голову внимание на библиотеки. Надо заимствовать в передовых буржуазных странах все те формы широкого распространения библиотечных книг, которые там выработаны. Поскорее надо сделать книгу доступной массе». И потом, как бы спохватившись, добавил: «Нашу книгу надо постараться бросить в возможно большем количестве во все концы России».

А. В. Луначарский сохранил для нас также и другие ленинские слова, ставшие своего рода программой книжного дела в Советской стране на многие годы: «Книга — огромная сила. Тяга к ней в результате революции очень увеличится. Надо обеспечить читателя и большими читальными залами, и подвижностью книги, которая должна сама доходить до читателя. Придется использовать для этого почту, устроить всякого рода формы передвижек. На всю громаду нашего народа, в котором количество грамотных станет расти, у нас, вероятно, станет не хватать книг, и если не сделать книгу летучей и не увеличить во много раз ее обращение, то у нас будет книжный голод».

В результате Великой Октябрьской социалистической революции на смену «читающей элите» пришел «читающий народ». Барьер между народом и книгой, веками воздвигаемый господствующими классами, был навсегда разрушен. Революция создала принципиально новую по содержанию книгу, а книга, в свою очередь, создавала принципиально нового читателя.

27 октября (9 ноября) 1917 года, на третий день революции, Совет Народных Комиссаров принимает и за подписью В. И. Ленина публикует первый советский декрет о

печати. Этим актом рабоче-крестьянское правительство закрывало наиболее контрреволюционные буржуазные органы печати, «1) призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству; 2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов; 3) призывающие к деяниям явно преступного, т. е. уголовно-наказуемого характера».

«Всякий знает, — отмечалось в декрете, — что буржуазная пресса есть одно из могущественнейших оружий буржуазии. Особенно в критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян, только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага, в то время как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы».

Ясно, что буржуазия и ее «социалистические» подпевалы — меньшевики и эсеры встретили этот ленинский документ в штыки. Обсуждение декрета о печати было перенесено в высший орган Советской власти — ВЦИК. Большинство голосов Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял резолюцию, которая полностью одобряла революционные меры правительства. «Закрытие буржуазных газет, — говорилось в резолюции, — вызывалось не только чисто боевыми потребностями в период восстания и подавления контрреволюционных попыток, но являлось необходимою мерою установления нового режима в области печати, такого режима, при котором капиталисты, собственники типографий и бумаги не могли бы становиться самодержавными фабрикантами общественного мнения... ВЦИК категорически отвергает всякие предложения, клонящиеся к восстановлению старого режима в деле печати, и безоговорочно поддерживает в этом вопросе Совет Народных Комиссаров против претензий и домогательств, продиктованных мелкобуржуазными предрассудками или прямым прислужничеством интересам контрреволюционной буржуазии».

Вырвав печать из рук контрреволюционной буржуазии, Коммунистическая партия передала ее революционному народу, превратила в важнейшее орудие социалистического созидания и воспитания трудящихся.

29 декабря 1917 года (11 января 1918-го) Центральный Исполнительный Комитет принимает «Декрет о государственном издательстве». Несмотря на труднейшее для молодой республики время, правительство революционной России изыскивает полтора миллиона рублей для налаживания издательской деятельности в стране и в качестве первоочередной задачи указывает на необходимость широкого издания произведений классической литературы и создания новых школьных учебников.

«В первую очередь, — говорилось в этом документе, — должно... быть поставлено дешевое народное издание русских классиков. Сочинения тех из них, срок авторского права которых истек, должны быть переизданы... Народные издания классиков должны поступать в продажу по себестоимости. Если же средства позволят, то и распространяться по льготной цене, или даже бесплатно через библиотеки, обслуживающие трудовую демократию...»

Так всецело в интересах трудящихся начинается история советской книги. Живой свидетель тех дней американский публицист Джон Рид писал: «Жажда просвещения, которую так долго сдерживали, вместе с революцией вырвалась наружу со стихийной силой. За первые шесть месяцев революции из одного Смольного института ежедневно отправлялись во все уголки страны тонны, грузовики, поезда литературы. Россия поглощала печатный материал с такой же ненасытностью, с какой сухой песок впитывает воду».

Становление новой, народной, советской книги происходило в чрезвычайно трудных условиях. За долгие годы первой мировой войны, гражданской войны и иностранной военной интервенции хозяйство страны было вконец разоре-

но и обескровлено. Всюду не хватало рабочих рук, топлива, сырья. Железные дороги не справлялись даже с самыми срочными перевозками государственного значения. Старое изношенное оборудование требовало модернизации, замены новым...

Россия и до революции не располагала высокоразвитой целлюлозно-бумажной промышленностью. Так, в 1913 году в стране было произведено лишь 197 тысяч тонн бумаги и 30 тысяч тонн картона. На душу населения приходилось 1,4 килограмма бумаги в год, что в 17 раз меньше, чем в Германии, в 25 раз — чем в США, в 36 раз — чем в Швеции, в 4 раза ниже среднемирового уровня.

В период общей разрухи выпуск бумаги в стране упал до катастрофически низкого уровня. А в связи с широкой агитационной, партийно-политической работой в массах бумаги нужно все больше. Все громче и настойчивее заявляли о себе нужды народного образования. Срочно требовались новые, переработанные в духе времени учебники, то есть опять бумага, а ее все больше не хватало.

Не менее тяжелое положение создалось и в полиграфической промышленности. Многие типографии бездействовали, оставшись без бумаги или шрифтов. Парк старых изношенных машин нуждался в обновлении, но сделать это было крайне трудно. До Великой Октябрьской социалистической революции Россия не выпускала полиграфической техники, всецело полагаясь на зарубежные фирмы. Империалистическая интервенция, а затем и экономическая блокада молодой Советской Республики нарушили прежние деловые связи с границей. Приходилось рассчитывать только на себя, на собственные силы и возможности. А их пока было очень и очень немного.

В таких условиях создавались первые издательства Коммунистической партии, государственных органов, советских общественных организаций, несшие в массы идеи

революционного преобразования мира, организующие и сплачивающие трудящихся на борьбу за новую жизнь.

Однако в первое время после Октября эти издательства были не единственными в стране. Параллельно с ними, а часто и в борьбе с ними действовали частные и частно-кооперативные издательства. Многие из них, такие, как, например, уже упоминавшиеся фирмы И. Д. Сытина, М. О. Вольфа, братьев Сабашниковых и другие, были широко известны в дореволюционной России. Они имели огромные капиталы, хорошо отлаженный аппарат, квалифицированных специалистов, свои типографии, склады, магазины, обширные торговые связи. Выстояв в условиях труднейшего кризиса, эти издательства продолжали свою деятельность и в новых условиях.

Самостоятельные издательства организовывались различными кооперативными союзами, многочисленными обществами, группами. Лихорадочно, в своих узкокорыстных политических целях, занялись издательской деятельностью и мелкобуржуазные партии — меньшевики, эсеры, анархисты.

Видя огромный спрос на книгу и возможность неплохо заработать на этом, к книжному делу потянулись разного рода предприимчивые «энтузиасты», охотно предоставлявшие свои типографии и издательства авторам самых различных политических ориентаций, в том числе открыто враждебных по отношению к революционной власти.

Книжная продукция этих издательств представляла собой чрезвычайно пеструю, противоречивую картину. Широко издавались произведения русских классиков — Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Герцена, Некрасова, Толстого... Выходили книги современных русских писателей. Переводились и печатались произведения зарубежных авторов, в числе которых такие выдающиеся художники, как, например, Вергилий, Шекспир, Бальзак, Мопассан, Гюго, Дик-

кенс, Жюль Верн, Прево, Беранже, Джек Лондон, Лонгфелло, Скотт, Тагор и многие другие.

Вместе с этой серьезной большой литературой на книжный рынок хлынули мутные потоки самой низкопробной печатной продукции — аморальнейшие сочинения, так называемое «легкое чтение» на пикантные темы, повести об авантюристах и сыщиках, «сатирические», «юмористические» и прочие опусы, содержащие злобные вымыслы против всего советского и революционного.

Чего стоят одни названия такого рода книг! «Повесть о приключениях английского милорда Георга и Бранденбургской маркграфини Фридерики-Луизы, с присовокуплением к оной истории бывшего турецкого визиря Марцимириса и Сардинской королевы Терезии», «Кио-Хако, японский король сыщиков», «Тайны Нью-Йорка. Приключения английского сыщика. Преступление миллионера», «Русский Пинкертон. Сыщик Траилин», серия «Похождения сыщика Ваньки-Каина» и т. д. и т. п.

Этот «ходкий товар» «для отвлечения от тяжелых мыслей» должен был, по замыслу его создателей, не только приносить твердый доход, но и уводить читателей от насущных задач социалистического строительства, обезоруживать их в борьбе с растлевающим влиянием агонизирующей буржуазной культуры, развращать сознание.

В ходе острой классовой борьбы происходило идейное размежевание писателей и издателей, из которых одни осознанно и навсегда связывали свою жизнь с новой, революционной властью, другие же скатывались в лагерь ее непримиримых врагов.

«Между советскими и буржуазными издательствами, — пишет в своем исследовании «Октябрь и книга» А. И. Назаров, — шла упорная борьба. На стороне буржуазных издательств был вековой опыт, сложившиеся кадры специалистов, умение учитывать законы рынка и т. д. На стороне советских издательств, не имевших ни опыта, ни специалис-

тов, было сочувствие победившего народа, неизменная поддержка государственной власти, пристальное внимание и неослабное руководство Коммунистической партии и Владимира Ильича Ленина, высокая идейность, непреклонная большевистская воля и пафос революционного энтузиазма... Существование довольно еще значительной, хотя и подорванной буржуазной издательской системы создавало для советских издательств дополнительные трудности. Организуя выпуск книг для народа, они должны были решать как бы две задачи: вооружать читателя суммой полезных знаний, идей, мыслей и одновременно парализовать тлетворное влияние на него изданий, поставляющихся на книжный рынок буржуазными издательствами, мелкобуржуазными партиями, религиозными общинами и различными политиканствующими одиночками. Как показала практика, с этой двойной задачей советские издательства справились успешно: книги, брошюры, журналы и другие произведения печати, которые они выпускали хотя и в явно недостаточном количестве, завоевывали сердца людей, вытесняя из идейно-политической жизни общества литературно-издательские поделки врагов социалистической революции».

Коммунистическая партия, Владимир Ильич Ленин, Советское государство придавали постановке книжного дела в стране первостепенное значение. К концу 1920 года в основном завершается национализация полиграфической промышленности. Государственная монополия на бумагу, введение строжайшего порядка ее централизованного расходования, мобилизация всех средств и возможностей позволяют несколько стабилизировать положение. В 1922 году создается завод по ремонту типографских машин, в 1923 году вновь налаживается выпуск типографских красок. Появляются первые научно-исследовательские лаборатории, а затем и институты, разрабатывающие и совершенствующие технологию производства целлюлозы и различных ви-

дов бумаги и картона. Вырабатывается новая система подготовки кадров. В 1929 году в Москве открывается первый полиграфический техникум, через два года — полиграфический институт. Полиграфический институт создается также в Харькове. В 1931 году организуются первые научно-исследовательские учреждения полиграфической промышленности.

Для успешного развития книжного дела нужна была собственная надежная полиграфическая база, и она постепенно подготавливается. В 1931 году Рыбинский машиностроительный завод выпускает первую отечественную печатную машину. В следующем году Ленинградский завод точного машиностроения дает стране строкоотливные наборные машины — лино типы. В том же, 1932 году ленинградцы создают первую советскую ротационную печатную машину.

В 1934 году Ленинградский завод полиграфического машиностроения начал выпуск серии фальцевальных машин. В 1936 году рыбинцы освоили и приступили к производству советских двухкрасочных офсетных машин...

Объем выпуска полиграфической техники в стране нарастал.

«В этой непостижимой России»

В тяжелые, суровые дни гражданской войны, когда огромная территория от Балтийского моря до Тихого океана силами внутренней контрреволюции и международного империализма была брошена в пучину войны, голода и хозяйственной разрухи, в Италии открылась международная книжная выставка. К удивлению многих, в ней приняла участие и наша страна. Скромно выглядели экспонаты ее раздела: книги и брошюры набраны крупным шрифтом, отпечатаны на дешевой бумаге, более чем бедно оформлены. Но

их сила была в другом — от них словно бы исходил свет великой революции.

В том же году в Милане проходила выставка плакатов, манифестов, массовых изданий, созданная по инициативе рабочих организаций Италии. Представленные в советском разделе плакаты, брошюры, листовки буквально потрясли многочисленных посетителей. Даже буржуазная пресса не могла скрыть своего удивления. Как в стране, где идет ожесточенная гражданская война, в условиях голода и разрухи, недоумевали они, выходят книги? Многих особенно привлекали стенды с плакатами. Ярко и лаконично рассказывали они правду о первом в мире государстве рабочих и крестьян, об их борьбе за новую жизнь.

Как раз в этом году Советскую Россию посетил известный английский писатель-фантаст Герберт Уэллс, написавший позже книгу «Россия во мгле». Многие в нашей стране было для Уэллса непонятным и смутным. Но заботу большевиков о духовном развитии своего народа внимательный и честный писатель не заметить и не оценить не мог. Рассказывая о книжной политике нашей Коммунистической партии, о начале работы по созданию библиотеки всемирной литературы, он писал: «Большинство писателей и художников нашли работу по выпуску грандиозной по своему размаху, своеобразной русской энциклопедии всемирной литературы. В этой непостижимой России, воюющей, холодной, голодной, испытывающей бесконечные лишения, осуществляется литературное начинание, немыслимое сейчас в богатой Англии и богатой Америке... Духовная пища английских и американских масс становится все более скудной и низкопробной, и это нисколько не трогает тех, от кого это зависит. Большевицкое правительство, во всяком случае, стоит на большей высоте. В умирающей с голоду России сотни людей работают над переводами; книги, переведенные ими, печатаются и смогут дать новой

России такое знакомство с мировой литературой, какое недоступно ни одному другому народу».

В 1922 году советская книга вновь побывала на итальянской земле, на этот раз во Флоренции. В то время нашим послом в Италии был В. В. Воровский. В письме Госиздату относительно новой выставки он рекомендовал «показать не только те лучшие образцы изданий, которых удалось достигнуть при советском строе, но и всю картину бедствий и борьбы, которые выдержала русская книга во время блокады и гражданской войны».

Итальянские власти всячески мешали организации советской экспозиции. Дело дошло до того, что нашим представителям пришлось оборудовать и оформлять павильон своими силами. В нем было показано 1540 книг и журналов, 372 газеты, 420 оригинальных графических работ и около 70 плакатов. Широкая панорама изданий, органическое единство книги с задачами строительства нового общества выгодно отличали советскую экспозицию. Большой интерес посетителей вызывали произведения В. И. Ленина, первые издания Советской власти: декреты, листовки, брошюры.

Буржуазная пресса вынуждена была признать огромный успех книгоиздательского дела в Советской Республике. Одна из европейских газет отмечала: «Здесь перед нами наглядное доказательство, которое убедит всякого посетителя выставки, что нельзя обвинять в разрушении культуры правительство, проникнутое такой верой в могущество духовного влияния, оказываемого на массы книгой.. Книги, изданные Советским государством, предназначены не для того, чтобы порадовать библиофилов или художников, но чтобы действительно способствовать просвещению рабочих и крестьянских масс».

Так сама наша книга опровергала ложь и злостную клевету, распространяемые буржуазной пропагандой о Советском государстве и его культурной политике.

Крупным событием для издателей всего мира стала организованная в 1924 году Международная Пражская ярмарка образцов. 400 книг, брошюр, альбомов на русском, украинском, белорусском, татарском, туркменском и других языках народов СССР, представленные на ней, говорили не только о размахе издательского дела в нашей стране, но и, что особенно важно, о наглядном претворении в жизнь ленинского учения о развитии многонациональной советской культуры.

Советскую экспозицию представляли книги политические, научные, художественные. В числе последних были тома «Всемирной библиотеки», «Библиотеки русского романа», серии «Классики русской литературы», отдельные произведения советских писателей, а также виднейших писателей Запада — Р. Роллана, А. Франса, Э. Синклера, О. Генри и других.

«Выставка поражает», «Удивляет обилие и всесторонность изданий», «Неожиданно хорошее типографское исполнение», «Откройте немедленно советский книжный магазин!» — так посетители отзывались о советской книге.

В 20-е и 30-е годы наша книга торжественно шествует по всей планете. Она демонстрировалась на выставках в Праге и Лейпциге, в Лондоне и Данциге, в Солониках и Токио, в Ревеле и Антверпене, в Берлине и Копенгагене, в Афинах и Нюрнберге, в Нью-Йорке и Париже.

Эти выставки стали мощным средством пропаганды советских изданий за рубежом. Они демонстрировали громадные успехи СССР во всех областях науки, культуры и просвещения, вызывали живой интерес к нашей Родине. Так, один из посетителей советской книжной выставки писал: «Следует, чтобы посетитель забыл все, что до сего времени слышал или читал как против книжной политики Союза Советов, так и против самого Союза, и чтобы сам объективно искал и взвешивал ясные факты, в которых может убедиться собственными глазами».

В наше время замечательные успехи советской культуры общеизвестны. Советские книги постоянно путешествуют по планете. Сегодня они демонстрируются, скажем, в Лейпциге, завтра — в Токио, послезавтра — в Монреале, Коломбо, Братиславе, Мехико, Дели и т. д.

Огромный интерес к опыту советских книгоиздателей проявляют народы Азии, Африки, Латинской Америки.

Большое количество нашей научной, технической, художественной, учебной литературы ежегодно переводится и издается в десятках стран мира.

Великое обретение

В Советской стране единой братской семьей живут, трудятся более ста больших и малых народов. Каждый народ, нация — это целый мир с его прошлым, настоящим и будущим, с его землями и водами, городами и весями, развитой экономикой и пытливой наукой, самобытной культурой и богатой духовной жизнью. Национальные формы культуры неразрывно связаны с ее интернациональным, социалистическим содержанием.

Всестороннее развитие каждого советского народа, небывалый расцвет всех его творческих сил — великое обретение, ставшее возможным благодаря победе Октября, неуклонному проведению в жизнь ленинской национальной политики нашей партии.

В 1917 году, в канун Великой Октябрьской социалистической революции, в бывшей царской России проживало около 140 миллионов человек. Почти половину из них составляли народы нерусской национальности, лишенные возможности иметь свою государственность, развивать национальную культуру, литературу, искусство.

Страшным бичом этой антинародной политики царизма являлась массовая безграмотность населения, отсутствие

элементарных условий для самостоятельного духовного творчества. Более 40 национальностей не имели даже своей письменности, не имели, следовательно, и школ, книг, газет на своем родном языке. У народов же, обладавших многовековыми культурными традициями, своей письменностью и даже опытом книгопечатания (украинцы, белорусы, армяне, грузины, узбеки, латыши, литовцы, эстонцы, татары и др.), национальная книга также не получила должного развития. Не случайно в некоторых районах страны статистические данные о книгах отнесены к разделу «Торговля предметами роскоши». Дореволюционная статистика рисует нам такую безрадостную картину. В 1913 году на 10 тысяч человек на территории Великой России в среднем приходилось 4,5 единицы печатной продукции. В то же время на Украине, в Киргизии и Чувашии — 0,1 (в 45 раз меньше!), в Узбекистане и Осетии — 0,2 (в 22,5 раза меньше!), в Грузии — 1,7 (в 2,6 раза меньше!) и т. д.

Победоносная Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила всяческие цепи национального неравенства и угнетения, освободила из-под векового гнета несметные народные силы, призвала трудящихся всех национальностей к активному социальному, экономическому и культурному созиданию.

Страна еще не успела оправиться от разрушительных войн, переживала величайшие трудности, а X съезд партии большевиков уже ставил задачу «помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию», «развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке».

Это была целая программа важнейшей работы на длительный период. Выполнять ее приходилось в тяжелых обстоятельствах послевоенной разрухи. Местные условия национальных окраин еще более усугубляли эти трудности.

У народов, уже овладевших книгопечатанием, издательское дело было неразвитым, маломощным, часто лишь зачаточным; здесь еще более, чем в центре, сказывалась нехватка бумаги, оборудования, энергии, опытных кадров. У народов, не имевших своей национальной книги, а часто и письменности, положение было совсем чрезвычайным. Без деятельной, бескорыстной братской помощи великого русского народа, центральных органов Советской власти преодолеть все эти трудности самим окраинам было не по силам. И помощь пришла. Особенно возросла она после добровольного слияния всех национальных республик в единый братский союз советских народов — СССР.

Всячески поддерживая книгопечатание на местах, Советское государство изыскивало формы и методы наиболее эффективного решения поставленных партией задач. Так, в 1922 году в целях содействия общественно-политическому и культурному развитию трудящихся восточных автономных республик и областей РСФСР в Москве при Народном комиссариате по делам национальностей учреждается Центральное восточное издательство. Основными задачами его являлись: 1) сосредоточение и упорядочение деятельности всех центральных наркоматов и учреждений в деле издания литературы на языках народов Советского Востока; 2) координирование деятельности и конкретная помощь местным национальным издательствам, особенно в вопросах финансирования, материально-технического обеспечения, подготовки и воспитания квалифицированных кадров.

Девять редакционных секций Восточного издательства — киргизская, узбекская, тюрко-азербайджанская, татаро-башкирская, горская, мордовская, чувашская, марийская, вотская — редактировали и выпускали книги на 18 языках. Это была разнообразная актуальная общественно-политическая, сельскохозяйственная, научно-популярная,

художественная и другая литература, в которой на местах испытывалась растущая потребность.

В 1923 году постановлением ВЦИК и СНК в Москве создается Центральное западное издательство, наладившее выпуск книг и периодики на литовском, латышском, эстонском, финском, польском, немецком и еврейском языках.

Накопив определенный опыт, оба эти издательства вскоре объединились в единое издательство народов СССР — Центроиздат. Оно имело мощную по тому времени типографию, во многих городах страны действовали его филиалы.

Работники Центроиздата не только редактировали, издавали книги на национальных языках, но и активно участвовали в налаживании книгоиздательского дела на местах, щедро делились своими знаниями с издательскими работниками молодых национальных республик, помогали им в подборе и подготовке редакторов, переводчиков, авторов, в создании письменности для тех народов, у которых ее еще не было.

К началу 30-х годов главные трудности на пути советской национальной книги были преодолены. Окрепили и приобрели необходимый опыт национальные издательства, сложился актив квалифицированных редакторов, переводчиков, авторов. Укрепление местных национальных издательств создало благоприятные условия для развития национальных советских литератур и многонациональной советской литературы в целом.

В новых условиях необходимость в специальном центральном издательстве народов СССР отпала, и в 1931 году Центроиздат был реорганизован. Основная масса национальной литературы стала теперь печататься на местах.

В настоящее время книгоиздательская деятельность на языках народов Советского Союза достигла высокого уровня. Книги в нашей стране выходят на 145 языках, в том

числе на 89 языках народов СССР, из которых 43 получили письменность только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Как в СССР, так и далеко за его пределами сегодня хорошо известны книги Украины, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана, республик Советской Прибалтики, Грузии, Молдавии и других союзных республик. Впечатляющи успехи книгоиздания автономных республик — Татарии, Башкирии, Карелии, Чувашии, Удмуртии, Якутии, Каракалпакии и других.

Во всех союзных республиках действуют крупные издательства, специализирующиеся на том или ином виде литературы — политической, научной, учебной, художественной, изобразительной и т. д. Издательства автономных республик и областей выпускают литературу в основном на языках коренной национальности. Это книги и брошюры, обобщающие опыт партийно-политической работы, достижения тружеников промышленности и сельского хозяйства, а также художественная, детская, учебная, краеведческая и другая литература.

Огромный размах приобрела в нашей стране переводческая деятельность. Сочинения основоположников марксизма-ленинизма, выдающихся деятелей международного рабочего и коммунистического движения, основные произведения мировой, русской и советской классики переведены практически на все языки народов СССР. В то же время лучшие образцы советской многонациональной литературы систематически переводятся на русский и другие языки, становясь достоянием всесоюзного читателя. Развивающийся плодотворный процесс взаимного влияния и взаимного обогащения культур советских народов способствует дальнейшему укреплению морально-политического единства нашего общества, благотворно влияет на развитие творческих сил каждого народа, каждой нации.

Неоценимая роль во всей этой работе принадлежит

русскому языку, ставшему вторым родным языком для многих миллионов советских людей.

Национальная книга — великое благо социализма, замечательный плод мудрой ленинской национальной политики КПСС, важнейшая и неотъемлемая часть социалистического образа жизни. Подлинно народная, подлинно советская, она преданно служит дальнейшему всестороннему развитию своих народов, а вместе с тем и всей нашей многозвучной, многоцветной, в высшей степени гуманистической культуры.

Книги, побывавшие в бою

...В Узбекской государственной библиотеке имени Алишера Навои хранятся две обгоревшие книги на немецком языке. Это всемирно известные романы Михаила Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Что же случилось с ними и как в таком виде они попали сюда?

«Тихий Дон» Шолохова был издан в Берлине в 1929 году и с восторгом встречен немецкими читателями. Когда в 1933 году к власти в Германии пришли фашисты, по стране запыхали позорные костры инквизиторов XX века. В отличие от средневековых мракобесов поборники «нового порядка» сжигали на этих кострах не людей (их они тысячами, а затем и миллионами уничтожали в других местах!), а книги. Полетел в огонь и «Тихий Дон». Уцелело лишь несколько экземпляров, с риском для жизни вываченных из пламени...

Прошел сквозь огонь и другой роман Шолохова — «Поднятая целина». Перевел ее на немецкий язык Леон Мереш, политэмигрант, живший и работавший в нашей стране. По своей профессии Мереш был слесарем, а по призванию литератором. Он не только занимался переводами, но и активно сотрудничал в органе германских ком-

мунистов — газете «Роте фане». В эту редакцию Леон Мереш и послал свой перевод «Поднятой целины».

В 1933 году он получил из Германии письмо. Его товарищ сообщал: «Твои переводы глав из «Поднятой целины» в «Роте фане» не появились. Видимо, их захватила полиция. Все сотрудники газеты брошены в тюрьмы как опаснейшие красные. Но говорят, что на юге Германии тайно стала появляться «Поднятая целина». Это почти невероятно, но факт величайшей важности...»

На титульном листе книги были помещены алое знамя и круг — эмблема издательства Компартии Германии.

Роман советского писателя ходил по рукам как пароль единомышленников, как молчаливый призыв к борьбе со злейшим врагом человечества — гитлеровским фашизмом. Понятно, что фашисты объявили ей войну так же, как и миллионам других книг, на которых стояли имена величайших мыслителей и художников планеты. И когда на площади перед зданием Берлинского университета запылал очередной инквизиторский костер, в огонь полетела и «Поднятая целина»...

Два экземпляра спасенных книг Шолохова в Советский Союз доставили немецкие коммунисты. С тех пор они бережно хранятся в этой библиотеке.

Когда разразилась Великая Отечественная война, книга помогала выстоять и победить.

...Участники легендарного морского десанта, высаженного под Новороссийском, семь долгих месяцев удерживали крохотный плацдарм, получивший название Малой земли. В минуты затишья изнуренные бесконечными боями бойцы вслух читали роман Н. Островского «Как закалялась сталь». В жестоких схватках с гитлеровцами любимая книга удесятерила силы и веру в неминуемую победу. Кто-то из малоземельцев сделал в ней для памяти такую запись: «Наш боевой счет за прошедшие бои: 1. Уничтожено 500 немцев. 2. Отбито 6 танковых атак».

Я буду писать
и про то
и про это,

Но нынче
не время
любовных ляс.

Я
всю свою
звонкую силу поэта
тебе отдаю,
атакующий класс.

Можно с уверенностью сказать, что эти стихи Владимира Маяковского были в числе любимых старшины 2-й статьи М. Башоткина. Об этом свидетельствует первый том сочинений поэта 1941 года издания с такой надписью на титульном листе: «Любимая книга — спутник боев и походов — находилась со мной все время войны на торпедном катере, прошла оборону Одессы, при гибели катера во время боев в Азовском море в июле 1942 года спасена личным составом. Пробита осколками разрывной пули в бою с торпедными катерами противника. 13 сентября 1943 г. Старшина 2-й статьи М. Башоткин».

На 1-й Московской международной книжной выставке был открыт специальный зал «Книги, побывавшие в бою». Среди тех, о которых уже сказано, я видел пробитый пулей «Манифест Коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса, том А. С. Пушкина с застрявшим в нем осколком снаряда, книги со следами запекшейся крови на страницах, слышавшие сердцебиение советских, болгарских, чешских, словацких, югославских партизан, потрепанные, зачитанные, опаленные огнем, прошитые осколками фугасных бомб, простроченные автоматными очередями.

Книги, которые фашистские молодчики на виду у всего мира с улюлюканьем сжигали на площадях своих городов,

умирали гордо, как связанные по рукам и ногам герои. Лишенные права на самозащиту, они не могли оказать достойного сопротивления. Сама их мученическая смерть была вызовом палачам. Эти же, спокойно лежащие теперь в стеклянных витринах, сами громили врага. За ними шли целые полки, дивизии, фронты. Многие из них горели в танках, гибли под бомбами и минами в атакующих цепях, от смертельных ран. Но, даже погибая, они оставались бессмертными.

В зале, занятом книгами-героями (иначе и не скажешь!), звучала тихая траурная музыка. Она еще более усиливала охватывающее каждого посетителя волнение. Люди молча переглядывались, снимали шляпы и береты, суровели лицами.

Так принимают присягу. Так дают клятву. Клятву, которой не изменяют.

Страна читателей

Для нас, советских людей, книга стала первой потребностью нашего бытия, с ней связана вся наша жизнь. Не случайно за рубежом нас часто называют читающим народом, а нашу страну — страной читателей. Читают у нас действительно всюду: в уютных читальных залах библиотек и шумном вагоне метро, в креслах воздушных лайнеров и геологических палатках, в парках у детских колясок и в красных уголках полевых станков, на стойбище оленеводов и в космосе...

Невольно вспоминаются слова первого гражданина Вселенной Юрия Гагарина: «Книга — это друг, советчик. Это — источник многих добрых мыслей, чувств, знаний. И порой трудно определить, какую книгу и за что любишь больше».

Сегодня наша страна — крупнейший издатель мира.

Каждая пятая книга, выходящая на планете, — советская. А стало все это возможно только благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции, осуществлению ее идеалов.

Именно Великий Октябрь, ленинское отношение к вопросам печати, забота Коммунистической партии о просвещении и приобщении многомиллионных масс трудящихся к сокровищницам отечественной и мировой культуры предопределили тот невиданный взлет, которым мы гордимся по праву.

Книжная статистика дает такие сведения: если за 350 лет дореволюционного книгопечатания в России было издано 550 тысяч книг, то лишь за полвека Советской власти — 2 миллиона 400 тысяч, общий тираж которых составил 38 миллиардов экземпляров.

Каждый день с печатных машин в СССР сходит около 5 миллионов экземпляров книг. Каждую минуту — более 4 тысяч.

Огромная роль в доведении книги до читателя принадлежит библиотекам. В нашей стране их насчитывается 360 тысяч. В них сосредоточено более 4 миллиардов произведений печати, которыми пользуются более 200 миллионов читателей — практически все грамотное население страны.

«Ленин хотел, — вспоминала Надежда Константиновна Крупская, — чтобы библиотеки обслуживали широкие массы города и деревни, чтобы каждая хорошая и нужная книга попадала во все библиотеки и через библиотеки становилась доступной каждому... Ленин хотел, чтобы дети и молодежь как можно больше читали и имели хорошие детские книги».

Мы видели, какое большое значение в первые же дни Советской власти Владимир Ильич придавал скорейшему налаживанию в стране книгоиздательского дела. Пожалуй, не меньшее внимание он уделял подготовке нового читате-

ля из рабоче-крестьянской массы, из тех, кто завоевал, отстоял революцию, кому строить социализм и коммунизм. Заботясь о том, «чтобы было кому читать, чтобы было большее число способных читать, чтобы был больше политический размах издательства в будущей России», В. И. Ленин уже тогда ставил большие задачи перед библиотеками и библиотечными работниками.

Решительно разоблачая и опровергая лицемерие буржуазных утверждений о якобы «внепартийности» и «надклассовости» библиотек и других массовых учреждений культуры, он одновременно настоятельно рекомендовал изучать постановку библиотечного дела в наиболее культурных буржуазных странах, внедрять лучшее из их опыта.

Уже 3 ноября 1920 года В. И. Ленин подписывает декрет СНК «О централизации библиотечного дела в РСФСР», сыгравший исключительную роль в советском библиотечном строительстве.

Опыт советской библиотечной системы, полностью реализовавшей указания В. И. Ленина, ныне с интересом изучают и перенимают многие страны, прежде всего социалистические и освободившиеся от империалистической кабалы, где книга, как и другие блага общества, служат человеку труда.

В СССР создана обширная, не имеющая себе равных в мире библиотечная сеть, охватывающая все слои общества на огромной территории страны. Основу этой системы составляют массовые библиотеки, располагающие величайшим книжным фондом, способным удовлетворить самые широкие духовные запросы читателей.

Огромна роль массовых библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся, в пропаганде достижений науки и передового производственного опыта, в привлечении миллионов читателей к богатствам мировой культуры, науки, искусства. Библиотеки приобщают людей к чтению, учат правильно пользоваться литературой, оказывают большую

библиографическую помощь, организуют читательские конференции по произведениям классики и новинкам научной и художественной литературы, встречи с писателями, деятелями науки, культуры, искусства.

В условиях, когда страна решает все более грандиозные созидательные задачи, а научно-техническая революция все увеличивает и увеличивает поток информации, неизмеримо возрастает роль научных и специальных библиотек. Ученые, инженерно-технические работники, служащие находят здесь необходимую им научную, справочную, информационную литературу. Научные и технические библиотеки активно участвуют в пропаганде знаний и передового опыта, вносят свой вклад в развитие технического прогресса на предприятиях, в научно-производственных объединениях, отраслях производства.

Главной, общенациональной библиотекой нашей страны читателей по праву является Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Кто не знает этого поистине грандиозного дворца книги в столице нашей Родины! Книжный фонд ее исчисляется прямо-таки астрономической цифрой — около 30 миллионов единиц. Здесь и древние рукописи, и старопечатные книги, и новинки литературы по всем отраслям знаний на десятках языков народов СССР и зарубежных стран. В читальных залах «ленинки» ежедневно бывают около 10 тысяч читателей, а за год — около 3 миллионов.

Кроме обычной повседневной работы по обслуживанию читателей, Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина ведет огромную деятельность как всесоюзный научно-исследовательский и научно-информационный центр. В число ее забот входит также научно-методическое руководство всей библиотечной сетью страны.

Крупнейшими идеологическими, культурными, научно-информационными центрами являются также такие библиотеки, как Государственная публичная библиотека име-

ни М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, государственные библиотеки союзных республик, Библиотека Академии наук СССР, Государственная публичная научно-техническая библиотека СССР, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Академии наук СССР в Новосибирске, Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы и другие.

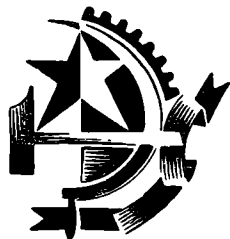
Книжные богатства нашей страны уникальны, но они далеко не исчерпываются только библиотечными фондами. Почти каждая семья сейчас имеет свою домашнюю библиотеку. Многие личные библиотеки насчитывают тысячи томов. Собранные с огромной любовью, они играют значительную роль в приобщении людей к книге, к культуре.

Подлинных ценителей и пропагандистов печатного слова у нас миллионы. Движение книголюбов, благородное, массовое движение, охватившее людей самых разных возрастов, профессий, интересов, слоев общества, в 1974 году организационно оформилось во Всесоюзное добровольное общество любителей книги. Отделения его созданы повсеместно. Они активно участвуют в пропаганде литературы, ее распространении, воспитывают любовь к книге и книжному искусству, организуют совместно с библиотеками выставки, читательские конференции, лекции и т. д.

В нашей стране книга максимально приближена к народу. В приветствии Учредительному съезду Всесоюзного добровольного общества любителей книги Центральный Комитет КПСС подчеркивал: «Партия высоко ценит воспитательную, мобилизующую и организующую роль книги в формировании нового человека, в развитии и приумножении материальных и духовных ценностей советского общества. Народность и партийность, научная аргументированность и достоверность, правдивость и высокий идейно-художественный уровень снискали нашей литературе большой авторитет во всем мире... Любовь к книге стала ныне неотъемлемой чертой советского образа жизни».

БУКВЫ
АБВГДЕЖЗИ
КЛМНОПРС

печатающий цилиндр

печатная форма

печатная форма

И ИСКУССТВО, И ОТРАСЛЬ ПРОИЗВОДСТВА

*На помощь приходят машины. Веление времени.
Книга становится сложнее.
Есть ли предел мастерству?*

12

1931

Л. ТОЛСТОЙ
РАССКАЗЫ
О
ЖИВОТНЫХ

ОГИЗ МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ

Историки книги замечено, что в начале своего существования книгопечатание считалось искусством, с XVI века мы можем считать его художественным ремеслом, а с XIX века оно становится отраслью производства.

О том, что печатание книг в гутенберговскую эпоху действительно было тонким и сложным искусством, говорят сами книги того времени. Но уже в XVI веке, когда книгопечатание приобрело более широкий размах, прежний высокий художественный уровень смогли сохранить лишь немногие издания. С одной стороны, все более определялось практическое назначение книги, росли тиражи, с другой, — издателям уже было просто не под силу все книги выпускать в роскошном оформлении, используя только высококачественные материалы, привлекать в свои типографии больших художников и именитых мастеров. Среди книг XVI—XVIII веков все больше обычных, вполне заурядных изданий.

Вместе с тем было бы ошибкой считать, что книгопечатание лишь упрощалось, что весь этот процесс заключался в смене искусства ремеслом. Как и любое другое дело, оно развивалось дальше. Медленно, но целенаправленно совершенствовалось техническое оснащение типографий, инструменты, оборудование.

Настоящий переворот в книжном деле произошел в XIX веке — веке многих выдающихся открытий в науке и технике.

Загляните в «Хронику книгопечатания», составленную Е. Л. Немировским и опубликованную в «Кратком справочнике книголюбца» (1976 г.). Посмотрите, как упорно и настойчиво двигалась вперед полиграфическая техника, как

все более и более широко на смену тяжелому непроизводительному ручному труду приходили машины!

Начнем с того, что в 1772 году базельский изобретатель Фридрих Вильгельм Гааза создал печатный станок с цельнометаллической оснасткой. Основные принципы деревянного станка Иоганна Гутенберга продолжали действовать и здесь, тем не менее это был уже более совершенный механизм, позволивший сделать существенный шаг вперед. Через несколько десятков лет на смену ему пришла печатная машина.

Изобретателем первой плоскочечатной машины считается Фридрих Кениг. В 1817 году совместно с Фридрихом Андреа Бауером он уже построил в Германии первый завод полиграфического машиностроения.

Одновременно велись поиски путей механизации такого трудоемкого дела, как набор, совершенствовались способы полиграфического воспроизведения в книге изобразительных материалов — рисунков, схем, чертежей и т. д. В 1797 году Алоиз Зенефельдер из Мюнхена изобрел литографию, в 1820 году Чарльз Хит (Англия) ввел гравюру на стали, в 1822 году тоже англичанин Уильям Черч получил патент на первую наборную машину с клавиатурой, в 1829 году француз Жан Жёну изобрел бумажное матрицирование...

Открытия и изобретения следуют одно за другим. 1836 год — академик Борис Семенович Якоби открывает в России гальванопластику; 1850 год — француз Фирмен Жилло придумывает цинкографию; 1866—1867 годы — русский изобретатель П. Княгининский создает первую автоматическую наборную машину — «автомат-наборщик» с программным управлением от перфоленты; 1882 год — немец Георг Мейзенбах изобретает автотипию...

Важным событием явилось изобретение в 1884 году Отмаром Мергенталером (США) строкоотливной наборной машины — л и н о т и п а. В 1897 году его соотечественник

Тольберт Ланстон создает буквоотливную наборную машину — монотип. Обе эти машины до сих пор широко используются в полиграфии.

Вот, настроив линотип, наборщик садится на свое рабочее место. Кажется, будто он «стучит» на пишущей машинке. Удар по клавишу — буква, еще удар — еще буква... И так — весь день...

А что же машина? Она знает себе гудит, работает: сама отлиывает литеры, сама соединяет их в слова, слова — в строчки. Набранная на линотипе строка — это цельная металлическая пластина. Одну букву от другой здесь уже не отделить, как при ручном наборе. Такой набор очень удобен, его нельзя рассыпать, правда, отдельные строчки-пластинки при невнимательной работе перепутать можно, но это легко поправимо.

Хуже, если наборщик допускает ошибки в тексте. Чтобы исправить единственную ошибку в строке, всю строку приходится набирать и отливать заново, что ведет к лишним затратам времени и труда.

Принцип действия монотипа совершенно другой. По сути дела, он состоит не из одной, а из двух машин. Первая выдает еще не набор, а довольно странную, на непосвященный взгляд, продукцию — широкую бумажную ленту с массой дырочек-отверстий. Все отверстия располагаются в определенных комбинациях, а каждая из них означает ту или иную букву.

Эта лента закладывается во вторую машину, отливной аппарат которой «читает» заданную ему программу и изготавливает литеры. Каждая буква, цифра, знак препинания при монотипном наборе отдельно и свободно стоят в строке. Если в каком-либо слове допущена ошибка, ее легко поправить, не трогая всей строки: достаточно удалить лишнюю или ошибочную литеру, а на ее место поставить нужную...

В начале XX века была изобретена офсетная печать.

Первую офсетную машину построил американец Рубель. Вначале она была довольно простой, однокрасочной. Позже появились более сложные и производительные машины. Сегодня многие книги, школьные учебники, детская литература, научно-популярные журналы печатаются в 2, 3, 4, 5, 6 и даже в 8 красок. Работой этих замечательных машин можно любоваться часами.

Формой для офсетной печати является не сам набор, а металлическая пластина, на которую путем копирования перенесены печатающие элементы. Эта пластина может быть алюминиевой или цинковой (монометаллическая форма).

Для начала металлическая пластина подвергается специальной механической обработке — зернению. Цель — получить равномерно матовую поверхность. Теперь нужно воспроизвести на ней все печатающие и пробельные элементы. Образуются они путем создания на пластине пленок, различных по своим молекулярно-поверхностным свойствам. Так, одна из них должна хорошо и устойчиво воспринимать краску (здесь воспроизводятся печатающие элементы), другая — влагу (пробельный материал).

В последнее время в типографиях появились мощные высокоскоростные офсетные машины, которые печатают книги огромными тиражами. Тут монометаллические печатные формы уже не выдерживают. На смену им приходят полиметаллические. Изготавливаются они на алюминиевой или стальной основе. На металлическую пластину гальваническим путем наносят тончайшие слои меди (для печатающих элементов) и никеля или хрома (для пробельных элементов). Затем пластина покрывается специальным светочувствительным копировальным слоем.

Печатающие элементы как на монометаллических, так и на полиметаллических пластинах создаются фотомеханическим способом путем копирования текста и иллюстраций

через негатив или диапозитив на светочувствительный копировальный слой. На освещенных участках пластины копировальный слой закрепляется, полимеризуется и теряет способность растворяться в воде. С других же участков, не подвергшихся действию света, этот слой при проявлении удаляется.

Вот, наконец, форма и готова. Остается закрепить ее на формном цилиндре печатной машины и нажать на кнопку «пуск»...

У офсетного способа печати много неоспоримых преимуществ. Прежде всего, резко возросли скорости печати. Кроме того, за один прогон на бумагу наносится несколько красок, а часто сразу все необходимые. Хорошая современная офсетная машина — это целый агрегат. С высокой скоростью наносит она все краски на лицевую и оборотную стороны печатного листа, сушит, автоматически фальцует листы в тетради и по конвейеру направляет их на подборку в переплетный цех.

Еще одно важное преимущество офсета — значительное повышение износостойкости печатных форм. Если с металлического набора, без матрицирования, можно отпечатать книгу тиражом в несколько десятков тысяч экземпляров, то с офсетной формы — в сотни тысяч.

Объясняется это особенностями самой печати. Чтобы понять их, бросим хотя бы беглый взгляд на строение типичной офсетной печатной машины. Основные ее части следующие: листопитающее устройство (самонакладка), печатающий аппарат, красочный и увлажняющий аппараты и приемно-выводное устройство, куда поступают отпечатанные листы.

Больше всего нас интересует печатающий аппарат. Его составляют три цилиндра: формный, на который крепится пластина с печатной формой; офсетный, покрытый эластичным резиновым полотном; печатный, на котором находится бумага.

Все цилиндры вращаются и находятся в постоянном движении. При вращении формного цилиндра по поверхности печатной формы один за другим прокатываются валики увлажняющего и красочного аппаратов. С формы краска переходит сначала на резину офсетного цилиндра и лишь с нее — на бумагу...

При высокой печати краска с набора под давлением сразу переходит на бумагу. В офсете, как мы видим, между печатной формой и бумагой встала резина. Достаточно прочная и в то же время эластичная, она резко уменьшает давление на печатную форму. Это и сберегает ее, позволяя печатать книги большими тиражами. Кроме того, заметно улучшается качество печати.

Еще не так давно процесс подготовки печатной формы для офсета был весьма громоздким. Взять, к примеру, текст. Сначала его набирали на обычной наборной машине, затем тщательно вычитывали, правили. С окончательно выправленного и готового к печати набора получали качественный оттиск, который и фотографировали.

Сейчас, когда металлический набор все решительнее вытесняется фотонабором (о нем разговор — впереди!), изготовление офсетных форм значительно ускорилось и упростилось.

XX век внес большие изменения в материально-техническую базу книгопечатания. В 50—60-х годах в полиграфическое производство пришла электроника, она произвела подлинную революцию в наборном деле. Фотоэлектроника перестроила изготовление иллюстрационных форм, цветокорректуру и цветоделение.

Механизация, автоматика коснулись всех процессов производства книги, будь то набор, печать, брошюровка, переплетные работы и т. д. Даже упаковывают поступающие с конвейера книги автоматы.

Веление времени

Одним из главных, решающих этапов создания книги является изготовление печатной формы.

Сегодня мы являемся свидетелями широкого внедрения принципиально нового способа ее создания.

В чем заключается его новизна? Во все большей автоматизации процесса набора? И так, и не совсем так. Новый способ тем принципиально и отличается, что совсем обходится без набора в привычном его понимании.

Выходит, устарел гениальный «словолитный прибор» Гутенберга? И великолепные линотипы устарели? И моно-типы?

Да, устарели, ибо любое открытие, как бы велико оно ни было, не в состоянии исчерпать проблему до конца и быть одинаково эффективным во все времена.

Потребностям эпохи научно-технической революции больше отвечает новое решение — это фотонабор.

Значит, набор все-таки остается?!

Да, но теперь он уже не нуждается в металлических ли-терах, доставивших в свое время столько хлопот первым печатникам. И набираются теперь вовсе не они, а лишь фото-графические отпечатки букв и знаков препинания, из ко-торых, как прежде из металлических брусочков-литер, складываются слова.

Первую фотонаборную машину еще в 1894 году построил русский изобретатель В. А. Гассиев. Для своего вре-мени, когда только входили в жизнь линотипы аме-риканца Мергенталера, а монотипов даже не существо-вало, идеи Гассиева показались слишком смелыми и не нашли в технически отсталой России необходимой под-держки.

В дальнейшем к идее фотонабора возвращались неод-нократно. В 30-е годы фотонаборными машинами у нас за-нимались А. К. Конторович, Л. Е. Каплан и другие. Однако

время фотонабора еще не пришло: существовавшие тогда способы набора еще далеко не исчерпали себя.

Основательно идею изготовления печатной формы с помощью фотонабора стали внедрять лишь после второй мировой войны — на новой технической основе, в условиях начавшейся научно-технической революции, и результат оказался замечательным.

Впрочем, вначале все выглядело гораздо скромнее. При ручном фотонаборе, когда текст набирался из фотоотпечатков букв и затем фотографировался, дело продвигалось медленно. Машины значительно ускорили этот процесс. Но настоящее чудо пришло лишь тогда, когда в дело «вмешалась» электроника.

Современные системы, в которые входят фотоэлектронные автоматы, электронные запоминающие устройства ЭВМ, позволили полностью автоматизировать весь наборный процесс. Скорость набора таких систем колоссальна — более 1000 знаков в секунду и несколько миллионов в час.

Одна такая фотонаборная система способна заменить более 500 линотипов!

Сейчас новый способ набора успешно внедряется и в нашей стране.

От привычных цехов горячего металлического набора, обычно довольно шумных, загроможденных далеко не миниатюрными линотипами, цехи или участки фотонабора отличаются разительно. Первое впечатление — простор, свет, чистота! Свежий, чистый воздух. Стены помещения для звукоизоляции обиты специальными панелями.

Чистый воздух — это хорошо. Однако куда важнее другое — исчезло общение с металлом, нет свинцовой пыли. А это значит, что несравнимо улучшились условия труда, ликвидированы причины профессиональных заболеваний, и само представление о наборе как о «вредном производстве» здесь уже устарело.

С первого взгляда фотонаборный участок напоминает

обычное машинописное бюро. Внимательные, сосредоточенные фотонаборщицы склонились над клавиатурой небольших изящных машинок.

Здесь — начальное звено наборного процесса.

Электропрограммирующие машинки для фотонабора (ЭПФ), за которыми трудятся наборщицы-операторы, выдают еще не готовый набор, а перфоленту с закодированным набранным текстом. В соседнем отделении, где находятся главные агрегаты фотонаборного механизма, идет обработка зафиксированных на перфоленте команд. Эти команды передаются дальше, в механическую часть агрегата с шрифтовым диском, вмещающим целую гарнитуру шрифта (от самого мелкого до самого крупного): он один заменяет множество обычных медных матриц.

Необходимой частью механизма является большая кассета с фотопленкой. Нужный сигнал-команда поступает сюда через линзу, и та фотографирует каждый раз именно ту букву на шрифтовом диске, которую ей указывает «электронный мозг» агрегата.

Сигнал — буква, сигнал — буква... Буква, сфотографированная на пленку, а не отлитая из металла! Металла при этом способе вообще нет. Весь текст, «запрограммированный» наборщиком-оператором, буква за буквой, знак за знаком переносится на фотопленку. Остается получить с нее оттиск, вычитать текст, смонтировать полосы — и форма для печати готова. Если в систему включено автоматическое читающее устройство, необходимость вычитки текста человеком сама собой отпадает — достаточно хорошо подготовить оригинал, а все остальное, вплоть до верстки, происходит как бы без нашего непосредственного участия.

Кроме чрезвычайно большой скорости, фотонабор обладает рядом других немаловажных преимуществ. Так, фотонаборные машины располагают широким диапазоном шрифтов по их начертанию и кеглю, обеспечивают наилучшее качество печати, резко сокращают расход всегда де-

фицитных типографских сплавов, решительно улучшают санитарно-гигиеническую обстановку в полиграфических предприятиях, несравнимо увеличивают производительность труда, повышают общую культуру производства.

Разумеется, сложнейшее оборудование, которое применяется при фотонаборе, могут обслуживать лишь специалисты очень высокой квалификации. Их пока не хватает. Однако со временем, надо думать, и эта проблема будет решена.

Книга становится сложнее

Книгопечатание после Иоганна Гутенберга, как видим, не стояло на месте и особенно за последнее столетие претерпело огромные изменения, став полноправной отраслью производства.

Однако изменялась не только полиграфическая техника, совершенствовалась и сама книга. Правда, процесс этот шел куда медленнее и открытий здесь гораздо меньше, нежели в технике. Переплет, форзац, титул, череда довольно однообразных страниц, снова форзац и переплет — вот и все «путешествие» по рядовой, стандартной массовой книге.

И все-таки, унаследовав основные, освященные многовековыми традициями формы, современная книга заметно отличается от своей предшественницы даже не очень далекого прошлого. Удобнее, компактнее стали ее размеры. На переплеты используются новые синтетические материалы — более эстетичные и не менее прочные. Традиционные бумажные обложки и картонные переплеты все чаще покрываются прозрачной синтетической пленкой, которая делает книгу наряднее и долговечнее.

Принципиальные изменения произошли и в ее внутреннем строении. Прежде всего более живой и разнообразной

стала верстка текста. На смену прежним однообразно-скучным полосам сплошного или, реже, двухколоночного набора все решительнее приходит монтаж разных по характеру и назначению текстов в пределах одной страницы или разворота. Такие необычные комбинации, где каждый текст набран своим, отличным от других шрифтом, где рядом с основной соседствуют еще две-три дополнительные рубрики, не только оживляют книгу, но и обеспечивают немало удобств для читателя.

Вот, например, книга об известном художнике. Вся она, от страницы к странице, состоит как бы из двух «уровней». На верхнем «этаже» искусствоведческий анализ творчества художника, на нижнем — его популярная биография. Основной текст набран крупнее и в одну колонку, дополнительный — мельче и в две колонки.

Хорошо ли это, удобно ли? Безусловно. Во-первых, оба текста взаимно дополняют и обогащают друг друга, во-вторых, книга может быть полезной не только для узкого круга специалистов-искусствоведов, но и для читателей, менее искушенных в искусстве. Ну, и в-третьих... Разве от умелого сочетания различных шрифтов и форматов набора книга не стала зрительно богаче и привлекательнее?

А вот еще одно издание — сборник статей о нашем, социалистическом образе жизни. Казалось бы, что тут мудрить? Все просто, и ничего лучше традиционного решения не придумаешь! Однако создатели книги решительно перешагнули через порог привычного. Да, основу ее составили научно-популярные статьи философов, социологов, публицистов, но только основу. Рядом с этим текстом расположился другой, более плотный, убористый, вроде бы дополнительный, но тем не менее тоже очень важный. Здесь — живое слово участников всех наших дел и достижений: рабочих, хлеборобов, животноводов, людей науки, культуры и искусства, партийных работников, врачей, студентов, домохозяек, крупных руководителей, многодетных матерей,

пенсионеров... Мало того, в специальных «врезках», выделенных и шрифтом и дополнительным цветом, приведены любопытные цифры, на которых в обычном тексте взгляд по привычке просто бы не задержался.

А сколько изменений наблюдаем мы в расположении и «подаче» заголовков, подзаголовков, сносок, примечаний, таблиц, схем и других подобных элементов! Нарушение строгого однообразия текстовой полосы особенно заметно в учебных изданиях. Здесь тоже есть основной и дополнительный тексты. В дополнительном — вопросы к прочитанному, практические задания, упражнения, исторические документы и т. д. Подай все эти разнохарактерные тексты одним шрифтом — скучно было бы глазу, трудно было бы школьнику отделить одно от другого. Учитывая это, вводят множество всевозможных шрифтовых и технических акцентов: набор различными гарнитурами и кеглями, рамки, звездочки, линейки. Часть текстов выносится даже на святая святых книги — на поля.

Все привычнее чувствуют себя в книгах отпечатанные на других сортах бумаги вкладки и целые блоки с иллюстрациями, а также иллюстрации, выполненные на специальных синтетических материалах, гибкие диски с грамзаписью голоса автора или, к примеру, иностранного языка...

Наконец, с изобретением офсетной печати в книгу широко потоком хлынул цвет. Сбылась мечта великого Гутенберга — воспроизводить на печатном станке пергаментные иллюминированные рукописи во всем их колористическом великолепии.

Новые технические решения не только создают нужный эффект, порой без них вообще никак не обойтись. Так было, например, когда работники «Атомиздата» решили рассказать о «внутреннем строении» такого сложного сооружения, каким является советский атомный ледокол «Ленин». Обычные иллюстрации, схемы и чертежи здесь оказались бессильными. Пришлось долго экспериментировать. Нако-

нец, выход был найден: применили прозрачные синтетические пленки, наложенные друг на друга. Откидывая одну за другой с напечатанными на них изображениями, читатель словно бы входит, углубляется в само сооружение, проходит его насквозь, изучая нужные ему узлы и агрегаты.

А вот сообщение еще об одной необычной книге. Оно пришло из Испании, где проходил первый международный конгресс, посвященный Сервантесу. Участникам конгресса демонстрировали ее... на экране. Вот что писала по этому поводу газета «Правда»: «На экране — красная земля Ла-Манчи, синее безоблачное небо, деревня Эль-Тобосо, «замок», где звучал голос прекрасной Дульсины, белые мельницы, словно ожидающие новой встречи с храбрым идальго Дон Кихотом.

Так писатель Эусебио Гойкочеа показывает испанскую провинцию Ла-Манча в своей книге, посвященной земле, название которой увековечил своими подвигами рыцарь печального образа Дон Кихот Ламанчский.

Слово «показывает» в отношении этой книги можно употребить в прямом значении. Два ее первых тома составили 270 цветных диапозитивов... и две магнитофонные кассеты с записью дикторского текста и музыки — песен и романсов, которые упоминаются в романе Сервантеса. Третий том — литературный рассказ о провинции, о местах, связанных с жизнью и творчеством великого испанского писателя, с похождениями Дон Кихота...»

Есть ли предел мастерству?

Печатная книга возникла как явление искусства, и это навсегда наложило на нее свой отпечаток. В разные эпохи соотношение ремесла и искусства, производства и искусства бывало различным, но никогда не опускалось к нулю. В области книги работали многие великие художники и

большие мастера, отлично знавшие и любившие свое благородное дело. Они-то прежде всего и двигали вперед технику и искусство книгопечатания, в разное время создавали подлинные шедевры, которыми мы не перестаем восхищаться многие годы.

Тысячи людей ежедневно посещают крупнейший музей мира — ленинградский Эрмитаж. Каких редкостей тут только нет. И все-таки даже в этом изобилии экспонатов внимательный посетитель не может не обратить внимания на... книги. Они тоже попали сюда из разных стран и столетий и демонстрируют нам великолепное мастерство их создателей.

Лицо книги — переплет. Сколько труда, изобретательности, вкуса вкладывали в него художники и мастера рукописной книги! С утверждением книгопечатания опыт и традиции старых умельцев не были забыты. И хотя переплеты массовых печатных книг чаще всего были и строже, и гораздо скромнее по своему убранству, для книг, которым предназначено было стать шедеврами, мастера не скупилась ни на талант, ни на дорогие материалы.

Вот небольшая по формату книга, изданная в XVIII веке в Германии. Переплет ее крыт дорогим зеленым бархатом. Металлические наугольники предохраняют от всевозможных повреждений. Почти всю площадь переплета занимает высокохудожественная по замыслу и исполнению серебряная «застежка». Все это вместе создает изумительный ансамбль.

А вот еще один томик точно такого же формата, рожденный еще раньше — в XVII веке — в Голландии. Здесь переплет выполнен из другого материала, причем довольно редкого в Европе, — из полированного черепахового панциря. Наугольники, застежки, шарниры — из гравированных серебряных пластин. На первый взгляд, драгоценная штука да и только! Впрочем, действительно драгоценная...

Часами можно любоваться переплетами работы фран-

цузского мастера XVIII века Дюбюиссона, не менее искусными работами художников Италии, Англии, Польши, России, стран Востока... Любая из них — подлинный шедевр. Кожа, бархат, марокен, серебро, роскошное тиснение золотом, аппликация и инкрустация различного цвета кожей, изумительные по своим художественным достоинствам декоративные рамки и орнаменты, превращающиеся порой в затейливые золотые кружева, как бы легко накинутые на книгу...

Шедевры... Это не только сохранившиеся единичные экземпляры. С полным правом мы к ним относим также многокрасочные книги по искусству, альбомы репродукций великих художников, памятников зодчества и т. д. Однако здесь на первый план больше выдвигается уже техника исполнения, в решающей степени зависящая не столько от художественных способностей мастера, сколько от уровня развития полиграфического дела в целом.

Встречаются среди шедевров и совершенно особенные издания. Одни из них — рекордсмены по величине, другие, напротив, по миниатюрности. Так, «Великий Коран», который в свое время был хорошо известен в Самарканде, в высоту превышал два метра. Атлас курфюста Бранденбурга Фридриха-Вильгельма (XVII в.) был немного меньше. Высота его составляла 178 сантиметров, ширина — более метра, вес — 110 килограммов. Такой атлас впору на слона грузить, а не носить под мышкой!

Теперь представьте себе, что рядом с таким великаном лежит спичечный коробок или обычная почтовая марка. Порой на одной ладони их умещается несколько, а в пригоршне — целая библиотека. И это тоже — книги, тоже шедевры, число которых год от года растет.

Книжка-малышка, книга-миниатюра, печатный лилипут...

Особенно широкий размах такие издания получили в последнее время. Это различного рода справочники, словари, разговорники, чье назначение быть всегда с человеком и

не обременять его ни своей тяжестью, ни своими размерами. Тиражи их с каждым годом растут, но владельцем их становится далеко не каждый желающий.

Впрочем, тематика микрокниг довольно разнообразна. Вот крохотный двухтомник, свободно уместящийся на ладони. В одном томе 350 страниц, в другом — 362. Формат 55×45 миллиметров. Это известная книга Юлиуса Мадера, Герхарда Стухлика и Хорста Панерта «Доктор Зорге радирует из Токио» — документальное повествование о видном антифашисте и разведчике Герое Советского Союза Рихарде Зорге. Выпустило двухтомник одно из издательств ГДР, набрали, отпечатали и переплели умельцы Лейпцигской типографии имени Андерсена Нексе.

Родословную малюток принято начинать с книги, напечатанной в 1505 году в Венеции, но относительно большого формата — 100×100 миллиметров. Правда, еще раньше, в 1468 году, ученик Иоганна Гутенберга Петер Шеффер издал в Майнце книгу форматом 94×65 миллиметров. После него мини-книжки выпускали Андреа Торрезани в Венеции, Герард Леу в Антверпене, Иоганн Амербах в Базеле, Ульрих Целль в Кельне и другие известные типографы. Немало замечательных малоформатных книг изготовлено в типографиях Альда Мануция, Эльзевиров, Кристофа Плантена...

Если первые миниатюрные издания чаще всего были обычными молитвенниками, то в последующем они становятся весьма разнообразными по своему содержанию и назначению. В начале XIX века в Европе широкое распространение получают миниатюрные издания классиков художественной литературы. Так, фирма «Джонс и К^о» в Англии выпускает «Библиотеку путешественника» из 43 книг, помещаемых в одном ящике. Второе издание насчитывало 51 томик. Ящик-футляр искусно имитировал форму книги. Открывший его получал маленький двухстворчатый книжный шкафчик с целой библиотекой изящных томиков своих люби-

мых авторов. Такую библиотеку действительно приятно и необременительно иметь в дальней дороге!

Серию из книг классиков античной литературы во Франции выпускал издатель Фирмен Дидо.

Мини-книга со всеми сложностями ее изготовления издавна привлекала мастеров многих стран, ставящих перед собой задачу «выказать степень совершенства» печатного искусства. Все дальше и дальше уходили они от максимально допустимого формата, все более и более оттачивали свое мастерство.

Самой маленькой наборной книгой считается миниатюрное издание, отпечатанное в 1896 году в Падуе. Это знаменитое письмо Галилео Галилея к Кристине ди Лорена. Размер книги 16×10 миллиметров. Формат полосы набора 10×6 миллиметров.

Для подготовки печатной формы такого уникального издания был применен созданный еще в 1834 году итальянцем Антонио Фариной микроскопический шрифт. Этим шрифтом была набрана также «Божественная комедия» Данте, содержащая 499 страниц (размер 54×38 миллиметров).

Сколько тонкого искусства, терпения, одержимости требовала каждая операция по выпуску этих малышей, будь то отливка сверхкрошечного шрифта, набор, иллюстрирование, печать, фальцовка отпечатанных листов в тетради, изготовление блока, переплет!..

На мини-книгах испытывали свое мастерство и талантливые русские типографы. Первое издание в России появилось в 1788 году. Это был сборник описаний фокусов и различных физических опытов. Назывался он «Искусство быть забавным в беседах». Единственный дошедший до наших дней экземпляр этого издания хранится в Ленинграде, в библиотеке Академии наук СССР.

В 1829 году в Москве была напечатана книжица под названием «Гостинец милым малюткам на Новый год, или Собрание забавных сказок и басен». «Гостинец» этот имел

размер 88×77 миллиметров и, надо думать, пользовался огромным успехом не только у детей, но и у взрослых.

В 1855 году в Петербурге вышла книга басен Ивана Андреевича Крылова. Размер ее 29×22 миллиметра, полоса набора — 21×14 миллиметров. Чтобы шрифт выдержал процесс печатания, его отлили не из обычного типографского металла — гарта, а из серебра. Сборник басен Крылова издания 1855 года по праву считается жемчужиной русской дореволюционной полиграфии.

Интерес к книжной миниатюре не ослабевал в нашей стране даже в самые тяжелые годы. Так, в 1921 году, когда повсюду царили разруха и голод, энтузиасты типографии города Кинешма выпустили Конституцию РСФСР форматом 62×37 миллиметров. Сколько самозабвенного труда, несокрушимой веры в новую жизнь, в торжество идей революции вложили полуголодные рабочие в свое детище! Это не может не волновать, не трогать.

В Советском Союзе большое количество микроформатных изданий выходит не только в центральных, но и в республиканских и областных издательствах. На многих из них — след местных, национальных художественных традиций: футляры и переплеты изготавливаются из тисненой кожи, поделочного камня, дерева, тканей, бересты, медных пластин с чеканкой, по примеру древних манускриптов инкрустируются драгоценными камнями.

Малыми форматами в нашей стране чаще всего издаются произведения художественной литературы, подлинные памятники духовной культуры советских народов. Более 50 раз в последнее время выходили миниатюрные издания А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, неоднократно — А. С. Грибоедова, И. А. Крылова, Н. А. Некрасова, Ф. И. Тютчева, В. В. Маяковского, С. А. Есенина, М. А. Шолохова, П. П. Бажова, Р. Г. Гамзатова, Джамбула, Токтогула, Якуба Коласа, Янки Купалы и многих других.

Книги эти можно читать невооруженным глазом. В необ-

ходимых случаях к ним прилагается увеличительное стекло.

В СССР выпущена самая маленькая книга о В. И. Ленине. Размер ее 16×16 миллиметров. В книге помещен отрывок из поэмы Владимира Маяковского «Владимир Ильич Ленин», фоторепродукции и 11 изумительно точных портретов Ильича. Спичечная коробка по сравнению с таким «томом» — просто великан. В ней смогла бы разместиться целая библиотечка подобных изданий.

Форматы многих книг достигают размера обычной почтовой марки. Но и на этом не останавливаются беспокойные и пытливые люди. И в самом деле: есть ли пределы мастерству? На одной из международных книжных выставок я рассматривал в микроскоп книгу, изготовленную украинским мастером Н. С. Сядристым. Это «Кобзарь» Тараса Шевченко, самая маленькая книга в мире. Три ее экземпляра свободно разместились бы в обыкновенном маковом зерне. Книга запросто проходит через ушко иглы. В ней 12 страниц, на каждой из которых расположено по 8 стихотворных строк. Две страницы занимают иллюстрации — портрет поэта и копия его рисунка «Батькова хата». Однако более всего меня поразило другое. Страницы книги сшиты не обычной ниткой, а тончайшей паутинкой. Обложка же выполнена из золотистого лепестка... бессмертника. Ну, чем не Левша, который когда-то подковал блоху!

Уникальный сувенир для гостей подготовили организаторы XX Олимпийских игр в Мюнхене. Чтобы добраться до него, требовалось, как писали газеты, «открыть футляр из тисненой кожи, извлечь оттуда пластмассовый «саркофаг», отвести крышку, вращающуюся на оси, и затем вытряхнуть содержимое на ладонь. Руками вынуть из гнезда крохотное создание вряд ли удастся: для этого наши пальцы — неподходящий инструмент, слишком грубы. Вооружившись лупой, можно отчетливо прочитать на страницах размером с крыло «божьей коровки» текст Олимпийской клятвы на семи языках».

Умельцы из Германской Демократической Республики создали самую маленькую в мире азбуку в картинках. Размер ее не больше пшеничного зернышка, и пользоваться такой азбукой можно лишь с помощью микроскопа и тончайшего пинцета, какие имеют разве что одни часовщики...

Здесь, правда, нужно сказать вот что. Когда мы говорим о миниатюрных изданиях, то имеем в виду самую настоящую книгу, только очень маленького формата, набранную, отпечатанную и тиражированную в типографии. Книги типа «Кобзаря» или азбуки в картинках, о которых только что шла речь, как бы они ни поражали своей уникальностью, неповторимостью, к миниатюрным изданиям все же отнести нельзя.

Не имели к ним отношения и книжечки, представлявшие собой уменьшенные копии обычных книг. Печатались они не с наборных форм, а с пластин, изготовленных с помощью фотоцинкографии. Таким путем можно было получить «книгу» любого, даже самого маленького размера, однако образцов типографского искусства они собой не являли. Именно о таких поделках пишет Н. П. Смирнов-Скоковский: «В дни моей молодости этими книгами-брелочками были полны часовые и ювелирные магазины. Это были и «Евгений Онегин» Пушкина, и его же «Полтава», молитвенники, кораны, словари и так далее и так далее. Ценились они от рубля до трех за штуку, в зависимости, главным образом, от футляров, которые в некоторых случаях были и золотыми... Никакого другого значения, кроме «подарочного», эти книги-брелоки не имели. Подарки эти, к тому же, считались дурного вкуса, и кроме замоскворецких купеческих щеголей, любивших обвешивать себя всякой мишурой, иных покупателей на них не было...»

Рассмотрим еще несколько любопытных книг.

Нет, они не относятся ни к чемпионам-великанам, ни к рекордсменам-малышкам. Они интересны другим. Как вы-

цвела и потускнела, должно быть, от времени их бумага. Как странно, явно вручную сшиты тетради из блоков. Как абсолютно не современно выглядит переплет, какие на нем пятна, вмятины, наплывы... Это очень старые издания. Раскрываем одно из них, к примеру, вот это — «Юности честного зеркала». И точно: на титульном листе стоит дата выпуска — 1717 год!

— Откуда такая редкость?! — невольно вырвется то ли восторг, то ли удивление.— Ведь эта книга была выпущена еще в петровские времена. Да и сохранилось из всего тиража каких-то один-два экземпляра, а тут — целая дюжина...

Не сразу поверишь, что эта книга только что сошла с книжного конвейера и является всего лишь копией той действительно старой и действительно редкостной, которая тщательно хранится в сейфе отдела редких книг Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина в Москве.

Такое же чувство восторга, удивления и растерянности остается после знакомства и с другими факсимильными изданиями, которых в последнее время вышло довольно много.

«Факсимиле» в переводе на русский язык означает «делай подобное». В обиходе у книгovedов это «очень точно воспроизведенное полиграфическим путем изображение, которое трудно отличить от подлинника». Отсюда — факсимильное издание, репринт, то есть выпуск того или иного сочинения «точно в таком виде, в каком оно было издано или написано, например, впервые».

Для кого и для чего создаются такие книги-копии? Конечно, не для массового читателя: для него все эти ухищрения излишни. А вот для исследователей, книгovedов, библиофилов это воистину бесценный подарок.

И в самом деле: много ли к нашему дню сохранилось рукописных книг, скажем, времен Киевской Руси? Или той же «Азбуки» Ивана Федорова? «Редчайшие экземпляры!»—

говорят специалисты. А раз редчайшие, то и место их где-нибудь в специальных хранилищах, куда попадет далеко не всякий желающий.

Некоторые из них уже настолько ветхи, что не выдаются даже исследователям. Вот тут и приходит на помощь репринт с его чудесной способностью создавать превосходные копии, причем не в одном, а в тысячах экземпляров.

Теперь уникальный оригинал может непо потревоженным храниться в сейфе для будущих поколений, а его копии-двойники разойдутся по свету. Их смогут приобрести ученый и библиофил, получить в читальном зале библиотеки студент, подержать в руках на книжных выставках любой, кто интересуется прошлым своей родины, своего народа.

Книга — памятник духовной и материальной культуры породившей ее эпохи. Она нуждается в таком же бережном отношении, как и старинные дворцы, храмы, произведения искусства, предметы быта, окружавшие человека в его повседневной жизни.

О прошлом народа пытливому человеку рассказывает не только то, что запечатлено на страницах книги, но и то, как выглядит она сама, как и из чего сделана, какими были эстетические представления и уровень производства того времени, какую роль играла книга в обществе, кто был ее читателем, и многое другое.

Чтобы дать людям такую возможность, и трудятся наши издатели, художники, полиграфисты. Благодаря их кропотливейшему труду, горячей любви к книге, замечательному мастерству мы уже неоднократно встречались с обретенными вторую жизнь великими произведениями прошлого. Еще больше таких встреч впереди.

ПРАВДА

КНИГА

БУМАГА

•••••
•••••
•••••
•••••
•••••

КРАСКА

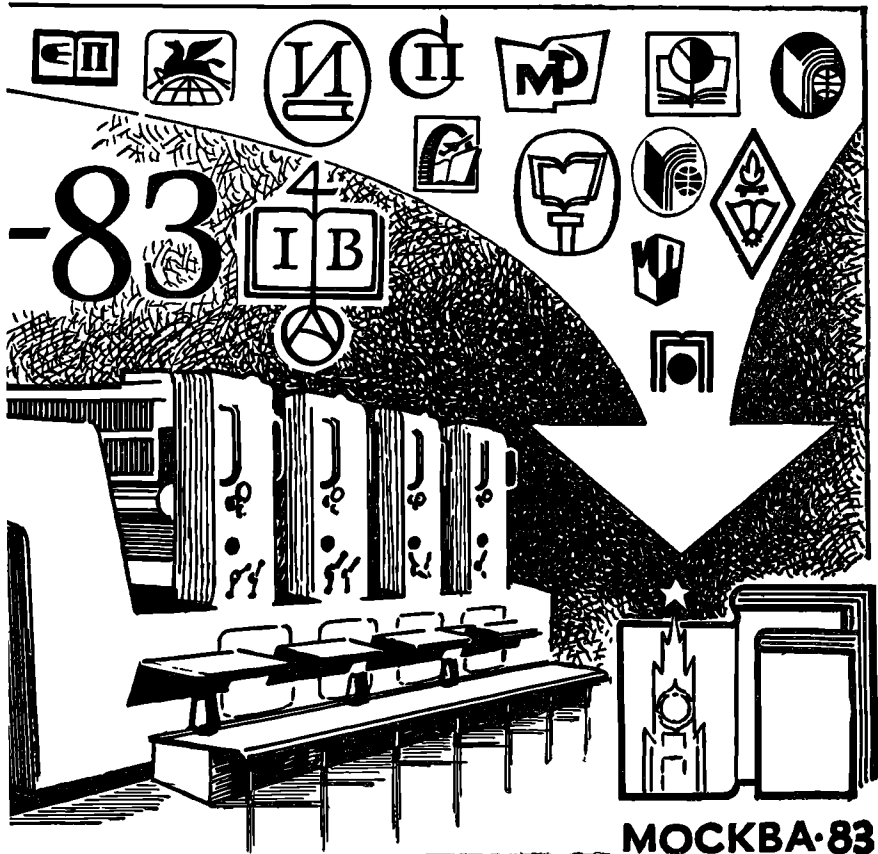
ЛАК

ХИМИЯ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КНИГА

*Превращение лесной красавицы. Бумаги требуется
все больше. А все ли должно печататься
на бумаге? Так есть ли у книги будущее?*

13

МОСКВА·83

Человек придумал книгу, придумал и материал, на котором она печатается,— бумагу. Мы уже писали, что в первое время ее производили из тряпок, древесного корья, бамбуковой щепы. Европейцы расширили сырьевую базу. Бумагу изготавливали не только из тряпья и макулатуры, представлявших собой ценный материал, не подлежащий вывозу из государства (даже законы на этот счет существовали!), но и из соломы ржи, пшеницы, овса, конопли, из старых рогож, водорослей, крапивы, ковыля, камыша и т. д.

Как делали бумагу в древние и средние века, мы тоже уже знаем. Труд был ручным с применением самой примитивной техники. Измельчали волокнистые материалы в специальных каменных ступах, позже — в толчеях, приводимых в движение водяными колесами или ветряными двигателями. Производительность труда была очень низкой. Так, два мастера-черпальщика с помощью двадцати рабочих за полный рабочий день получали от 80 до 120 килограммов бумаги. С нашей сегодняшней точки зрения, это чрезвычайно мало.

С развитием книгопечатания, быстрым ростом тиражей книг бумаги требовалось все больше. Соломы, старых рогож, тряпья не хватало. Тогда решили испробовать дерево — благо, лесов в то время в Европе было еще много! Опыт удался, и бумагу с тех пор производят из дерева, а точнее — из древесной массы и целлюлозы. Чтобы иметь какое-то представление о современном бумагоделании, «заглянем» на один из отечественных целлюлозно-бумаж-

ных комбинатов, а еще лучше — проследим за превращениями лесной красавицы сосны, срубленной холодным зимним днем где-то в далеких северорусских лесах...

Итак, жила-была сосна. Сколько лет прошумела она на ветру своей вечнозеленой колючей кроной, и сама не знала: может, сто, а может, и все двести. Не заинтересовался этим, не стал считать кольца на пеньке и лесоруботоропыга. Наскоро обрубил сучья, подцепил могучий ствол трелевочным трактором и потащил из лесной глуши на берег речки, где в ровных медово-янтарных штабелях лежали уже тысячи таких же сосен.

Весной речка зашумела, заиграла, подхватила сброшенные с кручи сосновые лесины и понесла их с собой. Долго плыла наша лесная красавица, подчиняясь прихоти веселой таежной речки, а потом угодила на берег, обсохла на солнышке и уже в тряском грохочущем железнодорожном вагоне покатилась дальше, пока не оказалась на лесной бирже целлюлозно-бумажного комбината, за сотни километров от родных мест.

Здесь лежать долго не пришлось. Подхватил сосну могучий кран, пронес, как пушинку, по воздуху и опустил на разделочную эстакаду, где специальные машины — слешеры — за одно мгновение напилили из нее добрый десяток полутораметровых бревен — балансов. Едва замолкли круглые бешено вращающиеся пилы, как балансы оказались на движущейся ленте транспортера. Тот увлек бревна в огромный окорочный барабан, где они очистились от коры и пыли, и понес их дальше — под гигантские ножи рубильных машин. Здесь их несколько, и любая способна изрубить, переработать в щепу по 300 кубометров древесины в час.

С помощью транспортеров очищенная и отсортированная щепа подается в высоченные, ничуть не ниже десятиэтажного дома, варочные котлы. Тут царят высокие давления и температуры. Их союзники — химические реагенты,

с помощью которых из щепы изготавливают целлюлозу.

Но и это еще не все. Прежде чем стать бумагой, целлюлоза промывается, процеживается, очищается от непереваренных частиц, отбеливается, проходит через дисковые или конические мельницы тонкого помола и лишь потом подается в бумагоделательную машину. Еще немного терпения — и вы увидите ослепительно белые рулоны прекрасной бумаги, на которой можно отпечатать любую книгу.

Весь этот долгий и сложный путь прошла и наша лесная красавица сосна.

Теперь самое время сказать, что из чистой целлюлозы изготавливают лишь высшие сорта бумаги. Обычную же, простую бумагу для газет, журналов, книг производят путем смешения целлюлозы с древесной массой. Но чем больше в ее составе целлюлозы, тем выше качество бумаги.

Древесная масса получается тоже не просто. Сначала бревна превращают в окоренные балансы, которые размалывают на огромных жерновах, затем образовавшуюся массу направляют в специальные ванны, где добиваются необходимой ее концентрации. В композиционном отделении будущей бумаге задаются необходимые свойства. Здесь к древесной массе в определенной пропорции добавляют целлюлозу, получившуюся бумажную массу пропускают сквозь специальные измельчители, которые укорачивают или расщепляют древесные и целлюлозные волокна. Чтобы бумага имела хорошие печатные свойства, в массу обязательно в строго определенных количествах вводят различные наполнители. Ими могут быть каолин, тальк, гипс, двуокись титана, проклеивающие вещества, красители.

Весь этот состав тщательно перемешивается в мешальном бассейне, и лишь теперь он готов для изготовления бумаги. Бумажная масса прежде всего поступает в так называемый напорный ящик бумагоделательной машины, с помощью которого масса равномерно стекает на тонкую

металлическую или пластмассовую сетку. На ней из разбавленной суспензии непрерывно формируется бумажное полотно, а специальные отсосы удаляют воду. В следующей, прессовой части машины происходит дальнейшее его обезвоживание и уплотнение. В сушильной части полностью удаляется избыточная влага, и, наконец, в отделочной — полотно подвергается необходимой обработке для придания лоска, выравнивается по толщине, на него наносятся определенные знаки и пр. Здесь же бумага наматывается в рулоны или при необходимости нарезается листами.

Одна такая бумагоделательная машина за сутки выдает до 500 тонн продукции. А сколько таких машин в нашей стране? А сколько — во всем мире?!

Бумаги требуется все больше

Мы живем в век научно-технической революции с ее колоссальным «информационным взрывом», немислимыми скоростями, великими открытиями и неожиданными проблемами.

Проблем — великое множество. Одна из них — бумага. Ее выпускается все больше и больше и все-таки не хватает. Не хватает, как никогда прежде. И в этом тоже повинен наш бурный XX век.

В 1950 году в мире было произведено 42 миллиона тонн бумаги, и это было немало. Через 20 лет, в 1970 году, все страны мира изготовили 268 миллионов тонн, то есть в шесть с половиной раз больше, но этого было мало.

В 1985 году будет выпущено 700 миллионов тонн бумаги. Однако не нужно быть провидцем, чтобы сказать уже сейчас: и эта астрономическая цифра проблемы не решит.

В условиях НТР бурно развиваются наука и техника, а отсюда — всевозрастающий поток научно-технической информации. Общеизвестно, что объем ее удваивается в

течение каждых 8—10 лет. Свыше 90 процентов фиксируется на бумаге.

Массу бумаги поглощают не только книги, но и конструкторско-технологическая, проектная, отчетно-статистическая, расчетная и другая деловая документация. Американский журнал «Ньюсуик» как-то писал, что ежегодная текущая документация правительственных учреждений США составляет по объему 700 тысяч кубометров. Для перевозки одних только бланков финансовых отчетов требуется более тысячи товарных вагонов. Вот вам и невинная «конторская бумажка», которую мы часто совсем не принимаем в расчет!

Развивается, бесконечно усложняясь, техника; одновременно растет и количество технической документации, абсолютно необходимой для постройки, а потом и правильной эксплуатации той или иной машины. Вот — живой пример. Известный американский самолет «Боинг-707» весит 26 тонн. Сколько же весит документация на его изготовление? А почти столько же, сколько сам самолет: 23 тонны!

Бумага широко используется в различных отраслях промышленности. Целлюлоза применяется для выработки шелка и штапеля. Из бумаги делают массу различных товаров бытового назначения — одежду, постельное белье, посуду, салфетки, полотенца, детские пеленки, обои и т. д.

Бумаги требуется все больше и больше. Лишь за один год в нашей стране выходит более 3 миллиардов экземпляров журналов и полутора миллиардов книг; ежедневно наши читатели получают свыше 160 миллионов экземпляров газет. Это только в одной стране, а если иметь в виду весь мир?!

Да, количество выпускаемой в мире бумаги стремительно (за последние 35 лет — почти в 17 раз!) растет, но это означает, что так же стремительно сокращаются и площади лесов на нашей планете. Нельзя забывать, что за каж-

дой книгой, журналом, папкой деловых бумаг стоит судьба наших лесов. Конечно, на один воскресный номер, например, американской газеты «Нью-Йорк таймс» бумаги тратится совсем мало. Ну а на весь тираж? Для этого приходится вырубать 80 гектаров прекрасного леса! 80 гектаров — на разовый выпуск одной-единственной газеты! Подобные факты не могут не волновать. Тем более что лес идет не только на производство бумаги.

Советский инженер А. Пеков однажды опубликовал такие цифры: «...в 1985 году ее, т. е. бумаги, будет выпущено 700 миллионов тонн. Если произвести несложный подсчет, исходя из того, что на одну тонну бумаги идет около 5 кубометров древесины хвойных пород, а 100 ее кубометров занимают площадь одного гектара, то получим, что для производства такого количества бумаги нужно срубить лес на территории примерно 350 тысяч квадратных километров. До тех пор пока на этой площади вновь вырастет лес, потребуется лет сто. За эти годы для нужд «бумажников» надо будет срубить лесной массив уже на площади, равной африканскому континенту. И это при условии, что все 100 лет ежегодное производство бумаги будет оставаться на уровне 1985 года».

Разумеется, выпуск бумаги на протяжении целого столетия никак не может стоять на одном уровне, стало быть, и лесов мы изведем гораздо больше. Так рождается новая проблема — проблема охраны окружающей среды, охраны леса, имеющего в жизни планеты и ее обитателей чрезвычайно большое значение.

Для производства бумаги необходима не только древесина. Целлюлозно-бумажные предприятия потребляют огромное количество чистой пресной воды, запасы которой в наш индустриальный век также быстро сокращаются.

Для выпуска одной тонны типографской бумаги требуется более 60 тонн воды. Ни один этап технологического

цикла производства бумаги не обходится без ее самого деятельного участия. Хуже того, в процессе переработки древесины вода загрязняется различными химикатами, в том числе очень ядовитыми, которые не так-то просто обезвредить. В итоге мы получаем еще одну серьезную проблему — проблему чистой пресной воды.

Теперь вернемся немного назад. Стремительный рост производства бумаги невозможен без такого же роста лесозаготовок. Одно дело доставить на бумагоделательные предприятия 210 миллионов кубометров леса (как это было, например, в 1950 году), другое — 3,5 миллиарда (столько древесины потребуется уже в 1985 году). Какая это колоссальная нагрузка на транспорт! Сколько придется построить новых дорог, железнодорожных вагонов, лесовозных барж! Во сколько раз должна вырасти и без того немалая армия лесозаготовителей, которую нужно обеспечить техникой, благоустроенным жильем и т. д.

А как переработать такое колоссальное количество сырья?

А как полиграфистам успеть за такими сверхвысокими темпами?

Проблемы, проблемы, проблемы... Одни из них уже решаются, к другим только-только начинают подступаться, об остальных пока лишь пишут и спорят, не подозревая, что следом за ними неизбежно появятся новые, не менее сложные.

Где искать выход?

Нельзя ли все-таки попытаться придумать что-нибудь такое, чтобы и книги печатались, и планета не осталась без лесов? Оказывается, можно.

И многое в этом направлении уже делается. Например, более рационально, комплексно используются лесные богатства, повышается эффективность лесовосстановительных работ, улучшается охрана леса от вредителей и пожаров. Возрастает коэффициент использования самой бумаги. Для

этого улучшают условия ее хранения и транспортировки, создают более емкие шрифты и тщательнее продумывают макеты книг, все чаще применяют более мелкие, «промежуточные» кегли, что при нынешних огромных тиражах оборачивается тысячами тонн сбереженной бумаги.

Однако всего этого недостаточно.

Невольно приходит мысль: хорошо бы леса заставить расти быстрее!

Когда-то так же мечтали заставить руку писца двигаться скорее. Выход нашли, возложив функции писца на машины. В данном случае и техника не в силах что-либо существенно изменить: чтобы дерево выросло и стало пригодным для дела, требуется 80—100 лет. Так было века назад, так, очевидно, будет всегда, и с этим приходится считаться.

Но если нельзя заставить лес расти быстрее, то, вероятно, стоит еще раз подумать о его замене? Мы помним, с чего начинали первые бумажные мастера. Многие перебрали они в своих поисках и остановились на древесине. А может быть, зря остановились и не следовало довольствоваться только этим? Ведь природа так щедра и богата, что, возможно, рядом с нами находится нечто не менее полезное для производства бумаги, чем лес?

Ученые отвечают на этот вопрос положительно. В качестве одного из заменителей дефицитного древесного сырья рекомендуется «старший брат» тростника и «младший брат» бамбука — арундо. Арундо донакс (арундо тростниковый) относится к группе гигантских злаков. За лето он вырастает до 6—8 метров в высоту, причем каждое лето — заново.

Многими своими данными арундо напоминает одновременно тростник и бамбук, занимая промежуточное положение между ними. Растет он чаще в диком состоянии. Ареал его распространения довольно широк — Северная

Африка, Средиземноморье, Иран, Афганистан, Пакистан, Индия, Бирма, Южный Китай. У нас он встречается по долинам рек в Азербайджане, Восточной Грузии и в южных районах Средней Азии. В странах Южной Америки, в США, Франции, Италии, Румынии и др. этот чудесный злак-богатырь культивируется давно и широко используется в хозяйстве.

Арундо донакс — там, где его возделывают, — применяют в основном в качестве корма для скота. Зеленая масса этого растения поистине огромна: до 100—200 тонн на каждый гектар. Причем она обладает многими отличными качествами: содержит большое количество переваримого белка — протеина (в 4—5 раз больше, чем в кукурузе!), углеводов, сахара, крахмала, фосфора, калия, витамина С и др.

Заинтересовавшись этим удивительным злаком, ученые открыли для себя и другие возможности его широкого использования. Так, из него можно получать текстильную вискозу, дешевые волокнистые и твердопрессованные плиты, кормовые белковые дрожжи, спирт, глюкозу, фурфурол и прочие ценные продукты.

Чем же арундо может быть полезен нам, ищущим замену дефицитной древесине при производстве бумаги?

На этот вопрос отвечает доктор биологических наук П. Кроткевич в статье «Арундо — богатырский злак», опубликованной в журнале «Наука и жизнь» в 1981 году. Отмечая, что тростник арундо может и должен стать эффективным заменителем древесины, он пишет: «По продуктивности гектар заросли арундо эквивалентен 25—30 гектарам леса. Техническая спелость его плантаций обычно наступает на второй-третий год после посадки (у леса она наступает спустя много десятилетий). Плантации злака можно эксплуатировать в течение 25 лет, а при омоложении стареющих корневищ — 50 и более лет. Лес же рубят один раз спустя много десятилетий после посадки.

Таким образом, в течение одного цикла жизни леса, например за 100 лет, можно снять с одного гектара до ста урожаев злака арундо (при условии его культивирования) и получить в сумме во много раз больше ценной органической массы, чем дает лес... Из арундо можно получать целлюлозу, картон, писчие и типографские сорта бумаги... Во Франции, страдающей от недостатка древесины, разрабатывается проект создания плантации арундо на площади 20 тысяч гектаров, которая будет снабжать местным сырьем завод мощностью 500 тонн целлюлозы в сутки. Подобные заводы могли бы работать и у нас в южных безлесных районах, в Азербайджане и Грузии».

Проведенные опыты показали, что арундо можно успешно выращивать на огромных просторах нашей страны — в Крыму, причерноморских степях Украины, в Закарпатье, на Кубани, в Ставропольском крае, Ростовской области, Калмыкии, Нижнем Поволжье, Узбекистане, южном Казахстане...

Гигантский злак растет на самых различных почвах — от тощих песков до плодородных суглинков. Не боится болот и сильно засоленных земель, хотя всем другим предпочитает почвы лугового типа с близкими подпочвенными водами.

На стороне богатыря-арундо неприхотливость, долговечность, скороспелость, феноменально быстрый рост, непревзойденные мелиоративно-защитные свойства, широкий диапазон использования. Ученые горячо ратуют за освоение этой прекрасной культуры, и чем скорее решится вопрос практически, тем благоприятнее скажется это на судьбе наших лесов.

Идут поиски заменителей древесины и в других направлениях. Чтобы не тратить дефицитную бумагу, например, на технические нужды, ученые стремятся найти ей достойную синтетическую замену.

Одна из таких замен — стекlobумага, то есть бумага из... стекла.

Преимущества у нее перед традиционной бумагой из древесной массы и целлюлозы очень много. Во-первых, сберегается наш зеленый друг — лес, что чрезвычайно важно само по себе. Во-вторых, запасы сырья для выпуска стекlobумаги (обычное — для стекольной промышленности!) на земле поистине неограниченны; для стран, не имеющих лесов, это великое благо. В-третьих, что тоже очень существенно, производство ее будет экологически безвредным. В-четвертых, качественные показатели стекlobумаги по многим параметрам гораздо выше. Например, она не горит даже при температуре 600 градусов, не боится воды и кислот. Надо ли говорить, как это важно при использовании ее для технических нужд. Гораздо проще решается и вопрос утилизации использованной бумаги — ее просто переплавляют в специальных печах, чтобы тут же вновь пустить в дело.

Вместе со множеством преимуществ у стекlobумаги есть и один серьезный недостаток: она пока очень дорога. Объясняется это новизной проблемы и неразработанностью технологии. Думается, что дальнейшие поиски в этом направлении не останутся безрезультатными.

Специалисты считают, что стекlobумага может найти широкое применение и для выпуска книг, журналов, газет. Стеклолист в 2—3 раза тоньше обычного бумажного. Значит, выходящие из типографий томики станут еще изящнее, а заодно и наряднее: ведь бумаге, созданной из стекла, легко придать любой цвет.

Ведутся и другие поиски. Например, в 1980 году на Малинской бумажной фабрике в СССР было освоено получение бумаги из синтетического волокна. Сейчас здесь производят лавсановую, электроизоляционную и высокотермостойкую бумагу «финелон», а также фильтрующую — для тонкой очистки дизельного топлива.

Замена природной целлюлозы искусственными материалами позволит не только сберечь большое количество ценного хвойного леса, но и экономить бумагу для ее главного назначения — печатания книг.

А все ли должно печататься на бумаге?

Этим вопросом задались ученые и специалисты.

Техническая документация, чертежи, каталоги, справочники, патенты, стандарты, рефераты, журналы и т. д. и т. п. — это же горы драгоценной бумаги! Когда-то без нее обойтись было совершенно невозможно, но сегодня, в век бурно развивающейся научно-технической революции, многое переменялось. Человечество становится изобретательнее.

И в самом деле: обязательно ли всю эту массу научно-технической и деловой информации хранить на бумаге? Не лучше ли перевести ее, скажем, на фото- или киноплёнку путем микрофильмирования?

Благодаря «умной» технике и высокочувствительным материалам получаем крохотные фотокопии нужных нам документов. Они настолько малы, что прочесть их невооруженным глазом невозможно. На помощь человеку приходят специально выпускаемые читальные аппараты, которые проецируют изображение на экран либо на стол в размере оригинала и даже больше. Короче, заряжай читальный аппарат интересующим тебя ролик (или микрофишей), удобнее устраивайся за столом и читай себе на здоровье столько, сколько хочешь! Даже листы переворачивать не придется: находить нужную страницу поможет специальный автомат.

Микрофильмирование таит в себе огромные возможности, тем более что некоторые читальные аппараты имеют копировальные устройства, с помощью которых без особо-

го труда можно получить требуемое количество копий на бумаге.

А насколько упрощается поиск необходимой информации! Как просто решается проблема с ее размещением: то, что прежде занимало целый шкаф, теперь свободно умещается на ладони; содержимое же большой библиотеки занимает один шкаф...

Мы говорили о микрофильмировании в основном научно-технической и деловой документации. А как быть, например, с художественной литературой? Известно, как велик разрыв между потребностями в ней книжного рынка и возможностями издательств. Тиражи даже в сотни тысяч экземпляров уже не удовлетворяют спроса, а дальнейшее их увеличение невозможно без значительного роста выпуска бумаги, расширения лесодобывающей, целлюлозно-бумажной и полиграфической промышленности...

Один из выходов — тоже в использовании микрофильмирования. Так, например, на 16-миллиметровой пленке длиной 30 метров можно разместить до двух с половиной тысяч страниц книжных сокровищ, а это 5 томов сочинений Гоголя или Майна Рида, Купера или, скажем, Ильфа и Петрова. Для 20 томов сочинений Александра Дюма достаточно 30 микрофиш...

Существующие сейчас системы хранения микрофильмов позволяют в объеме письменного стола разместить десятки миллионов страниц текста. Рулон пленки с сочинениями Гоголя или 30 микрофиш с романами Дюма, помещенные в картонный футляр, занимают на полке место одного тома. Площади хранения книг в связи с этим сокращаются в среднем на 90—95 процентов.

Книга-микрофильм в 100 и более раз легче книги-оригинала. Например, том в 4 килограмма при переводе на микрофильм будет весить 30 граммов. Миллион бумажных книжных страниц имеет довольно внушительный вес —

5 тонн — и занимает два книжных шкафа. После микрофильмирования масса их не превысит 40 килограммов и займут они небольшую коробку.

Изготовление книги-микрофильма в несколько раз дешевле книги-оригинала, так как микрофильмируется факсимильное изображение уже изданной книги и отпадает вся предварительная работа по ее созданию.

Обратите внимание на самый последний аргумент: отпадает предварительная работа по созданию книги. Что это значит? Что рукопись или переиздающуюся книгу не нужно направлять в наборный цех? Да. Что ни на каком этапе работы ее не придется вычитывать корректорам? Конечно. Что и помощь печатной машины не потребуется? Само собой!

Словом, мы получим книгу-микрофильм даже не заходя в типографию. Причем с иллюстрациями любимого художника, с портретом автора, с необходимым предисловием или комментариями — точно такую же, какой была воспроизводимая книга.

А сколько соблазнов сулит прочтение рукописного оригинала произведения! Читать и каждую минуту помнить, что эта строка написана Пушкиным, Толстым, Чеховым, Бальзаком, Флобером... Читать, с трепетом всматриваясь в неповторимые почерки, в каждую виньетку или беглый рисунок, оставленный на полях рукописи рукой великого человека... Читать и незаметно для себя входить в творческую лабораторию писателя, приобщаться к его мыслям и поискам, становиться его сотворцом и исследователем... Можно ли пожелать счастья большего, чем это?

Целую библиотеку микрофильмированных книг можно без особых затруднений взять с собой в далекое путешествие, на дрейфующую станцию «Северный полюс» или в труднодоступный горный район, куда тебя направляют в длительную командировку.

Такую библиотеку можно прихватить и в космос! Благо, весить она будет совсем немного, а портативные читающие аппараты, позволяющие наслаждаться чтением даже в дорожных условиях, уже созданы...

Оптимизм сторонников микрофильмирования понятен и заразителен. И все же расставаться с привычной формой книги, прямо скажем, не хочется. Да и на самом деле микрофильмирование вовсе не ставит целью заменить книгу микропленкой. Оно может лишь помочь уменьшить дефицит бумаги, удовлетворить спрос на книги, а также расширить возможность доступа каждому человеку практически к любой необходимой ему литературе.

В настоящее время есть и другие новые непечатные методы информационного обслуживания общества, не требующие никаких затрат бумаги. Кабельное и кассетное телевидение, «электронная газета», разнообразные факсимильные методы передачи информации по каналам связи все успешнее конкурируют со старыми, традиционными.

В книге «Перспективы развития печати и книгоиздания в 70—80-е гг. за рубежом» Б. С. Горбачевский писал: «Наконец, следует отметить перспективы развития так называемых систем компьютеризованного хранения, обработки и доставки информации, что позволит использовать для издательских услуг широкие возможности ЭВМ: «память» машин, гибкость и быстроту обработки информации... Накопление закодированных данных в центрах, оснащенных ЭВМ, возможность быстрого их поиска и копирования с помощью средств множительной техники все чаще исключают необходимость хранения этой информации в виде книжных изданий. Микрокопии и различного рода устройства для переработки информации с выводом ее на экран электроннолучевой трубки (ЭЛТ) заменяют справочники, библиографические указатели, научно-техническую и коммерческую информацию. Эта тенденция в развитии средств

массовой коммуникации получит еще больший размах в 80-е годы».

Да, научно-техническая революция с ее небывалыми темпами и масштабами вынуждает «подтягиваться», идти в ногу со временем и средства информации, особенно тесно связанные с наукой и производством.

Там, где старые, традиционные методы не в состоянии обеспечить нужного темпа и гибкости, научно-техническая революция создает свои, минуя привычную печатную машину.

«Мудрый» компьютер, в электронной памяти которого собрана вся информация по интересующей вас проблеме, молниеносно ответит на любой ваш вопрос, покажет любой чертеж или схему, поможет, поправит, подскажет. Нет нужды на долгие недели и месяцы «зарываться» в книги, изучая уже сделанное другими. Новые условия и возможности не должны допускать такого варварского расточительства времени и человеческих сил. Не должны и во многом нам уже помогают.

Роль новых, непечатных средств информации в жизни и нормальном функционировании современного общества действительно велика и будет постоянно расти. А это значит, что очень многое из того, что до сих пор пожирает массу бумаги и полиграфических мощностей, будет обходиться без них. Вместо большеобъемных научных томов и всевозможных технических справочников, каталогов, инструкций, патентов, снятых на микрофиши или закодированных в памяти ЭВМ, общество сможет по-прежнему (желательно, конечно, в еще больших количествах!) выпускать политическую, художественную, детскую, учебную литературу, книги по искусству, фундаментальные исследования ученых — все то, без чего не может формироваться всесторонне развитая, духовно богатая личность.

Так есть ли у книги будущее?

Как бы ни был нелеп этот вопрос, вынесенный в заголовок, он существует и, более того, вот уже многоис годы волнует умы людей.

Скептики и сомневающиеся были всегда. И ворчуны тоже. Вспомните, как сокрушенно вздыхал какой-то ворчун в древнем Вавилоне, увековечивая свои грустные переживания на глиняной табличке: «Настали тяжелые времена, прогневались боги, дети больше не слушаются родителей и всякий стремится написать книгу».

Всякий — понимаете? А если всякий начнет писать книги, то кто же их будет читать? Это же такое море, что нет никакой возможности его переварить!

«Одна из болезней нашего века — многочисленность книг...» — вторит древнему вавилонянину ученый муж из Англии XVII века. И уже совсем «хоронит» книгу автор статьи «Конец книги», вышедшей в одном из русских журналов в самом конце XIX века. Воодушевленный изобретением фонографа, он писал, что теперь «авторы будут обращаться к актерам и певцам, которые за известное вознаграждение будут передавать их произведение фонографу».

Будущего читателя он представлял себе в таком виде: «Спокойно развалиясь на подушках дивана, в удобных позах, не утомляя глаз, люди будут слушать интересные романы или поэмы, передаваемые фонографом, со всеми оттенками голоса... Не сомневаюсь, что книги, наконец, будут забыты всеми жителями земного шара и печать останется только для торговли и частных надобностей. Так или иначе, а песня книги спета. Мы видим перед собой ее предсмертные часы».

Заметим, что во времена подобных оракулов мир не знал еще ни кино, ни радиоприемников, ни телевизоров, ни магнитофонов, ни транзисторов. Все это появилось, причем в массовых количествах, некоторое время спустя, уже в на-

шем веке. И XX век, естественно, породил своих собственных скептиков и предсказателей неизбежной гибели книги. Одним из них стал канадский социолог профессор Маршалл Маклюэн.

Ошеломленный натиском новых мощных технических средств и так называемым «информационным взрывом» научно-технической революции, профессор Маклюэн вновь предвещает близкий конец «эры Гутенберга». Конечно, современник «электронного века» имеет для подобных панических высказываний больше «оснований», нежели свидетель рождения скромного фонографа, однако, несмотря ни на что, книга живет и здравствует. Более того, выпуск книг в мире увеличивается с каждым годом, а для многих стран и народов благословенная «эра Гутенберга» по сути дела только-только начинается!

Естественно, великие изобретения нашего века не могли не сказаться на роли книги в общей системе информации. Но и утратив свое некогда монопольное положение, она по-прежнему остается самой могучей силой, сердцем и душой всей современной системы коммуникаций. И этой своей роли книга не утратит никогда, ибо, как пишет ученый и писатель А. Азимов, «никогда не будет придумано что-либо подобное книге — способное дать вам как раз столько, сколько нужно, и никогда — слишком мало или слишком много, дать вам одному целую вселенную».

Печальное пророчество канадского профессора вызвало немало разговоров, однако несостоятельность его очевидна каждому. Так же, как изобретение фотоаппарата не «устранило» собой художника, а массовый выпуск грампластинок не уменьшил массы желающих попасть на концерты популярных певцов, так и кино, телевидение, радио никак не могут заменить собой книгу. Взяв на себя некоторые функции книги, они сами не могут обойтись без ее повседневной помощи: вспомним хотя бы кинофильмы и телефильмы по известным произведениям (в том числе много-

серийные), радиоинсценировки наших любимых книг, встречи с писателями, знаменитый «театр у микрофона» и многое-многое другое. Замечено, что после удачной экранизации или интересной радиопостановки к книге обращается все больше и больше читателей. Следовательно, техника нашего бурного века вовсе не враг книге, а ее союзница и помощница. Так сказать, «вопреки Маклюэну»!

Замечательную отповедь скептикам и маловерам дал еще Стефан Цвейг. С глубокой верой в книгу, в ее бессмертное будущее он писал: «Тот, кто однажды познал цену написанного и напечатанного, цену духовного общения посредством слова во всей ее неизмеримой глубине... тот улыбнется сострадательно, видя малодушие, охватившее сегодня многих, даже умных людей. Время книг миновало, теперь слово принадлежит технике, сокрушаются они; граммофон, кинематограф, радио, как более искусные и удобные передатчики слова и мысли, уже вытесняют книгу, и скоро ее культурно-историческая миссия отойдет в прошлое. Какой узкий взгляд, какая куца мысль! Ибо где и когда технике удалось совершить хоть одно чудо, которое превзошло бы или хоть сравнялось с чудом, явленным нам тысячу лет назад в книге? Химия не изобрела взрывчатого вещества, которое могло бы так потрясти весь мир; нет такой стали, такого железобетона, который превзошел бы долговечностью эту маленькую стопку покрытой печатными знаками бумаги. Ни одному источнику энергии не удалось еще создать такого света, который исходит порой от маленького томика, и никогда электрический ток не будет обладать такой силой, которой обладает электричество, заложенное в печатном слове».

И далее: «Нестареющая и несокрушимая, неподвластная времени, самая концентрированная сила, в самой насыщенной и многообразной форме — вот что такое книга; так ей ли бояться техники; разве не с помощью тех же книг техника совершенствуется и распространяется? Повсюду,

не только в нашей личной жизни, книга есть альфа и омега всякого знания, начало начал науки. И чем тесней ты связан с книгой, тем глубже открывается тебе жизнь, ибо благодаря ее чудесной помощи твой собственный взор сливается с внутренним взором бесчисленного множества людей, и, любя ее, ты созерцаешь и проникаешь мир во сто крат полней и глубже».

Трудно сказать о книге лучше, не правда ли?

Вопреки всяким печальным предсказаниям, книг с каждым годом выпускается все больше, и тем не менее их все заметнее не хватает. На наших глазах происходит приобщение к книжной культуре населения молодых и развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки. Века колониального ига и империалистического владычества надолго задержали развитие этих народов. Одним из тяжелых наследий недавнего прошлого здесь является массовая безграмотность. Более миллиарда жителей нашей планеты до сих пор не умеют читать и писать. Приобщаясь к грамоте, они неизбежно приобщаются к книге. Миллиард новых читателей — «галактика Гутенберга» действительно только восходит!

Впрочем, такие несметные массы читателей таят в себе не только развивающиеся страны. Любой социолог вам скажет, что чем грамотнее, образованнее человек, тем больше книг он читает. Это тоже — серьезный резерв. А сколько неграмотных рабочих и крестьян насчитывается даже в высокоиндустриальных, ведущих странах капиталистического мира и сегодня? Многие десятки миллионов, чей нелегкий удел — жизнь в трущобах, безработица, нищета.

Не так давно (в 1979 г.) многие газеты мира обошли два любопытных (скорее всего — горестных) документа (рис. 1 и 2 на стр. 322).

Внимательно вглядываюсь в рисунки, так похожие на «рассказы в картинках» древних людей, еще не знавших секрета письменности. Но нет, авторы их не древние охот-

Рис. 1

Рис. 2.

ники или собиратели, а наши современники из страны, известной своей давней и высокой культурой,— Италии.

Документы — пиктографические письма сицилийской крестьянки и ее неграмотного мужа, вынужденного в поисках заработка покинуть родину и надолго оставить семью. Жена пишет мужу (рисунок 1-й):

«Моя далекая любовь, я и дети чувствуем себя хорошо, только младшенький что-то прихворнул.

Послала тебе письмо и очень волнуюсь, что нет ответа. Твоя мама заболела, и ее положили в больницу. Мы ходили навещать ее и отнесли ей все, что нужно.

Я заплатила 150 000 лир за то, что нам вспахали и засеяли участок. У нас прошли муниципальные выборы. Я го-

лосовала за христианских демократов — так мне посоветовал наш священник. Он сказал, что ИКП потеряла голоса. Нам-то все равно, что ХДП, что ИКП: как копались в земле, так и будем копать.

Сейчас время думать об оливках. Урожай хороший. Я наняла человека, чтобы он обтряс дерево, а мальчишки подбирали оливки с земли. Это мне обошлось в 27 000 лир. И за маслобойку пришлось заплатить 12 000. Масла набралось — один большой кувшин и один поменьше. Его можно продать по 1 300 лир за литр.

Моя далекая любовь, я надеюсь, что ты сможешь приехать на праздники, и мы проведем их вместе.

Привет от меня и от наших детей, обнимаю тебя.

Твоя верная жена».

Надо полагать, что муж, хорошо знающий горести и заботы своих близких, без большого труда прочел это послание. Да и не впервой «читать» ему такие письма: беда, как говорится, вымучит, беда и выучит. Вот что он «написал» в ответ:

«Моя дорогая жена, получил твое письмо и сообщаю, что чувствую себя хорошо.

Я огорчен, что моя милая мама находится в больнице. Я написал ей отдельно.

Отправил тебе 1 500 марок на расходы по хозяйству.

Да здравствует ИКП! Долой ХДП! Ты же знаешь, что моя партия — ИКП. Вот вернусь и всыплю тебе. И священнику тоже, чтобы не совался в чужие дела.

Хорошенько ухаживай за нашим малышом. На праздники я приеду, и мы проведем их вместе.

Обнимаю тебя.

Твой муж.

Не забудь плотно закрыть кувшин с маслом, а то туда могут попасть мыши. И не продавай масло по 1 300 лир за литр».

Переведены письма правильно, достаточно внимательно «прочтешь» все рисунки, чтобы убедиться в этом. Сколько щемящей тоски и боли оставляют в душе эти бесхитростные человеческие документы! Век атома и электроники — и пиктография! Страна величайших культурных традиций — и 16 миллионов неграмотных!.. И добро бы — только в одной Италии...

На одном полюсе — роскошь, власть, беспечное прожигание жизни, на другом — рабский труд, беспросветная нужда, темнота. Извечный, жестокий закон эксплуататорского общества. Недавнее прошлое и нашей с вами страны.

В 1975 году федеральное правительство США провело исследование, которое показало, что 23 миллиона взрослых американцев практически не умеют читать и писать, а еще 34 миллиона «не владеют навыками чтения и письма в достаточной степени, чтобы ими нормально пользоваться».

Авторы доклада и не скрывают главную причину такого скорбного положения, они видят ее в бедности. И это, заметим себе, в стране, чья пропаганда без устали трубит о «правах человека» и мнимом превосходстве «американского образа жизни». И это в государстве, которое имеет самый большой военный бюджет и в угоду военно-промышленному комплексу без жалости бросает на бессмысленную гонку вооружений десятки и сотни миллиардов долларов, добытых трудом и потом трудящихся.

Таким образом, армия читателей на нашей планете располагает поистине огромными резервами. Трудно сказать, какими темпами будет расти их приобщение к грамоте и книге, однако в целом прогрессивный этот процесс неизбежен.

За примерами далеко ходить не нужно. Так, статистика подсчитала, что для достижения всеобщей грамотности в

условиях царской России потребовалось бы: в центральных губерниях страны — 120 лет, в Сибири и на Кавказе — 430 лет, а в Средней Азии — 4600 лет. Так бы оно, пожалуй, и было, если бы сами трудящиеся не взяли власть в стране в свои руки. Народное государство, Советская власть увидели в книге величайшую преобразующую силу и сделали все возможное, чтобы этой силой овладели миллионы. И потребовались для этого не тысячи и даже не сотни лет, а всего лишь два десятилетия!

Да, «эра Гутенберга» еще далеко не исчерпала себя. Книга победно шествует по земному шару, авторитет ее высок как никогда.

Вместе с тем это совсем не значит, что не нужно анализировать и изучать те конкретные условия, в которых книга сегодня живет и действует. Этими вопросами занимаются многие солидные научные институты. Участились международные конгрессы, обсуждающие настоящее и будущее средств массовой коммуникации, проводятся международные выставки новейшей полиграфической и неполиграфической техники. Анализируется текущая практика, изучаются перспективы тех или иных способов хранения и размножения информации, с учетом достижений научно-технической революции строятся прогнозы, вносятся в планы необходимые коррективы.

Научно-техническая революция — не враг книги. Те новейшие технические средства информации, которые она выработала для удовлетворения своих потребностей, берут на себя лишь некоторые функции печатной продукции и уж никак не «устраняют» книгу.

Больше того, многими своими сегодняшними успехами, как мы видели, книга обязана именно научно-технической революции. Это и скоростные печатные машины, и фотонабор, и автоматические считывающие устройства, и лазерная техника для изготовления печатных форм, и многое-многое другое.

Бурно развивающаяся НТР обогатила издательскую практику принципиально новыми решениями и в то же время поставила перед ней ряд серьезных вопросов. Как они будут решаться, по каким направлениям пойдет дальше развитие печатного дела, какой может быть взаимосвязь полиграфической промышленности и электронных средств коммуникации в будущем — эти вопросы, естественно, волнуют и специалистов, и широкий круг любителей книги.

Новые и традиционные средства в условиях научно-технической революции будут, по-видимому, и дальше взаимно дополнять и обогащать друг друга.

Один пример. Как известно, информация, заложенная в «памяти» электронно-вычислительной машины, реализуется в виде закодированной записи на магнитоленте. Чтобы затем превратить ее в текст, который можно прочесть на экране, или в микрофильм, нужны специальные электронные устройства.

Недавно советские конструкторы из Всесоюзного института научной и технической информации создали один очень удобный комплекс. Он предназначен для преобразования закодированной в магнитоленте информации в обычные гранки фотонабора, что позволяет при необходимости размножить ее на той же печатной машине. Таким образом, информация, накопленная непечатным способом, может, если потребуется, стать и привычной традиционной книгой. Содержание книги, в свою очередь, легко «усваивается» запоминающим устройством ЭВМ.

Развивающаяся научно-техническая революция будет по-прежнему благотворно влиять на дальнейшее совершенствование печатного дела. Так, широкое внедрение новейших фотонаборных систем создаст условия для повсеместного перехода к безнаборному изготовлению печатных форм. Еще большее развитие получит тесно связанная с фотонабором офсетная печать. В будущем на смену фо-

тонабору и офсетной печати, по-видимому, придут новые виды печати: электростатическая и электромагнитная.

Независимо от того, какими способами будет осуществляться набор и печать текста — традиционными или новыми, внешний облик книги не изменится. Разве что из-за недостатка бумаги возрастет количество книг малых форматов. Значительно увеличится также выпуск книг в мягких обложках из синтетических материалов.

Еще большее применение в ближайшие годы получит так называемый «четвертый способ печати» — репрография. Активное развитие средств репрографии, внедрение новой высокопроизводительной копировально-множительной техники также вызваны потребностями НТР. С одной стороны, этот способ гораздо дешевле традиционной печати и тем более новых технических средств коммуникации. С другой — копировальная техника более оперативна и мобильна. За рубежом уже давно большое количество информационных, научно-технических, учебных изданий выпускается этим способом.

Для малотиражной печатной продукции, рассчитанной на узкий круг читателей-специалистов, применение дорогостоящей техники «большой» полиграфии действительно нерационально. Куда проще и быстрее изготовить печатную форму методом копирования прямо с машинописного листа и отпечатать брошюру на ротапринте.

Ротапринт — малоформатная листовая офсетная печатная машина. Она широко используется для оперативного размножения несложной печатной продукции тиражами от нескольких сот до нескольких тысяч экземпляров. Ее можно встретить в научных институтах, высших учебных заведениях, различных государственных учреждениях.

Средства «малой», оперативной полиграфии вносят свой вклад в эффективное информационное обслуживание

общества. В будущем они получат еще более интенсивное развитие.

Таким образом, и в новых условиях, под влиянием бурно развивающейся научно-технической революции, роль книги в жизни общества остается по-прежнему высокой и незаменимой. Сфера ее действия постоянно расширяется, к ней приобщаются все новые и новые миллионы читателей.

Прогресс в любой области человеческой деятельности, в том числе сама научно-техническая революция, невозможен без книги.

Вместо заключения

Человек придумал книгу... «Придумал» — так же, как колесо и парус, паровоз и автомобиль, подводную лодку и зерноуборочный комбайн, самолет и космическую ракету... Непроста, ох как непроста история изобретения всех окружающих ныне человека вещей, предметов и машин, однако история книги, как мы убедились, пожалуй, самая сложная и долгая. Постепенно набираясь опыта, накапливая знания, человечество шло к ней не одно тысячелетие.

До изобретения печатного станка книга была каменной, глиняной, тростниковой, деревянной, шелковой, кожаной, восковой и т. д., изменяясь вместе с ее творцом-человеком. Прошли сотни и тысячи лет, но, прочтенные заново, они донесли до нас мысли и чувства их далеких авторов, живое движение поколений — с их проблемами, знаниями, страстями, борьбой.

«Книга — это духовное завещание одного поколения другому, — писал А. И. Герцен, — совет умирающего старца юноше, начинающему жить; приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому, заступающему его место. Вся жизнь человечества последовательно оседала в книге: племена, люди, государства исчезали, а книга оставалась. Она росла вместе с человечеством, в нее кристаллизовались все учения, потрясавшие умы, и все страсти, потрясавшие сердца; в нее записана та огромная исповедь бурной жизни человечества, та огромная аутография, которая называется всемирной историей».

Рожденная жизнью, ее материальными и духовными потребностями, книга стала могучим фактором переустрой-

ства самой этой жизни. Мощное развитие науки, техники, общественных движений было бы невозможно без фиксации знаний и опыта предыдущих поколений. Книга обогащает нашу духовную жизнь, формирует идеалы, воспитывает гражданские чувства. Она может огорчить и обрадовать, повергнуть в глубокую задумчивость и развеселить, перенести в далекое прошлое и заглянуть в будущее.

Не случайно книга всегда высоко ценилась людьми, а тех, кто много знал, окружали почетом и уважением. Сколько прекрасных, полных любви и благодарности слов сказано о ней.

Многие годы известный советский ученый Е. С. Лихтенштейн собирал их, эти высказывания, и вот перед нами интереснейшее и воистину бесценное по своему содержанию издание — «Слово о книге». Перевернем хотя бы несколько страниц «Слова», чтобы послушать, что и как говорили о книге великие люди разных эпох.

Марк Тулий Цицерон: Занятия с книгами юность питают, старость увеселяют, счастье украшают, в несчастии доставляют убежище и утешение... Дом, в котором нет книг, подобен телу, лишенному души.

Али-ибн-аль-Джахм: Книга — ночной собеседник; когда ты подсядешь к нему, он заставляет твое сердце позабыть про гнетущую боль страдания; он приносит тебе знание или увеличивает твою мудрость; он не завистлив и не бывает упорным в злобе; он хранит, что ты ему поручишь, без небрежности и не изменяет договору дружбы, каким бы древним он ни был.

Франческо Петрарка: Золото, серебро, жемчуг, пурпурные одежды, мраморные здания, картины и другие предметы могут доставлять только преходящее удовольствие, книги же могут привести нас в истинный восторг: они говорят с нами, как живые, они — наши лучшие советники, наши ближайшие друзья.

Джон Мильтон: Почти то же — убить человека или

убить хорошую книгу: кто убивает человека, тот уничтожает разумное существо... но кто уничтожает хорошую книгу, тот убивает самый разум...

Николай Карамзин: История ума представляет две главные эпохи: изобретение букв и типографии; все другие были их следствием.

Альфонс де Ламартин: Если пар и железные дороги уничтожили расстояние, то книгопечатание уничтожило время: благодаря ему мы все — современники. Я беседую с Гомером и Цицероном, а Гомеры и Цицероны будущего будут беседовать с нами.

Александр Пушкин: Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правление не может устоять против всеразрушительного действия типографического снаряда.

Виктор Гюго: В виде печатного слова мысль стала долговечной, как никогда: она крылата, неуловима, неистребима. Она сливается с воздухом... она превращается в стаю птиц, разлетающихся на все четыре стороны, и занимает все точки во времени и в пространстве... Разрушить можно любую массу, но как искоренить то, что вездесуще? Наступит потоп, исчезнут под водой горы, а птицы все еще будут летать...

Александр Герцен: ...в книге не одно прошедшее; она составляет документ, по которому мы вводимся во владение настоящего, во владение всей суммы истин и усилий, найденных страданиями, облитых иногда кровавым потом; она — программа будущего.

Федор Достоевский: Когда я вижу вокруг себя, как люди, не зная, куда девать свое свободное время, изыскивают самые жалкие занятия и развлечения, я разыскиваю книгу и говорю внутренне: этого одного довольно на целую жизнь.

Максим Горький: Величайшее из чудес, созданных человеком, — книга воплощает в себе все знания о жизни мира,

всю историю роста мирового разума, весь исторический труд и опыт народов земли, — книга самое мощное орудие дальнейшего развития духовных сил человечества.

Разные исторические эпохи, разные люди, а как они единокорны. Безусловно, все эти превосходные оценки адресованы честной, прогрессивной книге. А ведь известно, что она может быть и реакционной, отравляющей сознание читателей человеконенавистническими идеями, извращающей подлинные знания, ведущей в мрачные тупики мракобесия и индивидуализма.

Решающее значение здесь имеет то, в чьих руках находится печать, какому классу она служит. Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Владимир Ильич Ленин неоднократно подчеркивали классовый характер культуры, и книги в частности. Книга развивается вместе с обществом, и характер ее зависит от того, чьи интересы, идеи, устремления она выражает и защищает. Прогрессивная печать, подчеркивал Маркс, «живет в народе и честно делит с ним его надежды и тревоги, его любовь и ненависть, его радости и горести». Реакционная печать, как и силы, которые она обслуживает, не имеет исторической перспективы. Вспомним такие, например, книги, как «Молот ведьм» и «Майн Кампф». Пособия для инквизиторов и фашистов, они бесславно закончили свое существование в помойных ямах истории. Немало подобной (антикоммунистической, антисоветской, расистской, милитаристской и т. п.) литературы печатается, распространяется в мире и сегодня. Можно не сомневаться, ее ожидает та же незавидная судьба.

Таким образом, в классовом, эксплуататорском обществе книга вынужденно выполняет двойственную социальную функцию. Впервые с этой двойственностью покончила Октябрьская социалистическая революция, породившая принципиально новую книгу и нового читателя.

Во всем мире к книге прогрессивной приобщаются все новые и новые массы читателей. Несмотря на появление

мощных технических средств информации, ее роль в созидательной деятельности человечества постоянно возрастает. Сегодня книга поистине всесильна. Как огонь, прирученный человеком, она вечна и бессмертна. У нее есть все — и тревожное тысячелетнее прошлое, и замечательное настоящее, и еще более прекрасное будущее. Нет лишь одного — конца.

«Можно ли исчерпать тему человеческого знания, тему поисков истины, тему красоты? — спрашивает, заключая свою увлекательную «Книгу о книге», советский писатель Сергей Львов и отвечает: — Конечно, нет! Значит, нельзя исчерпать и тему «Книга». Она неисчерпаема, как существование человечества, как Вселенная... Никто не может написать всего о книге, потому что никто даже не знает, как определить, что это значит — «все о книге». Эта тема принадлежит к числу тех, которые нельзя исчерпать, как нельзя исчерпать океан. Но в любой капле воды, зачерпнутой из океана, — океан».

Такой «каплей» видится мне и эта книга.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 5

1

Из глубины тысячелетий 11

2

Человечество в поиске 35

3

Тайны глиняных книг 63

4

Камни и свитки «Страны пирамид» 81

5

Сотворение алфавита 105

6

Кроме глины и папируса 133

7

Рукописная книга 149

8

Рождение чуда 169

9

Первые славянские печатники 193

10

Книга в России 227

11

На службе мира и прогресса 249

12

И искусство, и отрасль производства 277

13

Научно-техническая революция и книга 301

Вместо заключения 329

Паль Р. В.
002 Человек придумал книгу. — М.: Сов. Россия, 1983. — 336 с., ил.

Увлекательный рассказ об истории возникновения и развития письменности — от наскальных рисунков древнего человека до буквенного письма, о характере рукописной книги и появления книгопечатания, об успехах и проблемах книгоиздания в наше время. Наряду с мировым книжным процессом особое внимание уделено русской и советской книге.

Издание приурочено к 400-летию со дня смерти Ивана Федорова.

П 4503000000—070 КБ—13—25—1983
М-105(03)83

П14

Роберт Васильевич Паль

ЧЕЛОВЕК ПРИДУМАЛ КНИГУ

Редактор И. М. Поспелова

Художественный редактор И. И. Рыбченко

Технический редактор Т. С. Маринина

Корректор Л. В. Дорофеева

ИБ № 3241

Сдано в наб. 25.03.83. Подп. в печать 21.11.83.
А14904. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл.
п. л. 14,70. Усл. кр.-отт. 16,45. Уч.-изд. л. 15,33.
Тираж 50 000 экз. Заказ 241. Цена 80 к. Изд.
инд. НА-181.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская
Россия» Государственного комитета РСФСР по
делам издательств, полиграфии и книжной торгов-
ли. Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома
Государственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Электросталь Московской области, ул. им.
Тевосяна, 25.

· ЧЕЛОВЕК ПРИДУМАЛ КНИГУ ·

· ЧЕЛОВЕК ПРИДУМАЛ КНИГУ ·

· ЧЕЛОВЕК ПРИДУМАЛ КНИГУ ·

· *Человек придумал книгу* ·

· ЧЕЛОВЕК ПРИДУМАЛ КНИГУ ·

· ЧЕЛОВЕК ПРИДУМАЛ КНИГУ ·

· Человек придумал книгу ·

· ЧЕЛОВЕК ПРИДУМАЛ КНИГУ ·

· ЧЕЛОВЕК ПРИДУМАЛ КНИГУ ·

· ЧЕЛОВЕК ПРИДУМАЛ КНИГУ ·

